Вл. Горнъ, В. Мечъ, Череванинъ.

БОРЬБА

общественныхъ силъ въ русской революціи.

Выпускъ II.

ЧЕРЕВАНИНЪ.

ПРОЛЕТАРІАТЪ ВЪ РЕВОЛЮЦІИ.

МОСКВА.—1907.
Типо-литографія Русскаго Товарищества печатнаго и издательскаго дѣла.
Чистые пруды, Мыльниковъ пер. соб. д. Телефонъ № 18.35 53 95.

Нѣсколько словъ вмѣсто предисловія.

Я не ставилъ себѣ задачей въ этой работѣ всесторонне изслѣдовать тотъ процессъ внутренняго развитія, который переживали пролетаріатъ и его авангардъ — соціалъ-демократія въ теченіе революціи.

Задача, которую я себѣ поставилъ, — значительно уже. Содержаніемъ моей работы является изслѣдованіе прямого, непосредственнаго участія пролетаріата въ революціи, его революціонной работы. И внутренній процессъ развитія пролетаріата я изслѣдовалъ только по стольку, по скольку онъ проявлялся въ этой революціонной работѣ. Своему изслѣдованію я предпослалъ краткое введеніе о причинахъ революціи съ цѣлью выяснить ту общую обстановку, среди которой происходило революціонное движеніе пролетаріата.

Авторъ.

ВВЕДЕНІЕ.

ПРИЧИНЫ РЕВОЛЮЦІИ.

Крымская война нанесла первый серьезный ударъ русскому самодержавію. Совершенно ясной, очевидной стала негодность того общественнаго строя, который существовалъ въ Россіи, и необходимость его коренного преобразованія. Но экономическое развитіе еще не создало тогда въ Россіи общественныхъ силъ, способныхъ рѣшительно и безповоротно покончить со старымъ общественнымъ строемъ. Не было силъ, которыя могли бы уничтожить самодержавіе, сломить господство бюрократіи.

Бюрократія, увидавши въ военномъ пораженіи и непрерывныхъ волненіяхъ крестьянства угрозу своему существованію, рѣшила спасти себя обновленіемъ общественнаго строя. Принципъ самодержавія остался неприкосновеннымъ, но самодержавіе въ цѣляхъ своего спасенія обставило себя такими условіями, которыя должны были въ концѣ концовъ подготовить его гибель. И освобожденіе крестьянъ, и созданіе земскаго самоуправленія, и реформа судебныхъ учрежденій, и покровительство промышленности, и постройка желѣзныхъ дорогъ, все это подготовляло гибель самодержавію, расчищая почву для капиталистическаго развитія, вызывая къ жизни неразрывно связанную съ этимъ развитіемъ ожесточенную классовую борьбу. Но непосредственно освободительныя реформы не убили еще старой Россіи, господства бюрократіи и дворянства онѣ не сломили, и силы стараго общества заставили себѣ дорого заплатить за всѣ тѣ реформы, на которыя онѣ согласились.

Крестьянамъ была уменьшена земля, которою они владѣли, и за ту землю, которая имъ досталась, ихъ заставили заплатить дороже, чѣмъ земля стоила. На освобожденныхъ крестьянъ са-

модержавіе навалилось всей своей тяжестью, выжимая изъ нихъ всѣ соки путемъ прямыхъ и косвенныхъ налоговъ. Крестьяне, притиснутые къ стѣнѣ самодержавіемъ, жадно искали выхода и тутъ ихъ подстерегалъ помѣщикъ, сдавая имъ землю за непомѣрно высокую цѣну, или заставляя ихъ за безцѣнокъ работать на своихъ поляхъ. Государство и помѣщики вступили между собою въ тѣсную связь на почвѣ эксплоатаціи мужика, но ихъ эксплоатація, доводя мужика до полнаго обнищанія и разоренія, не была въ то же время той силой, творящей будущее, какой является капиталистическая эксплоатація. Только незначительная часть того дохода, который выжимался изъ крестьянъ помѣщиками и государствомъ, получала производительное назначеніе, большая часть совершенно непроизводительно растрачивалась. Для дворянъ-землевладѣльцевъ не было никакого разсчета создавать болѣе высокое капиталистическое хозяйство въ земледѣліи, когда гораздо большіе барыши можно было получать, отдавая землю въ аренду или заставляя крестьянъ за ничтожную плату обрабатывать свою землю. У крестьянъ же не было ни свободныхъ денегъ, ни знаній для того, чтобы поднимать культуру земли, чтобы увеличивать производительность труда.

Одной рукой способствуя развитію капитализма, самодержавная бюрократія другой его задерживала. Она создавала рынокъ для капиталистической промышленности и она же сокращала его.

Уничтоженіе крѣпостной зависимости крестьянъ, ослабленіе насильственной связи ихъ съ землей, нѣкоторая свобода передвиженія, наконецъ выколачиваніе податей, заставлявшее крестьянъ продавать хлѣбъ и искать работы на сторонѣ, все это развивало взаимодѣйствіе между городомъ и деревней и вело къ замѣнѣ натуральнаго хозяйства денежнымъ. Развитіе желѣзныхъ дорогъ приближало городъ къ самымъ глухимъ деревенскимъ угламъ и создавало въ деревнѣ спросъ на продукты городской промышленности. Деревня бросала самобытное производство и, отдавая часть своихъ силъ городу, покупала производимые городомъ продукты. Переходъ отъ натуральнаго хозяйства къ денежному былъ прежде всего факторомъ созданія и расширенія рынка для капиталистической промышленности.

Но расширеніе рынка на почвѣ этого фактора неизбѣжно должно придти къ границамъ, дальше которыхъ оно совершаться

не можетъ, и Россія уже близка къ этимъ границамъ: натуральное хозяйство почти вездѣ уже замѣнилось денежнымъ.

Другимъ факторомъ, создающимъ рынокъ, былъ тотъ доходъ, который государство и помѣщики выколачивали себѣ изъ крестьянъ, открывая затѣмъ изъ этого дохода спросъ на продукты промышленности. Этотъ доходъ сильно выросъ со времени освободительной реформы. Но только въ небольшихъ, очень узкихъ границахъ эксплоатація государства и помѣщиковъ можетъ рости насчетъ потребленія крестьянъ. Крестьянство не можетъ наполнять кассу государства и помѣщиковъ все большими и большими суммами, разъ общая сумма дохода, которую оно получаетъ изъ земли, не растетъ. Мы приходимъ такимъ образомъ къ третьему и единственно прочному фактору расширенія рынка для промышленности—развитію производительныхъ силъ деревни. Капитализмъ нашъ еще слишкомъ слабъ, чтобы завоевывать внѣшніе рынки и спросъ на продукты нашей промышленности можетъ рости поэтому только при развитіи производительности земли и земледѣльческаго труда. Но это развитіе какъ разъ и тормазилось безмѣрной эксплоатаціей мужика со стороны государства и помѣщиковъ.

Бюрократія покровительствовала промышленности, высокими пошлинами она оградила внутренній рынокъ Россіи отъ заграничной конкуренціи, но эти же покровительственныя пошлины падали лишней тяжестью на крестьянство, на этотъ главный, въ большей части Россіи единственный производительный классъ деревни, и дѣлались такимъ образомъ лишнимъ тормазомъ для развитія производительныхъ силъ земледѣлія. Бюрократія тратила огромныя деньги на постройку желѣзныхъ дорогъ и самой этой постройкой создавала рынокъ для промышленности. Но желѣзныя дороги должны были для чего-нибудь существовать и чѣмъ-нибудь питаться; развитіе производительныхъ силъ въ городѣ и деревнѣ могло бы ихъ дѣлать источникомъ огромнаго дохода, изъ котораго затѣмъ могла бы совершаться дальнѣйшая постройка желѣзныхъ дорогъ, давая новые и новые толчки развитію промышленности. На почвѣ систематическаго обезсиливанія деревни и паденія производительности земледѣльческаго труда желѣзныя дороги не могли приносить значительнаго дохода и постоянное расширеніе желѣзнодорожной сѣти дѣлалось поэтому лишнимъ факторомъ разоренія деревни.

Покровительственными пошлинами, постройкой желѣзныхъ дорогъ, казенными заказами бюрократія приручала къ себѣ буржуазію, но систематически угнетая своей дѣятельностью рынокъ, она въ концѣ концовъ должна была вступить въ непримиримое противорѣчіе съ интересами буржуазіи. И когда послѣдняя война всѣми своими неудачами ad oculos показала всѣмъ, какъ непроизводительно бюрократія растрачиваетъ тѣ деньги, которыя она выжимаетъ изъ населенія, тогда и буржуазія, поддерживавшая до сихъ поръ интимныя связи съ бюрократіей, встала къ ней въ оппозицію.

Но еще за долго до этого начались волненія среди того слоя, который непосредственно страдалъ отъ эксплоатаціи государства и помѣщиковъ—среди крестьянства. Развитіе производительныхъ силъ задерживалось и ослаблялось, и крестьянство, пролетаризируясь и разоряясь, не встрѣчало растущаго спроса на свой трудъ ни въ городѣ, ни въ капиталистическихъ предпріятіяхъ деревни. Его вниманіе направлялось поэтому на землю, и, желая стряхнуть съ земли паразитовъ-дворянъ и завладѣть доходами съ земли, оно становилось могущественнымъ факторомъ прогресса. Для того, чтобы доходъ съ земли могъ получать производительное назначеніе, для того, чтобы онъ былъ источникомъ для развитія производительныхъ силъ, для этого онъ долженъ былъ стать достояніемъ крестьянства, какъ главнаго и во многихъ мѣстахъ единственнаго производительнаго класса деревни.

Но если въ той революціи, которая надвигалась на самодержавіе, прежде всего и больше всего было заинтересовано крестьянство, то изъ этого еще конечно не слѣдовало, что крестьянство должно было стать главнымъ застрѣльщикомъ и двигателемъ революціи. Въ качествѣ застрѣльщика революціи выступила профессіональная интеллигенція, а главнымъ двигателемъ ея явился рабочій пролетаріатъ.

Въ современномъ обществѣ создается широкій слой профессіональной интеллигенціи, имѣющей свои профессіональные интересы, но въ то же время обслуживающей интересы всѣхъ классовъ населенія. Частью этотъ слой наполняется представителями имущихъ классовъ, живущихъ не только продажей своего интеллигентскаго труда, но и эксплоатаціей чужого труда, но боль-

шая часть этого слоя занимается исключительно профессіональной интеллигентской дѣятельностью.

За время протекшее послѣ освободительныхъ реформъ профессіональная интеллигенція выросла до огромныхъ размѣровъ.

Во-первыхъ, на почвѣ земскаго самоуправленія создался очень широкій слой земской интеллигенціи. Для высшихъ земскихъ должностей—предсѣдателей, членовъ управъ онъ набирался изъ помѣстнаго дворянства, а вокругъ этихъ земскихъ генераловъ группировались разнообразныя группы профессіональныхъ земскихъ работниковъ: врачей, учителей, агрономовъ, статистиковъ.

Верхній слой этой земской интеллигенціи былъ дворянскимъ благодаря земскому положенію, и это не могло не класть извѣстнаго классоваго отпечатка на его дѣятельность; но онъ не былъ во всякомъ случаѣ настоящимъ идейнымъ выразителемъ интересовъ дворянства. Интеллигентные земцы—дворяне выбирались дворянствомъ не для защиты его классовыхъ интересовъ, а для выполненія чисто культурныхъ задачъ, и этимъ объясняется, что, когда подоспѣло время ожесточенной классовой борьбы, эти земцы оказались отщепенцами дворянства, а не его идейными вождями. Посредствомъ партіи кадетовъ они слились въ одну общественную силу съ профессіональной интеллигенціей и оказались въ антагонизмѣ съ огромнымъ большинствомъ дворянства.

Что же толкало представителей земской интеллигенціи въ оппозицію къ самодержавію? Ихъ толкала вся та культурная дѣятельность, которой они жили и которая постоянно натыкалась на препятствія со стороны бюрократіи, стремящейся подчинить земскую дѣятельность своему мелочному придирчивому контролю. Ихъ оппозиціонное настроеніе развивалъ самый фактъ самоуправленія, необходимость защиты его отъ постоянныхъ поползновеній бюрократіи ограничить, съузить его, довести до ничтожнаго минимума.

Неимущая земская интеллигенція, такъ называемый третій элементъ была предметомъ особенныхъ нападеній бюрократіи, такъ какъ, близко стоя къ народу, оказывая на него неизбѣжное идейное вліяніе, она была тѣмъ самымъ постоянной угрозой для бюрократіи. А невозможность вести земское хозяйство безъ третьяго элемента еще болѣе сплачивала съ нимъ земскій слой въ совмѣстной борьбѣ ихъ противъ бюрократіи.

Наконецъ, ставило въ оппозицію земскую интеллигенцію къ самодержавію и общее всей интеллигенціи стремленіе къ свободѣ мысли и слова, къ возможности безпрепятственно развивать свою интеллигентскую дѣятельность, какимъ бы идейнымъ содержаніемъ она ни отличалась. Выступая въ качествѣ представителя той культурной работы, безъ которой немыслимо развитіе производительныхъ силъ страны, земская оппозиція являлась въ борьбѣ съ самодержавіемъ одной изъ прогрессивныхъ силъ буржуазнаго общества, стремящагося освободить свои производительныя силы отъ тѣхъ путъ, которыя наложило на нихъ господство самодержавной бюрократіи.

Навстрѣчу земской интеллигенціи пошла городская, выросшая до громадныхъ размѣровъ благодаря развитію капитализма и городской жизни. Нуждаясь въ политической свободѣ въ силу самаго характера своей дѣятельности, этотъ слой больше чѣмъ какой нибудь другой нуждается для того, чтобы прилагать свои силы, находить себѣ работу въ дальнѣйшемъ экономическомъ развитіи страны; онъ прямо, непосредственно заинтересованъ затѣмъ въ томъ, чтобы классовая борьба совершалась въ открытыхъ свободныхъ парламентскихъ формахъ, такъ какъ обслуживаніе борьбы различныхъ классовъ при этихъ условіяхъ дѣлаетъ интеллигенцію вліятельнымъ и правящимъ общественнымъ слоемъ.

Гнетъ бюрократіи, произволъ и насиліе администраціи и чиновничества давили крестьянство, угнетали интеллигенцію, но сильнѣе всего они давали себя чувствовать пролетаріату.

Всѣ его надежды, все его будушее покоится на постоянной непрерывной борьбѣ съ капиталистами. Для этой борьбы пролетаріатъ нуждается въ полной политической свободѣ. Его классовое положеніе толкало его стихійно къ постоянной экономической борьбѣ съ капиталистами и въ этой экономической борьбѣ онъ постоянно натыкался на препятствіе въ видѣ самодержавно-полицейскаго строя.

Экономическая борьба пролетаріата естественно и неизбѣжно поэтому переходила въ политическую. Создавалась группировка силъ: съ одной стороны самодержавіе и капиталисты, съ другой пролетаріатъ. Но развивающаяся борьба пролетаріата разбивала связь между самодержавіемъ и буржуазіей. Самодержавіе оказы-

валось безсильнымъ подавить движеніе пролетаріата; желая отвратить пролетаріатъ отъ политики, оно вступало на путь зубатовской политики, разжигало экономическую борьбу съ капиталистами, становясь такимъ образомъ въ полное противорѣчіе съ интересами буржуазіи; наконецъ борьба пролетаріата, не будучи въ состояніи принять при отсутствіи политической свободы планомѣрный организованный характеръ, проявлялась въ видѣ огромныхъ стихійныхъ стачекъ, которыхъ никогда нельзя было предвидѣть и невозможно было предотвратить, и которыя, расширяясь и учащаясь, ставили промышленность въ неустойчивое положеніе. Буржуазіи приходилось все болѣе убѣждаться въ томъ, что ея собственные интересы требуютъ — поставить неизбѣжную классовую борьбу пролетаріата въ тѣ свободныя политическія условія, которыя существуютъ на Западѣ.

Послѣ освободительныхъ реформъ самодержавіе вышло временно окрѣпшимъ. Долгое время оно имѣло за себя все, кромѣ ничтожной кучки, наиболѣе идеалистически настроенной интеллигенціи. За него было благодарное крестьянство, представлявшее первое время по начальству смутьяновъ, сбивавшихъ его на путь политики. За него было дворянство, занимавшееся при его содѣйствіи безсовѣстной эксплоатаціей крестьянства. За него была буржуазія, развивавшая при его покровительствѣ свою дѣятельность. Къ нему была примирительно настроена масса интеллигенціи, ожидавшая дальнѣйшихъ реформъ и дальнѣйшихъ уступокъ своимъ „безсмысленнымъ мечтаніямъ" и, во всякомъ случаѣ, не противъ него въ теченіе всѣхъ 70 и 80-хъ годовъ была масса складывающагося въ городахъ пролетаріата.

Но по логикѣ неумолимаго экономическаго развитія противъ него должно было оказаться въ концѣ концовъ все, кромѣ помѣстнаго дворянства.

Центральную роль въ той группировкѣ общественныхъ силъ, которая создалась противъ самодержавія, сыгралъ несомнѣнно рабочій пролетаріатъ. Его роли въ революціи мы и посвятимъ дальнѣйшее изслѣдованіе.

1.

До 9-го января.

Въ концѣ 70-хъ годовъ соціалистически настроенная интеллигенція, встрѣтивши въ самодержавіи сильнѣйшее препятствіе для развитія своей дѣятельности, вступила съ нимъ въ отчаянную борьбу. Борьба эта окончилась пораженіемъ, такъ какъ за небольшимъ слоемъ соціалистической интеллигенціи не было народа.

Наступила мрачная эпоха реакціи. Прежнее боевое настроеніе среди интеллигенціи замѣнилось унылымъ, растеряннымъ. Одни увлеклись толстовствомъ съ его проповѣдью личнаго самоусовершенствованія. Другіе занялись чисто культурной работой и свое разочарованіе въ революціонной дѣятельности старались принципіально обосновать проповѣдью малыхъ дѣлъ. Ряды террористовъ рѣдѣли, а къ концу 80-хъ годовъ партія Народной Воли даже оффиціально прекратила свое существованіе. Но въ концѣ же 80-хъ годовъ начали образовываться среди интеллигенціи соціаль-демократическіе кружки, ставящіе себѣ цѣлью работу среди пролетаріата. Пораженіе „Народной Воли" показало, что, не опираясь на массу, интеллигенція не можетъ одержать побѣды надъ самодержавіемъ. И мысль соціалистической интеллигенціи начала обращаться въ сторону рабочаго пролетаріата, того класса, который, какъ показалъ опытъ Западной Европы, является единственнымъ естественнымъ носителемъ соціализма и главнымъ борцомъ за политическую свободу. И группа „Освобожденіе Труда" (Плехановъ, Аксельродъ, Засуличъ), которая звала соціалистическую интеллигенцію къ работѣ среди пролетаріата, не ошиблась въ своемъ предвидѣніи: среди реакціи, среди могильной тишины 80-хъ и начала 90-хъ годовъ росла и формировалась въ лицѣ пролетаріата та политическая сила, которая въ концѣ концовъ

вызвала гораздо болѣе прочное и глубокое политическое оживленіе, чѣмъ то, которое переживала Россія въ концѣ 70-хъ и началѣ 80-хъ годовъ.

Было бы конечно ошибкой наростаніе этой силы приписывать исключительно работѣ соціальдемократической интеллигенціи. Громадное значеніе имѣлъ стихійный процессъ экономической борьбы пролетаріата, систематически вовлекавшій его и въ политическую борьбу. И при полномъ отсутствіи соціальдемократической работы пролетаріатъ въ концѣ концовъ былъ бы вовлеченъ въ активную политическую борьбу съ самодержавіемъ. Но соціальдемократическая работа интеллигенціи съ одной стороны ускоряла этотъ процессъ, а съ другой самому рабочему движенію придавала болѣе сознательный, классовый характеръ.

Первымъ крупнымъ проявленіемъ пролетарскаго движенія была стачка ткачей въ Петербургѣ въ 1896 г., охватившая 30 тысячъ рабочихъ, явленіе совершенно до тѣхъ поръ небывалое въ Россіи. Эта стачка носила экономическій характеръ, хотя во время стачки и циркулировали довольно широко среди рабочей массы политическіе листки петербургской соціальдемократической организаціи. Но несмотря на свой чисто экономическій характеръ, стачка имѣла громадное политическое значеніе. Она демонстрировала передъ всѣмъ народомъ развившуюся солидарность среди пролетарской массы, пробудившееся среди нея стремленіе къ борьбѣ, она дѣлала несомнѣннымъ столкновеніе этой растущей массовой силы съ системой политическаго гнета и безправія.

Въ концѣ 90-хъ годовъ возникло студенческое движеніе, охватившее всѣ университеты. На этомъ студенческомъ движеніи, по силѣ и широтѣ превзошедшемъ всѣ студенческія движенія бывшія до сихъ поръ, чувствовалось несомнѣнное вліяніе развившагося рабочаго движенія. Въ подражаніе рабочему движенію, студенчество выдвинуло совершенно новую для него форму борьбы— забастовку. Чувствовалось также вліяніе рабочаго движенія и на характерѣ тѣхъ требованій, которые выставляло студенчество. Среди соціальдемократіи тогда царствовалъ „экономизмъ". Стремясь приспособиться къ рабочей массѣ, соціальдемократы въ концѣ 90-го года избѣгали выдвиганія рѣшительныхъ политическихъ лозунговъ и въ своихъ экономическихъ требованіяхъ

проявляли во многихъ мѣстахъ большую умѣренность и аккуратность, напр., вмѣсто 8-часового рабочаго дня выдвигали 10 часовой и т. п. Такая же умѣренность и аккуратность и такое же тщательное избѣганіе политическихъ лозунговъ наблюдалось сперва и въ студенческомъ движеніи. Но правительство на это движеніе отвѣтило распоряженіемъ отдавать волнующихся студентовъ въ солдаты. Распоряженіе это вызвало сильное возбужденіе среди общества и по Россіи пронеслась въ началѣ 1900 г. волна демонстрацій. Начиналось несомнѣнное политическое оживленіе. Если мѣрять эти демонстраціи мѣркой позднѣйшаго движенія, то онѣ примутъ въ нашихъ глазахъ довольно жалкій характеръ. Общій типъ этихъ демонстрацій былъ таковъ: нѣсколько сотъ человѣкъ начинаетъ демонстрацію, выбрасывая флаги, пытаясь устроить митингъ, или начиная пѣть революціонныя пѣсни, вокругъ сотенъ демострирующихъ выростаетъ уже тысячная толпа отчасти сочувствующихъ, а еще больше просто любопытныхъ, затѣмъ появляются полиція и казаки и начинается безпощадное избіеніе. Но, какъ начало движенія, эти демонстраціи имѣли огромное значеніе, тѣмъ болѣе, что въ большинствѣ этихъ демонстрацій значительное участіе принимали рабочіе. Политическое движеніе явно теряло свой прежній чисто интеллигентскій характеръ, оно начинало становиться массовымъ, рабочимъ. Пока, правда, въ немъ принимали участіе только верхи пролетаріата, широкая рабочая масса въ политическихъ демонстраціяхъ не участвовала, но она должна была послѣдовать за верхами, она замѣтно втягивалась въ политическую борьбу. Яркимъ показателемъ этого явилась маевка въ Харьковѣ въ 1900 г. Совершенно неожиданно для всѣхъ въ праздновaніи 1-го мая принялъ участіе почти весь харьковскій пролетаріатъ, ознаменовавши его всеобщей забастовкой: стали желѣзнодорожныя мастерскія (до 4 тыс. рабочихъ), сталъ огромный паровозостроительный заводъ (3 т. раб.), стали всѣ мелкіе заводы, всего забастовало до 15 тысячъ рабочихъ. Забастовка происходила подъ несомнѣннымъ вліяніемъ и по иниціативѣ комитета соціальдемократической партіи.

Движеніе это не носило яркаго политическаго характера и вообще конечно имѣло значеніе только симптома, указывающаго на наростаніе оппозиціоннаго настроенія среди широкой рабо-

чей массы. Насколько неглубоко еще было это движенiе, показываетъ затишье, наступившее среди харьковскаго пролетарiата, послѣ того какъ наиболѣе энергичные и дѣятельные рабочiе были вырваны изъ рабочей среды полицiей; движенiе, казалось, совершенно замерло; среди рабочихъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ, которые были во главѣ движенiя 1900 года, воцарилось даже реакцiонное настроенiе; къ iюльской забастовкѣ 1903 года охватившей весь югъ, Харьковъ не примкнулъ, на движенiе петербургскаго пролетарiата 9-го января 1905 г. отозвался слабѣе, чѣмъ другiе крупные центры. Болѣе яркiй политическiй характеръ имѣло движенiе ростовскихъ рабочихъ въ ноябрѣ 1902 г. Стачка сопровождалась тысячными митингами, на которыхъ свободно раздавались политическiя рѣчи.

Но если горячимъ головамъ въ нашей партiи казалось, что ростовскiй пролетарiатъ сознательно и опредѣленно вступилъ въ политическую борьбу, то дальнѣйшая картина движенiя въ Ростовѣ жестоко разбила эти иллюзiи. Рабочая масса, выбитая изъ колеи стачкой, и охваченная въ этотъ моментъ боевымъ настроенiемъ, охотно слушала политическiя рѣчи ораторовъ, но она была далека еще отъ того, чтобы глубоко проникнуться тѣми политическими лозунгами, съ которыми выступали въ рѣчахъ. Полицейскiя преслѣдованiя и тутъ оказались въ силахъ задержать ростъ этого движенiя, и 9-ое января застало ростовскiй пролетарiатъ еще на очень незрѣлой ступени политическаго сознанiя.

Въ корреспонденцiи, помѣщенной въ № 92 „Искры“ (1905 г.), корреспондентъ изъ Ростова указываетъ на то, что стачку въ качествѣ отклика на январьскiя событiя въ Ростовѣ было трудно вызвать вслѣдствiе „отсутствiя прочнаго революцiоннаго воспитанiя массъ“. Корреспондентъ затѣмъ говоритъ, что стачка 1902 г. съ ея грандiозными народными митингами, задѣла, главнымъ образомъ, рабочихъ владикавказскихъ мастерскихъ. Остальные заводы и фабрики были слабо затронуты движенiемъ. Но тогда можетъ быть мастерскiя готовы были поддержать январьское движенiе пролетарiата? Нѣтъ, когда черезъ нѣкоторое время забастовка вспыхнула стихiйно, какъ разъ владикавказскiя мастерскiя въ ней не приняли участiе. И корреспондентъ это объясняетъ тѣмъ, что владикавказскiя мастерскiя „стали консерва-

тивнымъ элементомъ". Итакъ, рабочіе ростовскихъ фабрикъ и заводовъ были, по словамъ корреспондента „слабо затронуты" движеніемъ 1902 г., а рабочіе владикавказскихъ мастерскихъ, которые были сильно имъ затронуты, черезъ два года оказались „консервативнымъ элементомъ".

Ростовская стачка съ массовыми митингами была въ ноябрѣ 1902 года; менѣе чѣмъ черезъ годъ—въ іюлѣ и августѣ 1903 г. вспыхнула забастовка на всемъ югѣ. Баку, Тифлисъ, Одесса, Кіевъ, Екатеринославъ и другіе города были охвачены всеобщей забастовкой. О силѣ впечатлѣнія, которая произвела эта забастовка, можно судить по письму одного товарища изъ Кіева, въ „Искру" которое приводитъ Засуличъ въ статьѣ „О чемъ говорятъ намъ іюльскіе дни" („Искра" „За два года"). „Ничего подобнаго не знала Россія и даже, думается, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ не зналъ міръ"—пишетъ кіевскій товарищъ. Указавъ на громадные размѣры движенія, оно отмѣчаетъ затѣмъ то, что ему представляется „новымъ въ міровой исторіи",—это „безусловная солидарность всѣхъ рабочихъ" безъ всякаго различія профессій и національностей. Бастуютъ, какъ одинъ человѣкъ, всѣ рабочіе, начиная съ наилучше обставленныхъ профессій до самыхъ низшихъ чернорабочихъ. Стоятъ пароходы, задерживаются поѣзда, погасло электричество, бастуютъ приказчики большихъ магазиновъ, нѣтъ конокъ, быстро дорожаетъ хлѣбъ, не выходятъ газеты, нѣтъ мяса, некому чистить сапогъ, остановились постройки, въ Баку не хватаетъ воды. Въ Западной Европѣ, говоритъ кіевскій товарищъ, несмотря на полувѣковую исторію соціалистическаго движенія, на организацію и политическую свободу, *такихъ* стачекъ не бывало" („За два года" с. 5).

Эта оцѣнка іюльскихъ дней конечно совершенно несостоятельна и своей преувеличенностью показываетъ только силу впечатлѣнія, произведеннаго тогда на широкіе круги партіи дѣйствительно небывалымъ въ Россіи явленіемъ. Пустяки конечно, что рабочіе юга показали такую „безусловную солидарность," которая является чѣмъ-то „новымъ въ міровой исторіи". „Безусловную солидарность" ни въ какомъ случаѣ нельзя усматривать въ движеніи, стихійно возникшемъ и также стихійно прекратившемся. Если не „безусловная", то во всякомъ случаѣ гораздо большая солидарность заподноевропейскихъ рабочихъ проявляется въ постоянной

организованной борьбѣ, въ той сплоченности и дисциплинѣ, которыми проникнуто западноевропейское рабочее движеніе. Не въ моменты только какихъ-либо чрезвычайныхъ выступленій, а постоянно въ своей повседневной борьбѣ рабочіе чувствуютъ себя членами единой борющейся арміи, и въ болѣе развитыхъ странахъ огромный процентъ ихъ прямо организованъ въ рабочіе союзы и партіи. Когда же наступаетъ моментъ выступленій, рабочіе ждутъ призыва отъ своихъ организацій и выступаютъ тогда не только дружно и сплоченно, но и вполнѣ сознательно во имя опредѣленной цѣли, опредѣленнаго лозунга. Такой характеръ имѣли, напр., всеобщія стачки въ Бельгіи, какъ та, которая кончилась побѣдой, такъ и та, которая кончилась пораженіемъ. Въ обѣихъ этихъ стачкахъ рабочіе сознательно подчинялись руководству соціалистической партіи и въ послѣдней стачкѣ также дружно, по сигналу партіи, совершили отступленіе, какъ и выступили въ бой. Ничего похожаго на это не представляла іюльская забастовка.

Въ Одессѣ напр. забастовка началась благодаря зубатовцамъ, затѣмъ въ дальнѣйшемъ теченіи ею удалось въ значительной степени овладѣть соціалъ-демократамъ, но все время происходила ожесточенная борьба между тѣми и другими и стачка во всякомъ случаѣ была лишена единства даже настроенія, не говоря уже о единствѣ лозунговъ и цѣлей. Одна, напр., корреспонденція изъ Одессы сообщаетъ, какъ въ Рубовомъ саду въ толпѣ, въ 2—3 тыс. человѣкъ, шла борьба между соціальдемократами и независимыми: „Страсти разгорались. Едва появлялся ораторъ „независимый“ его срывали соціальдемократы, соціальдемократическаго оратора срывали независимые“ („Искра“ № 46). Были и такіе факты: „нѣсколько человѣкъ соціальдемократовъ отправились въ толпу вечеромъ 18-го, но часть ихъ была избита переодѣтыми шпіонами, а часть выдана полиціи. Ихъ продержали 23 дня. Прокламаціи зачастую рвали не читая...“ (ib.). А утромъ того же числа отдѣльнымъ соціальдемократическимъ ораторамъ удавалось овладѣвать вниманіемъ и сочувствіемъ толпы въ 30—40 тыс., конкурируя съ ораторами „независимыхъ“. Корреспондентъ изъ Екатеринослава, описавши большое собраніе въ Кайданахъ (4—5 тыс. чел.), гдѣ оратору удалось политической рѣчьюо владѣть собраніемъ и вызвать съ его стороны огромный интересъ къ по-

литическимъ лозунгамъ, указываетъ другіе факты, когда толпа выражала готовность слушать рѣчи только экономическаго содержанія. Въ Чечелевкѣ на отдѣльныхъ собраніяхъ—„рѣчи по желанію собравшихся, большей частью были экономическаго содержанія"... Въ Кайданахъ собралось не болѣе 1500 чел... Выступало четыре оратора. И здѣсь по желанію толпы рѣчи велись больше на экономическія темы... На Амурѣ къ 11 ч. рабочихъ стало до 5000 чел. Толпа раздѣлилась на двѣ части вокругъ двухъ ораторовъ. Одинъ ораторъ говорилъ рѣчь политическаго содержанія, другой экономическаго, опять-таки подчиняясь желанію толпы" („Искра" № 48). Слѣдуетъ замѣтить при этомъ, что у нашихъ партійныхъ работниковъ настроеніе тогда было архи-политическое и посвящать „экономикѣ" время и силы считалось чуть не измѣной соціальдемократіи. Поэтому только слабымъ интересомъ рабочей массы Екатеринослава къ политикѣ можно объяснить, что ораторы вынуждены были систематически выступать съ чисто экономическими рѣчами.

Чрезвычайно характерную картину настроенія рабочихъ во время знаменитой іюльской стачки даетъ корреспонденція изъ Кіева. „Многіе рабочіе бастовали съ четверга, не выставивши никакихъ требованій. Когда напр. вагоновожатыхъ трамвая первоначально спросили, чего они требуютъ, они отвѣтили: „мы ничего не хотимъ".—Чего же вы бастуете?—„Да вотъ вчера стрѣляли на вокзалѣ, а сегодня мы не будемъ работать". Еще въ началѣ забастовки, до стрѣльбы, въ ней несомнѣнно присутствовалъ элементъ политическаго протеста. Правда сознательное отношеніе къ самодержавію, какъ къ формѣ правленія, было лишь у немногихъ участниковъ стачки, но инстинктивное недовольство существующими государственными порядками руководило очень многими забастовщиками и явилось причиной всеобщей стачки. Формулировалось это недовольство крайне разнообразно. „Почему это бастуютъ?" спросилъ я въ первый день стачки у извозчика, на которомъ я ѣхалъ.—„Да какъ не бунтовать, отвѣтилъ тотъ, на фабрикахъ прижимки и обирательства, кругомъ всякое нахальство". Послѣднее выраженіе чрезвычайно мѣтко характеризуетъ общее настроеніе" („Искра" № 47).

Рабочіе, которые ведутъ правильную организованную борьбу съ капиталистами, не станутъ бросать работу безъ опредѣлен-

ной сознательной цѣли, только потому, что бросили работу рабочіе въ другомъ городѣ. Но когда рабочее движеніе не находитъ себѣ нормальныхъ выходовъ, когда политическія условія мѣшаютъ ему перейти въ вполнѣ сознательную, организованную форму, тогда, натыкаясь въ своемъ стихійномъ ростѣ на самодержавно-полицейскія преграды, оно также стихійно стремится сдвинуть ихъ съ своей дороги. Такимъ стихійнымъ стремленіемъ была несомнѣнно проникнута іюльская забастовка, а грандіозные размѣры ея придали ей огромное политическое значеніе. Но для побѣды надъ самодержавно-полицейскимъ режимомъ тотъ уровень сознательности, который проявилъ пролетаріатъ на югѣ во время іюльской забастовки былъ слишкомъ недостаточенъ. А на сѣверѣ этотъ уровень былъ еще ниже. Одинъ Петербургъ до нѣкоторой степени приближался къ югу по степени развитія рабочаго движенія. Москва и окружающій ее промышленный районъ были областью почти совсѣмъ незатронутой движеніемъ. Кіевъ съ своими 15—20 т. рабочихъ тогда въ нашей партіи считался крупнымъ политическимъ центромъ, а Москва съ сотнями тысячъ пролетаріевъ—совершенно ничтожной величиной!

Крайне слабое вліяніе партіи на пролетаріатъ и очень низкій еще уровень пролетаріата выступили рѣзко во время „весны" Святополка-Мирскаго.

Подъ вліяніемъ военныхъ неудачъ на Дальнемъ Востокѣ зашевелилась буржуазія, начала поднимать голову интеллигенція. Довѣріе къ самодержавію начало падать среди широкихъ круговъ населенія. Перемѣна правительственнаго курса послѣ убійства Плеве привела къ открытому выступленію съ политическими заявленіями, пожеланіями, требованіями широкихъ круговъ интеллигенціи и буржуазіи.

Ноябрьскій съѣздъ земскихъ дѣятелей, политическіе банкеты, засѣданія земствъ и думъ съ политическими рѣчами и политическими резолюціями, являлись яркимъ проявленіемъ накопившагося недовольства господствомъ бюрократіи, пробудившагося стремленія къ свободнымъ конституціоннымъ политическимъ условіямъ. Размахъ тѣхъ политическихъ требованій, съ которыми выступали интеллигентскіе банкеты и органы самоуправленія, былъ не особенно широкъ и не особенно демократиченъ, но онъ и не

могъ быть другимъ, такъ какъ въ возникшемъ движеніи не принимала участія рабочая масса.

Долженъ ли былъ пролетаріатъ въ этотъ моментъ возвысить свой голосъ, долженъ ли онъ былъ своимъ выступленіемъ съ одной стороны поддержать это оппозиціонное движеніе и съ другой толкнуть его влѣво въ сторону болѣе рѣшительныхъ, болѣе демократическихъ требованій? На этотъ вопросъ не можетъ быть двухъ отвѣтовъ. Соціальдемократическая партія была проникнута этимъ сознаніемъ, но тутъ и проявилось ея полное безсиліе, крайняя слабость ея вліянія на пролетаріатъ.

Мы видѣли, какъ низокъ былъ еще уровень сознанія пролетаріата во время іюльской забастовки. Лозунги соціальдемократической партіи были лозунгами только верховъ пролетаріата, вся масса пролетаріата ихъ не осмыслила, не становилась сколько-нибудь сознательно на ихъ сторону. Сознательные элементы пролетаріата не были признанными и постоянными вождями рабочей массы и только въ моменты подъема и возбужденія рабочая масса, встрѣчаясь на почвѣ борьбы со своими сознательными элементами, стихійно становилась подъ ихъ руководство. Взаимодѣйствіе между рабочей массой и ея соціальдемократическими элементами уже существовало, но оно находилось еще въ темной безсознательной сферѣ. Воспоминаніе о моментахъ подъема, когда соціальдемократическій ораторъ имѣлъ за собой, казалось, тысячи и даже десятки тысячъ людей, создавало въ широкихъ кругахъ партіи иллюзію, что партія уже является признаннымъ идейнымъ выразителемъ пролетаріата и можетъ говорить отъ его имени. Это ставило членовъ партіи иногда въ трагическое положеніе, когда вдругъ оказывалось, какъ это было въ Ростовѣ, что тѣ тысячи рабочихъ, которыя еще недавно шли за соціальдемократіей, не только несклонны идти за ней, но даже стали „консервативнымъ элементомъ". Такое же несомнѣнно трагическое положеніе переживала партія и въ эпоху весны Святополка-Мирскаго. Партія сознавала необходимость выступленія пролетаріата, но пролетаріатъ еще этого не сознаЛъ, въ немъ только назрѣвалъ процессъ, который долженъ былъ привести его черезъ нѣкоторое время къ выступленію въ совершенно неожиданныхъ для партіи формахъ. Но партія тогда придавала себѣ и ей придавали другіе совершенно несоотвѣтствующее значеніе. Въ

результатѣ намъ приходилось тогда быть мишенью для насмѣшекъ и издѣвательствъ со стороны представителей либеральныхъ и демократическихъ круговъ. Гдѣ вашъ пролетаріатъ, ядовито спрашивали они насъ, почему онъ не выступаетъ?

Но развѣ тогда не было никакихъ выступленій пролетаріата, а земская кампанія?

Да, партія тогда дѣйствительно выдвинула земскую кампанію, и она была очень хороша по идеѣ, но какой жалкій характеръ она приняла въ дѣйствительности! По идеѣ это было вмѣшательство пролетаріата въ либеральное движеніе съ цѣлью или подчинить его по крайней мѣрѣ частью себѣ или противопоставить его умѣреннымъ лозунгамъ свои крайніе демократическіе лозунги. На дѣлѣ же пролетаріатъ въ лицѣ широкой рабочей массы никакого участія въ этой земской кампаніи не принялъ, а дѣло свелось только къ появленію на либеральныхъ банкетахъ соціальдемократическихъ интеллигентовъ и небольшихъ кучекъ передовыхъ рабочихъ. Своими „выступленіями" эти кучки соціальдемократовъ вносили много возбужденія и раздраженія въ либеральные круги, но никакого серьезнаго дѣйствія въ смыслѣ давленія на правительство или либераловъ эти выступленія произвести не могли. И когда оглядываешься теперь назадъ, какими жалкими эти выступленія кажутся по сравненію съ историческимъ движеніемъ 9-го января, возникшимъ неожиданно для большинства партіи, не ставившимъ себѣ совсѣмъ цѣлью производить какое-либо давленіе на либераловъ, но въ то же время рѣзко передвинувшимъ широкіе либеральные и демократическіе круги влѣво, въ сторону болѣе рѣшительныхъ демократическихъ лозунговъ. Тамъ, хотя и не совсѣмъ такъ, какъ желала соціальдемократія, но выступала рабочая масса, а въ земской кампаніи?

Вотъ передъ нами засѣданіе Юридическаго Общества въ Харьковѣ въ ноябрѣ, наканунѣ знаменитаго земскаго съѣзда. Заранѣе было рѣшено, что ораторъ отъ лица соціальдемократіи выступитъ на засѣданіи съ рѣчью, въ которой разовьетъ соціальдемократическіе лозунги. Для поддержки оратора должны были явиться рабочіе. Объ этомъ заранѣе велась агитація. Мнѣ пришлось быть на этомъ засѣданіи. Зала была биткомъ набита. Было не менѣе тысячи народу. Было много соціальдемократическихъ студентовъ, шумно поддержавшихъ затѣмъ соціальдемо-

кратическаго оратора, но рабочихъ было такъ мало, что ихъ фигуры совершенно терялись среди массы публики, врядъ ли ихъ было больше ста человѣкъ, возможно, что и меньше.

Или вотъ Екатеринодарское выступленіе. На засѣданіи городской думы среди массы собравшейся публики „въ удобный моментъ передъ столомъ гласныхъ появилась группа рабочихъ и одинъ изъ этой группы началъ говорить рѣчь". По другому сообщенію эта группа состояла изъ 30—40 чел. („Искра" № 80). Или въ Ростовѣ на Дону на адвокатскомъ банкетѣ въ честь 40-лѣтія судебныхъ уставовъ приглашена была мѣстная интеллигенція и человѣкъ 25 рабочихъ. Всего собралось 500 человѣкъ. Рабочій выступилъ съ рѣчью. На улицѣ стояла толпа рабочихъ человѣкъ въ 100 (ib.). Такія же сообщенія можно найти въ „Искрѣ" за это время и изъ другихъ городовъ.

За ноябрь и декабрь освободительное движеніе было поддержано двумя уличными демонстраціями—28 ноября въ Петербургѣ и 5—6 декабря въ Москвѣ. Съ обѣими демонстраціями звѣрски расправилась полиція, обѣ демонстраціи были исключительно интеллигентскія, главнымъ образомъ студенческія.

Реакціонная печать вела ожесточенную кампанію противъ уступокъ правительства требованіямъ либеральнаго общества и ненужность уступокъ мотивировала тѣмъ, что за кучками либеральнаго общества нѣтъ народа.

Правительство выступило съ указомъ 12 декабря, въ которомъ обѣщало установленіе законовъ и проведеніе реформъ, поручая эту задачу комитету министровъ. Рядомъ съ этимъ особое правительственное сообщеніе предлагало обществу не посягать на „незыблемыя основы исконнаго государственнаго строя" и грозило всякія сборища и шествія подавлять всѣми имѣющимися въ распоряженіи администраціи „законными средствами".

Наступилъ критическій моментъ, когда взоры всѣхъ преданныхъ дѣлу свободы со страхомъ и надеждой устремились въ сторону пролетаріата. Отъ того, заговоритъ ли пролетаріатъ, явно зависѣла дальнѣйшая судьба освободительнаго движенія.

И пролетаріатъ заговорилъ. По случайному, но въ высшей степени знаменательному совпаденію событій, на слѣдующій день послѣ опубликованія правительственнаго указа вспыхнула забастовка въ Баку, превратившаяся во всеобщую. Это было еще

очень мало по сравненію съ тѣмъ, что требовалось въ этотъ критическій моментъ, но это было предзнаменованіемъ того грандіознаго движенія, которое черезъ мѣсяцъ пронеслось по всей Россіи.

Въ концѣ декабря въ Одессѣ собралась агитаторская группа при Центральномъ Комитетѣ соціальдемократической партіи для обсужденія создавшагося положенія дѣлъ. Она констатировала неудачу земской кампаніи и проектировала новое выступленіе пролетаріата на 19-ое февраля. Но не успѣли члены агитаторской группы разъѣхаться по домамъ, какъ въ Петербургѣ уже началось движеніе, закончившееся знаменитымъ выступленіемъ 9-го января.

2.

Отъ 9 января до 17 октября.

„Государь! Мы, рабочіе, дѣти наши, жены и безпомощные старцы-родители, пришли къ тебѣ, государь, искать правды и защиты. Мы обнищали, насъ угнетаютъ, обременяютъ непосильными трудами, надъ нами надругаются, въ насъ не признаютъ людей, къ намъ относятся какъ къ рабамъ, которые должны терпѣть свою участь и молчать. Мы и терпѣли, но насъ толкаютъ все дальше въ омутъ нищеты, безправія и невѣжества. Насъ душитъ деспотизмъ и произволъ и мы задыхаемся. Нѣтъ больше силъ, Государь! Насталъ предѣлъ терпѣнію; для насъ пришелъ тотъ страшный моментъ, когда лучше смерть, чѣмъ продолженіе невыносимыхъ мукъ. И вотъ, мы бросили работу и заявили нашимъ хозяевамъ, что не начнемъ работы, пока они не исполнятъ нашихъ требованій. Мы немногаго и просимъ: мы желаемъ только того, безъ чего жизнь—не жизнь, а каторга, вѣчная мука.

Первая наша просьба была, чтобы наши хозяева вмѣстѣ съ нами обсудили наши нужды, но въ этомъ намъ отказали. Намъ отказали въ правѣ говорить о нашихъ нуждахъ, говоря, что такого права за нами не признаетъ законъ. Незаконными также оказались наши просьбы—уменьшить число рабочихъ часовъ до 8 въ день, устанавливать цѣну за нашу работу вмѣстѣ съ нами и съ нашего согласія, разсматривать наши недоразумѣнія съ низшей администраціей завода, увеличить чернорабочимъ и женщинамъ плату за ихъ трудъ до одного рубля въ день, отмѣнить сверхурочныя работы, лѣчить насъ внимательно и безъ оскорбленій, устроить мастерскія такъ, чтобы въ нихъ можно было работать, а не находить тамъ смерть отъ страшныхъ сквозняковъ, дождя и снѣга. Все оказалось по мнѣнію нашихъ хозяевъ и фабрично-заводской администраціи противозаконнымъ,

всякая наша просьба преступной, а наше желаніе улучшить наше положеніе дерзостью, оскорбительной для нашихъ хозяевъ.

Государь! Насъ здѣсь многія тысячи, и все это—люди только по виду, только по наружности; въ дѣйствительности же за нами, равно какъ и за всѣмъ русскимъ народомъ, не признаютъ ни одного человѣческаго права, ни даже права говорить, думать, собираться, обсуждать наши нужды, принимать мѣры къ улучшенію нашего положенія. Насъ поработили и поработили подъ покровительствомъ твоихъ чиновниковъ, съ ихъ помощью, при ихъ содѣйствіи. Всякаго изъ насъ, кто осмѣлится поднимать голосъ въ защиту интересовъ рабочаго класса, бросаютъ въ тюрьму, отправляютъ въ ссылку, караютъ, какъ за преступленіе, за доброе сердце, за отзывчивую душу. Пожалѣть забитаго, безправнаго, безпомощнаго человѣка, значитъ совершить тяжелое преступленіе.

Государь! развѣ это согласно съ божескимъ закономъ, милостью котораго ты царствуешь? И развѣ можно жить при такихъ законахъ? не лучше ли умереть намъ, трудящимся людямъ всей Россіи? Пусть живутъ и наслаждаются капиталисты и чиновники. Вотъ что стоитъ предъ нами, Государь,—и это насъ собрало къ стѣнамъ твоего дворца. Тутъ мы ищемъ послѣдняго спасенія. Не откажи въ помощи твоему народу, выведи его изъ могилы безправія, нищенства и невѣжества, дай ему возможность самому вершать судьбу свою, сбрось съ него невозможный гнетъ чиновниковъ, разрушь стѣну между тобой и твоимъ народомъ— и пусть онъ правитъ страной вмѣстѣ съ тобой. Вѣдь ты поставленъ на счастье народа, а это счастье чиновники вырываютъ изъ нашихъ рукъ, къ намъ оно не доходитъ; мы получаемъ только горе и угнетеніе. Взгляни безъ гнѣва на наши просьбы, онѣ направлены не ко злу, а къ добру, какъ для насъ, такъ и для тебя, Государь! Не дерзость въ насъ говоритъ, а сознаніе необходимости выхода изъ невозможнаго для насъ положенія. Россія слишкомъ велика; нужды ея слишкомъ многообразны и многочисленны, чтобы одни чиновники могли управлять ею; необходимо, чтобы народъ самъ помогалъ тебѣ: вѣдь ему только извѣстны его истинныя нужды. Не отталкивай же его помощи, прими ее. Повели немедленно, сейчасъ же призвать представителей земли русской, отъ всѣхъ классовъ, отъ всѣхъ сословій. Пусть тутъ будетъ и капиталистъ, и рабочій, и священникъ, и докторъ, и учитель. Пусть

всѣ, кто бы они ни были, изберутъ своихъ представителей, пусть каждый будетъ равенъ и свободенъ въ правѣ избранія; а для того повели, чтобъ выборъ въ Учредительное Собраніе происходилъ Всеобщей, Тайной и Равной подачей голосовъ. Въ ней и на ней зиждется все. Это главный и единственный пластырь для нашихъ больныхъ ранъ, безъ котораго эти раны вѣчно будутъ сочиться и быстро двигать насъ къ смерти. Но одна мѣра все же не можетъ излѣчить нашихъ ранъ. Необходимы еще и другія. Прямо и открыто говоримъ тебѣ, Государь, о нихъ.

I. Мѣры противъ невѣжества и безправія русскаго народа.

1) Свобода и неприкосновенность личности, свобода слова и печати, свобода союзовъ и собраній, свобода совѣсти въ дѣлѣ религіи.

2) Общее обязательное народное образованіе.

3) Отвѣтственность министровъ передъ народомъ и гарантія законности управленія.

4) Равенство передъ закономъ всѣхъ безъ исключенія.

5) Немедленное возвращеніе всѣхъ, пострадавшихъ за убѣжденіе.

II. Мѣры противъ нищеты народа.

1) Отмѣна косвенныхъ налоговъ и замѣна ихъ прогрессивнымъ, подоходнымъ налогомъ.

2) Отмѣна выкупныхъ платежей, дешевый кредитъ и постепенная передача земли народу.

III. Мѣры противъ гнета капитала надъ трудомъ.

1) Охрана труда закономъ.

2) Свобода потребительно - производительныхъ и профессіональныхъ союзовъ.

3) 8-часовой рабочій день и нормировка сверхурочныхъ работъ.

4) Свобода борьбы труда съ капиталомъ.

5) Участіе представителей рабочихъ классовъ въ выработкѣ законопроэкта о государственномъ страхованіи рабочихъ.

6) Нормальная заработная плата.

Вотъ, Государь, главныя наши нужды, съ которыми мы пришли къ тебѣ. Повели и поклянись исполнить ихъ — и ты сдѣлаешь Россію счастливой и славной, запечатлѣешь имя твое въ сердцахъ нашихъ и нашихъ потомковъ на вѣчныя времена. А не позволишь, не отзовешься на нашу мольбу—мы умремъ здѣсь, на

этой площади, передъ твоимъ дворцомъ. Намъ некуда больше идти и незачѣмъ. У насъ только два пути — или къ свободѣ и счастью, или въ могилу. Укажи, Государь, любой изъ нихъ, — мы пойдемъ къ нему безпрекословно, хотя бы и былъ путь къ смерти. Пусть наша жизнь будетъ жертвой для изстрадавшейся Россіи. Намъ не жалко этой жертвы—мы охотно примемъ ее".

Съ такой петиціей шли петербургскіе рабочіе тысячными толпами къ зимнему дворцу.

Рабочіе шли съ готовностью умереть и они дѣйствительно умирали, умирали не въ борьбѣ, не въ баррикадномъ бою, а безоружные подъ разстрѣломъ войскъ, заранѣе приготовленныхъ для этой цѣли.

Вмѣстѣ съ падавшими подъ пулями рабочими исчезали у петербургскаго пролетаріата его иллюзіи, умирали надежды на мирный исходъ политическаго кризиса. Не правъ Троцкій когда говоритъ, что рабочіе 9-го января „вышли не просить, а требовать", выводя это изъ того, что народъ будто бы вступалъ „въ сраженіе съ войскомъ", что „рабочіе захватывали, гдѣ могли, оружіе, строили баррикады" („Наша революція", с. 66). Такъ старалось представить дѣло правительство, пытаясь въ своемъ сообщеніи оправдать звѣрскую расправу съ мирными безоружными рабочими. На самомъ дѣлѣ всѣ фактическія данныя о 9-мъ января говорятъ единодушно, что захватъ оружія и постройка баррикадъ были совершенно одиночными явленіями, имѣли мѣсто только на Васильевскомъ Островѣ и чрезвычайно мало характерны для общей картины движенія 9-го января. Общая картина была — мирное выступленіе и разстрѣлъ затѣмъ мирныхъ и безоружныхъ людей въ большинствѣ случаевъ безъ всякаго сопротивленія съ ихъ стороны. Рабочіе не шли на бой, они не готовились къ нему, иначе они не двигались бы къ Зимнему дворцу съ женами, дѣтьми и стариками.

Петиція, съ которой шелъ петербургскій пролетаріатъ къ царю, не была еще петиціей „революціоннаго народа", еще менѣе это было петиціей пролетаріата, стоящаго уже подъ знаменемъ революціонной соціальдемократіи. Петиція ясно указывала на взаимоотношеніе между соціальдемократіей и пролетаріатомъ въ Петербургѣ. Соціальдемократія не владѣла еще пролетаріатомъ, она не была еще его настоящимъ идейнымъ вождемъ.

Пролетаріатъ, который идетъ уже за соціальдемократіей, который болѣе или менѣе сознательно становится подъ ея знамя, не можетъ просить чего-нибудь сверху, хотя бы выражая готовность при этомъ умереть, онъ можетъ только требовать, разсчитывая исключительно на силу свою, на свое давленіе снизу.

Не можетъ такъ поступать и просто „революціонный народъ“, если мы не захотимъ безсмысленно играть этимъ понятіемъ. Петербургскій пролетаріатъ еще не былъ „революціоннымъ народомъ“, когда безоружный съ дѣтьми и стариками онъ шелъ къ царю просить созыва всенароднаго учредительнаго собранія. Онъ не былъ имъ, но онъ имъ становился, онъ вступалъ въ революцію потому, что на просьбы объ уничтоженіи господства бюрократіи и объ установленіи народовластія самодержавная бюрократія, стоящая за царемъ, могла отвѣтить только разстрѣломъ. И если мы съ полнымъ правомъ можемъ считать 9-ое января первымъ днемъ революціи, то не потому, что выступленіе пролетаріата 9-го января было само по себѣ революціоннымъ выступленіемъ, а потому, что та старая власть, къ которой пролетаріатъ обращался съ просьбами, встала передъ нимъ 9-го января какъ рѣзко, непримиримо враждебная сила и, разстрѣлявши его иллюзіи, безповоротно толкнула его на путь революціи.

Пролетаріатъ съ 9-го января вступаетъ въ революцію и, вступая, становится вмѣстѣ съ тѣмъ подъ руководство соціальдемократіи. 9-го января еще въ его сознаніи искусственно переплелись пережитки рабства, старыхъ рабскихъ иллюзій съ несомнѣнными соціальдемократическими лозунгами. Съ одной стороны взоры надежды и мольбы, обращенные къ старой власти, съ другой такія требованія, какъ—всенароднаго Учредительнаго Собранія, предполагающаго ликвидацію старой власти, 8-мичасового рабочаго дня, не проведеннаго еще нигдѣ въ Западной Европѣ, и перехода земли къ народу, означающаго уничтоженіе экономической основы для существованія и дворянства и бюрократіи. То, что внесено было въ сознаніе пролетаріата соціальдемократіей, не успѣло еще вытѣснить того стараго, чѣмъ жилъ раньше пролетаріатъ, но старое умерло 9-го января подъ выстрѣлами бюрократіи, и естественный процессъ развитія толкалъ пролетаріатъ туда, гдѣ только и можетъ вспыхнуть яркимъ огнемъ его классовое самосознаніе, подъ знамя соціальдемократіи.

Но та же петиція петербургскихъ рабочихъ должна была заранѣе предостеречь отъ чрезмѣрныхъ надеждъ и иллюзій. Соціальдемократическіе лозунги еще не отличались и не могли отличаться въ сознаніи пролетаріата какой-нибудь прочностью. Они были явно только лозунгами вчерашняго дня, иначе они не находились бы въ странномъ сосѣдствѣ съ старыми рабскими иллюзіями. И общая картина подготовки 9-го января служитъ яркимъ подтвержденіемъ этого.

Честь подготовки 9-го января прежде всего выпала на долю Зубатовскаго Общества, открытаго при благосклонномъ и дѣятельномъ содѣйствіи полиціи подъ названіемъ „С.-Петербургскаго общества фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ". Это Общество нашло умнаго и дѣятельнаго руководителя въ лицѣ священника Гапона. Защита экономическихъ интересовъ рабочихъ, которую оно сдѣлало своей задачей, привлекла къ нему широкую рабочую массу. „Общество фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ" стало массовой рабочей организаціей, которой не была и не могла быть, благодаря полицейскимъ условіямъ, соціальдемократическая организація. То политическое возбужденіе, которое начало овладѣвать широкими кругами населенія подъ вліяніемъ ударовъ войны, не могло не повліять на настроеніе „Общества". Съ другой стороны ея массовой характеръ привлекъ въ его ряды и сознательные элементы пролетаріата, тѣ, которые боролись подъ знаменемъ соціальдемократіи. И вотъ подъ вліяніемъ общей политической атмосферы, развивающагося процесса экономической борьбы и воздѣйствія соціальдемократическихъ элементовъ — „Общество" начинаетъ изъ зубатовской организаціи перерабатываться въ явно противоправительственное сообщество. Соціальдемократія не владѣла этимъ движеніемъ, не овладѣла имъ всецѣло и въ концѣ. Но тѣ „дерзкія требованія политическаго свойства", которыя, по словамъ опубликованнаго тогда правительственнаго сообщенія, были изложены въ петиціи, въ значительной степени обязаны настойчивой и энергичной дѣятельности соціальдемократіи во время развитія этого движенія. На громадныхъ собраніяхъ, созываемыхъ отдѣленіями Общества, соціальдемократическіе ораторы постоянно выдвигали свои „дерзкія" требованія 8-часового дня, политической свободы, Учредительнаго Собранія.

Движеніе петербургскаго пролетаріата не могло не произвести огромнаго впечатлѣнія на пролетаріатъ всей Россіи. Подъ вліяніемъ этого движенія огромная стачечная волна разлилась по всей Россіи. Пролетаріатъ настолько сильно всколыхнулся, настолько сильно вышелъ изъ равновѣсія, что стачечное движеніе, возникшее на почвѣ событія 9-го января, тянулось около 2-хъ мѣсяцевъ. Хроникеръ этого движенія въ „Искрѣ" въ началѣ марта пишетъ: „грандіозная стачка" продолжается и все больше и больше мѣстностей захватывается ею; въ рядѣ городовъ, переживших стачку въ январѣ или началѣ февраля, она возобновлена во второй половинѣ февраля; въ другихъ мѣстахъ она съ короткими паузами, то расширяясь, то сокращаясь, длится уже полтора мѣсяца. Возобновленіе уже прекращенной стачки можно отмѣтить въ Харьковѣ, Екатеринославѣ, Кіевѣ, Саратовѣ, Либавѣ, Ригѣ, Ревелѣ, Вильнѣ, Минскѣ, Бѣлостокѣ, отчасти въ Москвѣ, непрерывное ея продолженіе въ Петербургѣ, Варшавѣ, Лодзи".

Въ общемъ по даннымъ хроники этой за нѣсколько номеровъ стачечное движеніе охватило 122 города и мѣстечка, нѣсколько рудниковъ Донецкаго бассейна и 10 желѣзныхъ дорогъ. По разсчету Мартова въ немъ приняло участіе около милліона рабочихъ. Такимъ выступаетъ это грандіозное движеніе съ количественной стороны. Теперь посмотримъ на него съ качественной стороны.

Прежде всего мы должны отмѣтить громадную разницу въ реагированіи на это движеніе на окраинахъ, въ западныхъ губерніяхъ, Прибалтійскомъ краѣ, Польшѣ и Кавказѣ, и въ остальной Россіи. Мы видѣли изъ предыдущаго анализа, какъ низокъ былъ еще уровень сознанія русскаго пролетаріата передъ самымъ 9-мъ января. Стихійное стремленіе къ экономической борьбѣ, общее тяготѣніе къ солидарнымъ дѣйствіямъ въ этой борьбѣ и очень неопредѣленное политическое броженіе, вотъ характерныя черты русскаго пролетаріата у порога революціи. Гораздо болѣе зрѣлымъ и гораздо лучше сорганизованнымъ былъ въ этотъ моментъ пролетаріатъ польскій, латышскій, еврейскій и разноплеменный пролетаріатъ Кавказа. Тамъ чувствуется уже болѣе или менѣе сознательное политическое credo у широкой массы пролетаріата и довольно сознательное подчиненіе руководству соціалистическихъ партій, главнымъ образомъ соціальдемократіи.

Петербургскій пролетаріатъ, какъ ни сильно онъ выросъ къ 9-му января, былъ съ своими монархическими иллюзіями, съ своими просьбами, обращенными къ царю, еще значительно позади пролетаріата окраинъ. Но пробудившись къ сознательной политической жизни, поднявшись всей своей массой во имя опредѣленныхъ политическихъ лозунговъ, онъ оказался впереди пролетаріата другихъ русскихъ городовъ. Отсюда и громадная разница въ томъ вліяніи, которое петербургское движеніе оказало на окраины и на остальную Россію. На окраинахъ 9-го января прозвучало, какъ призывный колоколъ, зовущій къ революціи, а въ остальной Россіи оно вызвало только неопредѣленное броженіе, которое въ отличіе отъ Петербурга все еще оказалось безсильнымъ принять опредѣленныя политическія очертанія.

Даже съ количественной стороны тутъ получилась разница: изъ 122 городовъ и мѣстечекъ, вовлеченныхъ по перечню „Искры" въ стачечное движеніе — 78 приходится на окраины. Еще большая разница между ними качественная. Обратимся къ сообщеніямъ въ „Искрѣ" за это время.

Рига отъ 13 янв. Всеобщая забастовка. 10-тысячная демонстрація, разстрѣлъ (№ 85).

Рига. Происходитъ демонстрація въ 50 тысячъ человѣкъ. Разстрѣлъ (№ 86).

Варшава. „Съ субботы забастовка въ Варшавѣ и Прагѣ стала всеобщей; остановились всѣ фабрики и заводы, прекратили работу ремесленныя заведенія, было пріостановлено движеніе конки и извозчиковъ, прервано телефонное сообщеніе, была закрыта масса лавокъ... Въ субботу среди разстрѣловъ происходили политическія демонстраціи, въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ ходили по улицамъ съ пѣніемъ и революціонными возгласами: „долой войну! долой самодержавіе! да здравствуетъ революція! да здравствуетъ демократическая республика да здравствуетъ соціальдемократія!"... Въ слѣдующіе дни происходили столкновенія рабочихъ съ полиціей. Были разграблены три оружейныя лавки".

Въ той же корреспонденціи говорилось о всеобщей стачкѣ въ Лодзи: 150 тыс. рабочихъ бросило работу. Подъ вліяніемъ петербургскихъ и варшавскихъ событій стачка охватила Сосновицкій и Домбровскій угольный районы. Происходили огромныя политическія демонстраціи (№ 90).

Батумъ. Батумскій комитетъ Р. С. Д. Р. П. объявилъ съ 25 января всеобщую забастовку съ требованіемъ прекращенія войны, созыва Учредительнаго Собранія, сверженія самодержавія и установленія демократической республики. Еще наканунѣ 24-го распространились слухи о забастовкѣ и часть магазиновъ была закрыта. 25-го закрываются всѣ заводы, фабрики, мастерскія, магазины, въ продолженіе 12 часовъ—аптеки. Бастуютъ извозчики, дрогали. (№ 88).

Тифлисъ. Здѣсь грандіозное движеніе. Рабочіе забастовали на всѣхъ заводахъ, фабрикахъ, типографіяхъ, конкахъ, бастуютъ также кондуктора желѣзной дороги. Всеобщая забастовка продолжается уже 2 недѣли (№ 88).

Теперь переходимъ отъ окраинъ къ русскимъ центрамъ. Картина моментально измѣняется.

Кіевъ. 12-го забастовали южно-русскій заводъ, заводъ Гретера, рядъ болѣе мелкихъ предпріятій; желѣзнодорожные рабочіе не бастовали, забастовка скоро прекратилась (№ 85).

Москва. Забастовка идетъ не дружно. Одни уже становятся на работу. Другіе только начинаютъ забастовку. Начиная съ 11 января, за городомъ происходили массовыя собранія рабочихъ въ 3—4 тыс. человѣкъ. Громадное большинство относится одобрительно къ экономическимъ требованіямъ и индифферентно къ политическимъ (№ 86).

Харьковъ. Въ субботу на паровозостроительномъ заводѣ на экономической почвѣ возникла забастовка, на другіе заводы стачка не переходитъ (№ 87).

Харьковъ. „Здѣшнія стачки продолжаются очень не долго (день, $^1/_2$ часа, часъ) и всѣ требованія рабочихъ немедленно удовлетворялись. Такъ было у Бормана, Гельфрикъ-Саде и на канатной. На паровозостроительномъ стачка продолжалась 3—4 дня. Выставлены были 22 требованія, исключительно экономическія. Почти всѣ требованія удовлетворены. Стачкой руководило О-во взаимопомощи ремесленнаго труда (носитъ тредъ-юніонистскій характеръ), истинными хозяевами являлись „общественники". Пассивная роль соціальдемократіи и невозможность для нея взять на себя руководящую роль въ рабочемъ движеніи замѣтны не только въ Харьковѣ, но и въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ. Все это, заканчиваетъ корреспондентъ, наводитъ на грустныя размышленія" (№ 88).

Екатеринославъ. Забастовка продолжалась приблизительно 7 дней. Прошла мирно. „Благодаря заводскимъ рабочимъ, стачка носила преимущественно экономическій характеръ (№ 87).

Донецкій районъ. Въ различныхъ мѣстахъ происходили забастовки. Выставлялись экономическія требованія. На первомъ мѣстѣ 8-часовой рабочій день (№ 87).

Одесса. 9-е января застало одесскій пролетаріатъ совершенно нерасположеннымъ къ массовому выступленію. Призывы комитета партіи, бундовой организаціи и эс-эровъ къ немедленной всеобщей стачкѣ не встрѣтили отклика (№ 89).

Среди этихъ извѣстій наиболѣе гармонируетъ съ извѣстіями изъ окраинъ сообщеніе изъ Саратова, который и въ эпоху банкетовъ выдѣлился своимъ тысячнымъ банкетомъ соціалистической интеллигенціи и рабочихъ.

Саратовъ. 16 янв. 4-й день идетъ забастовка. Стоятъ всѣ фабрики, заводы, мастерскія, мельницы, типографіи, конки, Управленіе Рязанско-Уральской желѣзной дороги, городское управленіе, земская управа. Ежедневно за городомъ происходятъ собранія въ 3, 4, 5 тысячъ человѣкъ. Кромѣ экономическихъ требованій предъявлены политическія (№ 86).

Изъ крупныхъ центровъ интересно отмѣтить еще Ростовъ. Усилія организаціи вызвать стачку рабочихъ непосредственно послѣ 9-го янв. не привели ни къ чему, какъ это указывалось мною раньше по другому поводу. Корреспондентъ объяснялъ это „отсутствіемъ прочнаго революціоннаго воспитанія массы". Забастовка разразилась позднѣе въ февралѣ вслѣдствіе „вспыхнувшей неожиданно" стачки на фабрикѣ Пастухова. Забастовка охватила рядъ фабрикъ. Подъ давленіемъ рабочихъ былъ разрѣшенъ одинъ митингъ, который и произошелъ въ количествѣ 1000 чел. на Темерникѣ. Это было первое и послѣднее массовое собраніе во время забастовки. Указавши, что рабочимъ не удалось добиться силой права собираться, корреспондентъ замѣчаетъ: „Послѣднее средство овладѣть массой ускользнуло изъ рукъ организаціи и стачка пошла въ разбродъ". Во время теченія стачки организація своимъ вліяніемъ на рабочихъ добилась того, что почти всюду рядомъ съ частными требованіями выдвигались и общія: 8 часовой рабочій день, неприкосновенность личности и жилища, свобода стачекъ, собраній, слова („Искра" № 92).

Подводя итоги стачечному движенію, разлившемуся по Россіи послѣ 9-го янв., мы должны сказать, что, хотя въ большинствѣ случаевъ оно не имѣло рѣзко выраженнаго политическаго характера, хотя въ цѣломъ рядѣ мѣстъ выдвигались исключительно экономическія требованія, приводившія въ нѣкоторыхъ случаяхъ къ уступкамъ со стороны фабрикантовъ, но въ общемъ и цѣломъ это движеніе было не только классовымъ столкновеніемъ пролетаріата съ буржуазіей, но еще въ большей степени полусознательнымъ протестомъ противъ общихъ политическихъ условій. И причина, вызвавшая это движеніе (событіе 9-го января въ Петербургѣ) и общая политическая обстановка, и широкій характеръ движенія и отсутствіе въ большинствѣ случаевъ связи его съ какимъ-либо обостреніемъ отношеній на экономической почвѣ, все это придало движенію не только на окраинахъ, но и въ остальной Россіи по преимуществу политическій характеръ.

9-е января и вызванное имъ двухмѣсячное стачечное движеніе пролетаріата оказало огромное вліяніе на всѣ другіе классы населенія. Подъ несомнѣннымъ вліяніемъ его вспыхнуло въ разныхъ мѣстахъ крестьянское движеніе, фабриканты и заводчики забросали правительство записками съ требованіями политическихъ свободъ и созыва народнаго представительства, высшія учебныя заведенія объявили всеобщую забастовку съ требованіемъ учредительнаго собранія, интеллигенція начала становиться на почву болѣе крайнихъ демократическихъ требованій. При такихъ условіяхъ рескриптъ 18-го февраля о созданіи законосовѣщательнаго учрежденія не внесъ и не могъ внести никакого успокоенія въ страну, тѣмъ болѣе, что онъ сопровождался манифестомъ, призывавшимъ всѣ темныя силы страны къ борьбѣ съ „крамольниками“.

Глубокое революціонизирующее вліяніе оказало это могучее стачечное движеніе пролетаріата и на него самого. Интересъ къ политическимъ вопросамъ и политическимъ собраніямъ возросъ въ громадной степени. Во многихъ мѣстахъ начали происходить огромные тысячные митинги вмѣсто прежнихъ небольшихъ „массовокъ“, собиравшихъ по нѣскольку десятковъ человѣкъ.

Наиболѣе сильное революціонизирующее вліяніе стачечнаго движенія испыталъ на себѣ конечно Петербургъ, что ярко про-

явилось въ исторіи съ комиссіей Шидловскаго. Подъ впечатлѣніемъ январскихъ событій правительство рѣшило образовать комиссію подъ предсѣдательствомъ сенатора Шидловскаго „для безотлагательнаго выясненія причинъ недовольства рабочихъ въ Петербургѣ и его пригородахъ и изысканія мѣръ къ устраненію таковыхъ въ будущемъ". Въ эту комиссію предложено было предпринимателямъ и рабочимъ выбрать своихъ представителей. Рабочіе должны были выбрать сперва выборщиковъ, а потомъ выборщики должны были выбрать представителей въ комиссію.

Во время выборовъ соціальдемократія развила сильную политическую агитацію. Выборщики передъ выборами въ комиссію выдвинули требованіе—предоставленія ихъ представителямъ въ комиссіи полной свободы слова какъ по экономическимъ, такъ и по политическимъ вопросамъ, открытія запрещеннаго послѣ 9-го января общества петербургскихъ рабочихъ и освобожденія арестованныхъ товарищей. Получивши отказъ въ удовлетвореніи этихъ требованій, выборщики отъ 7 группъ изъ 9 отказались отъ производства выборовъ.

Послѣ грандіознаго стачечнаго движенія съ января по мартъ, охватившаго различныя мѣста Россіи и въ виду той зрѣлости, которую, казалось, проявили петербургскіе рабочіе въ дѣлѣ съ комиссіей Шидловскаго, соціальдемократическая партія большія надежды возлагала на 1-ое мая. Какъ всегда, мысль партіи забѣгала впередъ, и строила свои предположенія не на трезвомъ анализѣ дѣйствительности, а на крайне преувеличенныхъ представленіяхъ о степени сознательности и организованности, достигнутой пролетаріатомъ.

Въ маѣ ожидали еще болѣе крупнаго выступленія, чѣмъ въ январѣ, считали возможнымъ превращеніе майскаго движенія въ рѣшительный натискъ на самодержавіе.

СПБ. группа партіи рѣшила звать рабочихъ на улицы для устройства массовыхъ митинговъ и,—если возможно, демонстрацій Рабочіе призывались выходить вооруженными. Обращались къ различнымъ союзамъ съ предложеніемъ поддержки пролетаріата. Все это предпріятіе окончилось полнѣйшей неудачей. Вмѣсто рабочей массы оказались въ различныхъ районахъ ничтожныя кучки организованныхъ рабочихъ. Корреспондентъ „Искры" счи-

таетъ, что на улицу вышло 1200—1300 рабочихъ (№ 100). По другимъ свѣдѣніямъ и эти очень скромныя цифры крайне преувеличены.

Въ другихъ русскихъ городахъ празднованіе 1-го мая имѣло такой же жалкій видъ.

Такъ изъ Екатеринослава корреспондентъ сообщаетъ: „Первое мая прошло здѣсь почти спокойно. Былъ назначенъ митингъ, но явились только организованные рабочіе; при такомъ составѣ устраивать что нибудь не было ни возможности, ни смысла“ (№ 100).

Въ Ростовѣ на Дону не удалось устроить ни митинговъ, ни забастовки.

Въ Одессѣ 1-го мая состоялась одна пролетарская массовка въ 120 человѣкъ и одна интеллигентская въ 30 человѣкъ. Со 2-го мая начало развиваться забастовочное движеніе, но на экономической почвѣ. 6-го мая на собраніи, на которомъ вырабатывались экономическія требованія, когда одинъ ораторъ сказалъ политическую рѣчь и предложилъ требовать прекращенія войны, „послышались протесты со стороны рабочихъ, заявлявшихъ, что они пришли сюда не для того, чтобы говорить о Манджуріи“. (№ 100).

Совсѣмъ другая картина передъ нами встаетъ, когда мы переходимъ къ Польшѣ. Тамъ 1-ое мая праздновалось по новому стилю, т.-е. нашего 18-го апрѣля.

О празднованіи въ Лодзи писали въ Искрѣ: „День этотъ останется надолго памятенъ въ исторіи Лодзи: всѣ промышленныя заведенія, торговли, трамваи, мелкія мастерскія остановились, въ разныхъ концахъ устроены были грандіозныя манифестаціи (№ 100).

Грандіозное празднованіе было и въ Варшавѣ. По сообщенію „Варшавскаго Дневника“ (въ „Искрѣ“ о Варшавѣ не было подробныхъ свѣдѣній) „въ теченіе всего дня 18-го апрѣля въ Варшавѣ происходили манифестаціи. Манифестанты ходили по городу значительными толпами съ красными флагами, пѣніемъ пѣсенъ. Манифестаціи были въ разныхъ мѣстахъ города въ 11, 12, 1 ч. дня, 5, 6, 7, 9 ч. 25 м. и 10 ч. вечера“. Войска разстрѣливали манифестантовъ въ различныхъ мѣстахъ; особенно кровавой была бойня, устроена на Іерусалимской аллеѣ

Итакъ, 1-го мая жизнь снова подчеркнула рѣзкую разницу между окраинами и остальной Россіей: русская рабочая масса, несмотря на огромный подъемъ, только что ею пережитый, еще не стала сознательно и рѣшительно подъ красное знамя соціальдемократіи.

Благодаря ни на чемъ не основаннымъ ожиданіямъ неудача 1-го мая произвела сильное впечатлѣніе на широкіе революціонные круги. На самомъ дѣлѣ она конечно не свидѣтельствовала объ остановкѣ движенія пролетаріата, она только показала, что пролетарское движеніе сохранило еще въ политическомъ отношеніи свой полусознательный, неопредѣленный характеръ, тотъ характеръ, которымъ, какъ мы видѣли, оно отличалось въ январскіе дни. 1-ое мая показало, что соціальдемократія въ Россіи не стала еще настоящей массовой партіей, что ея идейное вліяніе не достигаетъ еще глубинъ пролетаріата и что поэтому она не можетъ смѣло брать на себя организацію тѣхъ выступленій, которыя подсказываетъ ей ея политическое сознаніе. Внесеніе организованности и сознательности въ движенія, возникающія стихійно, вотъ та скромная задача, которая пока диктовалась ей тѣмъ уровнемъ политическаго сознанія, котораго достигъ пролетаріатъ.

Но если зрѣлость и сознательность пролетаріата заставляли еще желать многаго и вовсе не соотвѣтствовали преувеличеннымъ представленіямъ партіи, то возбужденная политическая атмосфера, создававшаяся подъ вліяніемъ войны, дѣлала въ мѣсяцы то, на что при другихъ обстоятельствахъ понадобились бы годы.

14 мая произошло событіе, положившее конецъ позорной войнѣ: уничтоженіе всего нашего флота послѣ сраженія при Цусимѣ.

Это событіе произвело огромное впечатлѣніе на всѣ классы общества и у всѣхъ сознательныхъ элементовъ страны усилило стремленіе во что бы то ни стало покончить съ ненавистнымъ режимомъ. Верхи общества принимали резолюціи и осаждали правительство представленіями, а въ народѣ продолжалось глухое броженіе, прорывавшееся отъ времени до времени неожиданными и поражающими событіями.

Въ борьбѣ пролетаріата послѣ неудачнаго въ общемъ празднованія перваго мая три крупныхъ факта, слѣдуя одинъ за другимъ,

приковали къ себѣ вниманіе всей Россіи: событія въ Иваново-Вознесенскѣ, Лодзи и Одессѣ.

Въ Иваново-Вознесенскѣ стачка, возникшая на экономической почвѣ, стала крупнымъ политическимъ событіемъ. Все время стачки, тянувшейся около мѣсяца, шли непрекращающіеся митинги; подъ открытымъ небомъ собирались десятки тысячъ рабочихъ и жадно слушали политическія рѣчи о соціализмѣ, о политической свободѣ, о народовластіи. За свое политическое возстаніе иваново-вознесенскій пролетаріатъ заплатилъ также, какъ и вездѣ, кровью: собранія рабочихъ сначала допускались властями, а потомъ начали разгоняться военной силой и въ столкновеніяхъ оказалось нѣсколько десятковъ убитыхъ и раненыхъ.

Вслѣдъ за Иваново-Вознесенскимъ выступила Лодзь. Забастовка, начавшаяся на рядѣ фабрикъ, привела къ митингамъ и демонстраціямъ. Разстрѣлъ демонстрантовъ привелъ къ грандіознымъ похоронамъ убитыхъ рабочихъ, въ которыхъ принимали участіе десятки тысячъ рабочихъ. Наиболѣе грандіозная демонстрація занимала въ длину около полуверсты и заключала въ себѣ до 50 тысячъ рабочихъ: кончилась она массовымъ разстрѣломъ.

Массовое движеніе, несмотря на громадныя жертвы, продолжалось 12 дней, начавшись со 2-го іюня. „Особенно страшныя событія разыгрались 10, 11, 12 и 14 іюня. Всѣ магазины и лавки были закрыты, трамваи не ходили, жители массами уѣзжали изъ города. Рабочіе устраивали баррикады. Съ войсками происходили сраженія. Убитыхъ и раненыхъ было до 2000 человѣкъ“. Кончилось это движеніе введеніемъ военнаго положенія въ Лодзи и Лодзинскимъ уѣздѣ.

Въ Одессѣ широкое стачечное движеніе, перешедшее въ митинги и уличныя демонстраціи, нашло неожиданную поддержку со стороны броненосца „Потемкина“, команда котораго во главѣ съ матросами-соціальдемократами возстала противъ офицеровъ послѣ убійства однимъ изъ офицеровъ матроса, убила ихъ и подъ краснымъ знаменемъ революціи причалила къ Одессѣ какъ разъ въ то время, когда рабочая масса находилась тамъ въ сильномъ возбужденіи. Трупъ убитаго матроса былъ положенъ на берегу и на тѣло его положена была записка слѣдующаго содержанія:

„Господа одесситы! Передъ вами лежитъ теперь тѣло звѣрски убитаго матроса Григорія Омельчука, убитаго старшимъ офицеромъ эскадреннаго броненосца „князь Потемкинъ Таврическій“ за то, что онъ заявилъ, что „борщъ не годится“. Осѣнимъ себя крестнымъ знаменемъ и скажемъ: „миръ праху его!“ Отомстимъ кровожаднымъ вампирамъ! Смерть угнетателямъ! Смерть кровопійцамъ! Да здравствуетъ свобода! Команда эск. бр. „кн. Пот. Тавр.“.

Одинъ за всѣхъ, всѣ за одного!“

Около тѣла матроса толпились цѣлый день громадныя массы рабочихъ и шелъ непрерывный митингъ. Къ сожалѣнію, босяки, которыхъ такъ много въ Одессѣ, предались къ вечеру грабежу товаровъ на пароходной пристани и пьянству.

Этотъ первый день прибытія „Потемкина“ былъ днемъ, когда Одесса могла, повидимому, оказаться во власти возставшаго народа. Командѣ Потемкина дѣлалось предложеніе свести часть людей и орудій на берегъ и завладѣть городомъ. Войскъ въ этотъ первый день въ городѣ было немного. Команда Потемкина не пошла на это предложеніе. Почему? Вѣрнѣе всего потому, что она не чувствовала въ охваченной броженіемъ рабочей массѣ Одессы дѣйствительно возставшаго народа, рѣшительно вступившаго въ борьбу съ самодержавіемъ. Вскорѣ послѣ этого мнѣ пришлось быть въ Одессѣ и все, что я слышалъ отъ очевидцевъ въ связи съ моими собственными наблюденіями, убѣдило меня, что команда „Потемкина“ не ошиблась. Такъ или иначе, но на слѣдующій день Одесса была занята войсками, введено было военное положеніе, броненосецъ же Потемкинъ отплылъ отъ Одессы и, проплававши нѣкоторое время по Черному морю, присталъ къ берегамъ Румыніи.

Одесскія событія вызвали отголосокъ въ нѣкоторыхъ городахъ на югѣ въ видѣ кратковременныхъ стачекъ (въ Екатеринославѣ, Харьковѣ).

Событія въ Иваново-Вознесенскѣ, Лодзи и Одессѣ имѣли мѣсто въ іюнѣ. Въ іюлѣ рабочее движеніе проявлялось также въ рядѣ забастовокъ: въ Тулѣ, Костромѣ, Томскѣ, Перми, въ мастерскихъ Владикавказскихъ желѣзныхъ дорогъ. Были въ отдѣльныхъ городахъ политическія демонстраціи. Въ Нижнемъ Новгородѣ въ отвѣтъ на политическую демонстрацію администрація организовала

черносотенный погромъ. Въ Сормовѣ убитымъ рабочимъ были устроены послѣ этого величественныя похороны, въ которыхъ участвовало 15 тысячъ человѣкъ.

Прибалтійскій край и Польша продолжали оставаться впереди всего этого движенія.

„Въ Ригѣ и Ревелѣ, говоритъ Громанъ въ своемъ „Развитіи революціи“, начавшаяся общая стачка наглядно показала измѣненіе въ фактическомъ соотношеніи общественныхъ силъ. Рабочіе фактически осуществляли свободу собраній и слова и администрація уже не рѣшалась ставить препоны“ („Правда“ 1906 г. февраль кн. IV, с. 57). Отъ городского пролетаріата движеніе перешло къ сельскому, среди котораго тоже, какъ и среди городского, пріобрѣли огромное вліяніе революціонныя организаціи и прежде всего латышская соціальдемократическая партія.

Въ цѣляхъ подавленія этого движенія 6 августа вся Курляндская губернія объявлена была на военномъ положеніи.

Въ то же время на военномъ положеніи объявлена и Варшава. О волненіяхъ въ Царствѣ Польскомъ въ правительственномъ сообщеніи излагаются грандіозныя событія, происходившія въ Варшавѣ, Бѣлостокѣ и нѣкоторыхъ другихъ городахъ и выразившіяся въ цѣломъ рядѣ революціонныхъ демонстрацій съ красными флагами, крупныхъ столкновеній рабочихъ съ войсками и полиціей, въ покушеніяхъ и убійствахъ чиновъ полиціи и жандармовъ, въ огромныхъ забастовкахъ и пр.

Это непрекращающееся съ января движеніе пролетаріата сильнѣе всего дѣйствовало на два слоя, болѣе близкіе, чѣмъ другіе, къ пролетаріату по своимъ интересамъ—на крестьянство и интеллигенцію. На крестьянство оно дѣйствовало главнымъ образомъ стихійно, усиливая броженіе и возбужденіе среди крестьянства на почвѣ его экономическихъ интересовъ, но болѣе сознательные слои крестьянства начали обнаруживать стремленіе и къ болѣе опредѣленной политической организаціи.

Образовался всероссійскій крестьянскій союзъ и на учредительномъ съѣздѣ его, имѣвшемъ мѣсто 31 іюля—1 августа въ Москвѣ, были представители отъ 22 губерній, при чемъ рядомъ съ 25 интеллигентами было свыше 100 крестьянъ.

Среди интеллигенціи рабочее движеніе не только усиливало стремленіе къ организаціи въ цѣляхъ политической борьбы, на-

блюдавшееся еще въ декабрѣ, но и создавало тяготѣніе къ болѣе рѣшительнымъ демократическимъ лозунгамъ. Ближайшія политическія требованія сознательнаго пролетаріата начали становиться лозунгами и интеллигенціи. Такъ, съѣздъ врачей, собравшійся въ Москвѣ 21 марта, высказался за цѣлый рядъ демократическихъ требованій, фигурировавшихъ до сихъ поръ только въ программахъ революціонныхъ партій, и на первомъ мѣстѣ за созывъ Учредительнаго Собранія на основаніи четырехчленной формулы.

Въ то же время засѣдавшій съѣздъ агрономовъ и статистиковъ, выставивши тѣ же требованія, констатировалъ, что только революціонное народное движеніе можетъ привести къ желательнымъ преобразованіямъ.

Къ концу апрѣля образовались союзы слѣдующихъ профессій: медицинскаго персонала, ветеринаровъ, фармацевтовъ, агрономовъ и статистиковъ, учителей низшей и средней школы, журналистовъ, адвокатовъ, профессоровъ, конторщиковъ и бухгалтеровъ и желѣзнодорожниковъ.

Изъ этихъ союзовъ слѣдуетъ особенно выдѣлить „всероссійскій желѣзнодорожный союзъ", какъ сыгравшій огромную роль въ дальнѣйшемъ движеніи. Союзъ этотъ, кромѣ того, ближе, чѣмъ другіе союзы, стоялъ къ рабочему пролетаріату, такъ какъ въ него входила масса мелкихъ служащихъ, по своему положенію приближающихся къ рабочимъ, и довольно значительное число желѣзнодорожныхъ рабочихъ. Программа, принятая союзомъ на первомъ съѣздѣ, высказывается за созывъ народнаго представительства на основаніи четырехчленной формулы и заканчивается словами: „Не считая однако возможнымъ ограничиться голымъ провозглашеніемъ принциповъ и желая стать съ первыхъ же шаговъ на путь корпоративной дѣятельности, союзъ беретъ на себя и фактическое осуществленіе въ предѣлахъ желѣзнодорожной корпораціи свободы слова и собраній, а также организацію стачекъ, какъ частныхъ, такъ и всеобщихъ".

Различные ителлигентскіе союзы, объединившись, образовали союзъ союзовъ, учредительный съѣздъ котораго произошелъ 9 мая и принялъ неопредѣленную формулу „достиженіе политическаго освобожденія на началахъ демократизма". Экстренный съѣздъ союза союзовъ, собравшійся въ концѣ мая, былъ гораздо болѣе рѣшителенъ и сталъ на явно революціонный путь, обратившись къ на-

роду съ слѣдующимъ революціоннымъ призывомъ: „Мы обращаемся ко всѣмъ общественнымъ группамъ, партіямъ, союзнымъ организаціямъ, частнымъ кружкамъ, ко всему, что есть въ народѣ живого и способнаго отозваться на боль, на грубый ударъ,—и мы говоримъ: всѣми силами, всѣми мѣрами добивайтесь немедленнаго устраненія захватившей власть разбойничьей шайки и поставьте на ея мѣсто Учредительное Собраніе, избранное народомъ на основаніи всеобщаго, тайнаго, прямого и равнаго голосованія для всѣхъ гражданъ, безъ различія пола, національности и вѣроисповѣданія, чтобы оно могло какъ можно скорѣе покончить съ войной и господствующимъ до сихъ поръ политическимъ режимомъ (Стрѣльскій „Партіи и революція въ 1905 г.“ с. 28).

Второй съѣздъ союза союзовъ, собравшійся 1-го іюля, настроенъ былъ такъ же рѣшительно и, высказавшись за бойкотъ задуманной тогда булыгинской думы, постановилъ выбрать комитетъ активнаго протеста, который бы вошелъ въ связь съ революціонными партіями для организаціи всеобщей забастовки, финансоваго бойкота (Громанъ ib. с. 55).

Среди этого непрерывнаго роста сознательности и организованности какъ среди рабочаго пролетаріата, такъ и среди буржуазной демократіи былъ наконецъ опубликованъ 6-го августа законъ о Государственной Думѣ, высиженный бюрократіей послѣ долгихъ усилій, продолжавшихся 7 мѣсяцевъ. Законъ этотъ былъ насмѣшкой надъ освободительнымъ движеніемъ, такъ какъ два слоя населенія, игравшіе наиболѣе крупную роль въ этомъ движеніи—рабочій пролетаріатъ и интеллигенція, были лишены избирательныхъ правъ. Совершенно несоотвѣтствовалъ уровню, достигнутому движеніемъ, также и законосовѣщательный характеръ этой булыгинской думы.

Идея бойкота этой думы пріобрѣла поэтому широкую популярность среди пролетаріата и интеллигенціи. Булыгинской думѣ не суждено было ни внести успокоенія въ населеніе ни стать опорнымъ пунктомъ для дальнѣйшаго движенія.

Движеніе было въ полномъ ходу, оно рвалось впередъ и взоры его сторонниковъ обратились въ сторону высшихъ учебныхъ заведеній, которыя играли до сихъ поръ всегда крупную роль въ освободительномъ движеніи, но которыя теперь уже полгода без-

дѣйствовали, примкнувши послѣ 9-го января къ рабочей забастовкѣ. Среди учащейся молодежи шли горячіе споры о томъ, открывать или не открывать учебныя заведенія.

На отношеніе студенчества къ этому вопросу оказала сильное вліяніе „Искра", признавшая дальнѣйшее продолженіе пассивной тактики вреднымъ и призвавшая студенчество открыть двери высшихъ учебныхъ заведеній для народныхъ митинговъ. Тактика „Искры" побѣдила.

На многолюдныхъ студенческихъ сходкахъ почти во всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ было рѣшено открыть ихъ и предоставить ихъ не только слушанію науки, но и обсужденію общественныхъ вопросовъ. Сильное стремленіе къ политическимъ собраніямъ и митингамъ, развившееся на почвѣ всего предыдущаго движенія, нашло себѣ выходъ; въ раскрытыя двери высшихъ учебныхъ заведеній хлынули массы, охваченныя движеніемъ. На этихъ митингахъ формировалось политическое сознаніе широкихъ массъ и подготавливался рѣшительный натискъ на самодержавіе.

3.

Октябрьская забастовка.

Новая стачечная волна пролетаріата началась въ Москвѣ въ концѣ сентября. Стихійно вспыхнула стачка въ цѣломъ рядѣ типографій Москвы. Движеніе типографскихъ рабочихъ сопровождалось бурными митингами. Одновременно вспыхнула стачка и въ рядѣ другихъ заведеній Москвы, но попытка превратить эту стачку во всеобщую путемъ образованія общаго собранія депутатовъ различныхъ производствъ потерпѣла неудачу. 5-го октября стачка казалась уже совершенно прекратившейся, но черезъ два дня началась желѣзнодорожная забастовка, которая постепенно охватила не только всѣ желѣзныя дороги, но стала всеобщей забастовкой городской Россіи.

Характерной особенностью этой забастовки является та центральная роль, которую въ ней играли желѣзныя дороги.

Онѣ идутъ впереди всей забастовки, онѣ толкаютъ къ забастовкѣ фабрично-заводскихъ рабочихъ и городскую интеллигенцію, благодаря имъ забастовка пріобрѣтаетъ въ высшей степени организованный и сплоченный характеръ. Весь ходъ забастовки *) подтверждаетъ эту передовую роль желѣзныхъ дорогъ. Начинается забастовка въ Москвѣ, ее начинаютъ машинисты Московско-Казанской желѣзной дороги, благодаря чему движеніе на Московско-Казанской дорогѣ прекращается. 8-го октября бастуетъ весь московскій узелъ кромѣ Николаевской и Савеловской желѣзныхъ дорогъ. На фабрикахъ и заводахъ нигдѣ не слышно о забастовкахъ. Бывшее только что передъ этимъ стачечное движеніе въ Москвѣ, казалось, совсѣмъ прекратилось и того же 8-го числа, когда желѣзныя дороги вокругъ Москвы не только бастуютъ, но уже объединены общими требованіями, типографскіе рабочіе вы-

*) Въ дальнѣйшемъ я пользуюсь главнымъ образомъ газетными свѣдѣніями, собранными въ приложеніи къ «Праву» за 1905 г. № 45—46.

носятъ рѣшеніе воздерживаться отъ массовыхъ забастовокъ. 10-го октября въ Козловѣ желѣзнодорожные служащіе добиваются прекращенія работъ въ промышленныхъ заведеніяхъ и закрытія учебныхъ заведеній.

10-го числа начинается забастовка на дорогахъ, прилегающихъ къ Харькову и Екатеринославу, и вмѣстѣ съ этой забастовкой начинается тамъ забастовка и на всѣхъ фабрикахъ и заводахъ.

Петербургъ и Москва, кромѣ московскихъ желѣзныхъ дорогъ, продолжаютъ еще въ общемъ стоять внѣ забастовки. Къ 11-му числу забастовка охватила 14 желѣзныхъ дорогъ, въ томъ числѣ и Николаевскую. Московскій узелъ придвигается къ Петербургу и дѣйствуетъ на него возбуждающимъ образомъ. 11-го вечеромъ на желѣзнодорожномъ митингѣ въ университетѣ, гдѣ присутствовали делегаты всѣхъ дорогъ петербургскаго узла, принимается почти единогласно рѣшеніе объявить съ 12-го забастовку на желѣзныхъ дорогахъ петербургскаго узла. 12-го начинается забастовка на петербургскихъ желѣзныхъ дорогахъ, вмѣстѣ съ тѣмъ начинаютъ бастовать и заводы. 12-го же делегаты всѣхъ московскихъ профессіональныхъ союзовъ и рабочихъ организацій постановили примкнуть къ забастовкѣ. Москва постепенно начинаетъ раскачиваться и въ слѣдующіе дни происходитъ непрерывное расширеніе забастовки, достигающее 15-го своего кульминаціоннаго пункта.—Съ 12-го начинаютъ увеличиваться свѣдѣнія о забастовкѣ и въ другихъ городахъ. Къ Харькову и Екатеринославу присоединяются Курскъ, Минскъ, Полтава, Саратовъ, Самара, Воронежъ, Тамбовъ, Ревель, Челябинскъ, Смоленскъ, Симбирскъ, Ярославль, Кіевъ, Симферополь, Одесса, Вильна, Орша, Лодзь, Тифлисъ, Севастополь, Новочеркасскъ и др.

Итакъ, центральное мѣсто въ забастовкѣ играли несомнѣнно желѣзныя дороги.

Этимъ октябрьская забастовка очень сильно отличалась отъ всѣхъ предыдущихъ забастовочныхъ движеній. Другой же особенностью октябрьской забастовки является громадная роль, которую въ ней играла интеллигенція.

Во-первыхъ, сама желѣзнодорожная забастовка опиралась не только на рабочихъ. Во главѣ желѣзнодорожной забастовки вездѣ стояли служащіе, при чемъ часто занимающіе сравнительно высокое положеніе. Только благодаря желѣзнодорожной интелли-

генціи могла вообще быть проведена забастовка на линіи; безъ ея объединяющей и руководящей роли, линейные рабочіе и низшіе служащіе по своей разъединенности и слабой сознательности никогда, конечно, не въ состояніи были бы провести забастовку.

Желѣзнодорожная забастовка была несомнѣнно подготовлена дѣятельностью всероссійскаго желѣзнодорожнаго союза, его идейнымъ и организующимъ вліяніемъ. Въ желѣзнодорожномъ же союзѣ опять-таки руководящую роль играла желѣзнодорожная интеллигенція.

Хотя московская забастовка желѣзныхъ дорогъ началась стихійно, но съ самаго начала она находилась подъ руководствомъ московскаго узлового комитета желѣзнодорожнаго союза. Уже 7-го числа московскимъ узловымъ комитетомъ выставлены 11 требованій для всеобщей желѣзнодорожной забастовки и среди нихъ рядомъ съ требованіями, касающимися улучшенія быта желѣзнодорожныхъ служащихъ и рабочихъ, выставлены требованія: „свободы собраній, сходокъ, союзовъ, организацій, совѣсти, слова, печати и стачекъ, неприкосновенности личности и жилища“ (7 п.), „созывъ народныхъ представителей съ законодательной властью, выбранныхъ всѣмъ населеніемъ страны всеобщимъ, прямымъ, равнымъ и тайнымъ голосованіемъ безъ различія національности, пола, вѣроисповѣданія, для выработки новыхъ основныхъ законовъ страны въ интересахъ трудящихся классовъ“ (п. 9), „неприкосновенность всѣхъ участниковъ забастовки и возвращеніе всѣхъ пострадавшихъ за участіе въ забастовкахъ и союзахъ“ (п. 10) и „полную амнистію пострадавшимъ за такъ называемыя политическія и религіозныя преступленья“ (п. 11). Эти требованія становятся затѣмъ требованіями всего союза и принимаются всѣми желѣзными дорогами. Въ то же время эти требованія объединяли въ сущности и всю забастовку; п. 9 хотя не говоритъ прямо объ учредительномъ собраніи, но по существу является требованіемъ именно учредительнаго собранія.

Громадную роль въ желѣзнодорожной забастовкѣ сыгралъ делегатскій съѣздъ, самопроизвольно возникшій изъ созваннаго правительствомъ совѣщанія по пересмотру уставовъ пенсіонныхъ и сберегательно-вспомогательныхъ желѣзнодорожныхъ кассъ. Выборные отъ служащихъ желѣзныхъ дорогъ добились превра-

щенія этого совѣщанія въ съѣздъ представителей желѣзныхъ дорогъ. Они выбрали изъ своей среды предсѣдателя и оставили завѣдующимъ пенсіонными кассами совѣщательный голосъ.

„Министерство путей сообщенія, говоритъ Хрусталевъ, по наивности своей думало внести успокоеніе однимъ делегатскимъ съѣздомъ, созваннымъ оффиціально для пересмотра пенсіоннаго устава.

Процессъ выборовъ делегатовъ на съѣздъ объединилъ линейныхъ и другихъ служащихъ, разбросанныхъ на громадныхъ разстояніяхъ. При такихъ условіяхъ громоотводъ превратился въ громадный рупоръ, разносившій во всѣ концы Россіи отчеты о засѣданіяхъ съѣзда.

Делегатскій съѣздъ приковалъ къ себѣ вниманіе всей желѣзнодорожной арміи труда. Избиратели телеграммами засыпали делегатовъ, поручая имъ со всей смѣлостью отстаивать всѣ требованія. Настроеніе съѣзда повышалось, съѣздъ эволюціонировалъ влѣво...“ („Исторія Совѣта рабочихъ депутатовъ“, с. 56).

Этотъ съѣздъ несомнѣнно далъ толчокъ возникновенію забастовки. „Съ каждымъ днемъ напряженіе росло. Властный и свободный языкъ делегатскаго съѣзда внушилъ опасенія, что съѣздъ будетъ закрытъ, а делегаты будутъ арестованы. 7-го октября по Москвѣ разнесся слухъ, что делегаты съѣзда уже арестованы, и хотя слухъ былъ опровергнутъ по телефону самими делегатами, и хотя делегаты высказались за отложеніе стачки, низы Московско-Казанской дороги прорвали плотину выжидательнаго напряженія“.

Когда стачка начала развиваться, делегатскій съѣздъ сталъ естественнымъ идейнымъ вождемъ желѣзнодорожной массы.

9-го числа въ своей резолюціи, принятой единогласно, съѣздъ заявляетъ; „мы, орудіе нашихъ товарищей, мы, слуги народа, не можемъ молчать, когда заговорилъ весь народъ“ и „какъ частица многомилліонной трудящейся массы“ съѣздъ требуетъ установленія всѣхъ свободъ, амнистіи, отмѣны смертной казни, передачи полиціи въ руки органовъ самоуправленія и созыва Учредительнаго Собранія на основѣ четырехчленной формулы“.

Если мы теперь обратимся къ составу этого съѣзда, то окажется, что только меньшинство этого съѣзда принадлежало къ рабочему классу. Большинство съѣзда состояло изъ инженеровъ,

помощниковъ юрисконсультовъ и агентовъ разныхъ службъ („Ист. сов. раб. деп.“ с. 56).

Мы считаемъ необходимымъ подчеркнуть всѣ такіе факты, такъ какъ наши увлекающіеся товарищи сплошь и рядомъ давали совершенно ложную характеристику октябрьской забастовкѣ. Распространялось мнѣніе, что октябрьская забастовка явилась исключительно дѣломъ пролетаріата. Это было бы вѣрно и то только приблизительно, если бы слово пролетаріатъ употреблять въ эсэровскомъ смыслѣ, объединяя подъ этимъ понятіемъ и рабочій пролетаріатъ и интеллигенцію. Мы, соціальдемократы, проводимъ рѣзкое различіе между этими двумя слоями, мы знаемъ, что вездѣ и повсюду масса интеллигенціи служитъ буржуазіи, защищаетъ ея интерѣсы и пополняетъ ряды буржуазныхъ партій, отстаивающихъ неприкосновенность капиталистическаго строя. Но въ октябрьской забастовкѣ вмѣстѣ съ рабочимъ пролетаріатомъ участвовала не та только горсть интеллигенціи, которая проникнута всецѣло интересами пролетаріата, и не только масса мелкихъ служащихъ, по своему положенію приближающихся къ рабочимъ, а вся масса интеллигенціи. Мы уже видѣли ея огромное участіе въ желѣзнодорожной забастовкѣ, мы знаемъ, что безъ участія массы желѣзнодорожной интеллигенціи не было бы въ октябрѣ желѣзнодорожной забастовки, не было бы той побѣдоносной забастовки, которая удивила весь міръ.

Но вмѣстѣ съ желѣзнодорожной интеллигенціей, дружно примкнула къ всеобщей забастовкѣ и городская интеллигенція.

11-го октября московское отдѣленіе союза союзовъ постановило примкнуть къ желѣзнодорожной забастовкѣ. Въ томъ же духѣ приняло резолюцію общее собраніе московскаго союза инженеровъ и техниковъ. На основаніи этого постановленія цѣлый рядъ техническихъ конторъ прекратилъ занятія.

12 го забастовали служащіе городской управы.

13-го собраніе бюро союза союзовъ постановляетъ присоединиться къ забастовкѣ.

На три дня прекращаютъ занятія служащіе Спб. земства, потомъ служащіе правленія Спб. округа путей сообщенія. Служащіе въ банкахъ и конторахъ постановляютъ примкнуть къ всеобщей политической забастовкѣ. За ними спѣшатъ фармацевты

и въ результатѣ закрываются 87 аптекъ. На три дня прекращаютъ занятія служащіе въ Спб. окружномъ судѣ, а присяжные засѣдатели признаютъ себя неспособными отправлять правосудіе.

Въ Москвѣ въ помѣщеніи городской управы собирается высшій техническій персоналъ городской управы (инженеровъ и архитекторовъ) и постановляетъ примкнуть къ политической забастовкѣ и лозунгамъ, выставленнымъ городскими рабочими — т.-е. къ требованіямъ всѣхъ свободъ и созыва всенароднаго учредительнаго собранія.

14-го октября въ университетѣ состоялись собранія различныхъ интеллигентскихъ союзовъ, постановившія примкнуть къ политической забастовкѣ и ея лозунгамъ. Петербургское отдѣленіе наиболѣе умѣреннаго изъ союзовъ академическаго, въ отвѣтъ на распоряженіе правительства, опубликованное 14-го октября, заявляетъ: „препятствовать устройству митинговъ въ стѣнахъ высшихъ учебныхъ заведеній мы не будемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы рѣшительно отказываемся закрывать высшія учебныя заведенія. Примѣненіе правительствомъ вооруженной силы къ прекращенію митинговъ мы считаемъ преступленіемъ противъ народа".

На собраніяхъ союзовъ 13-го октября, были образованы стачечные комитеты отдѣльныхъ союзовъ. Эти стачечные комитеты организовали цѣлый рядъ делегацій въ общественныя, правительственныя и частныя учрежденія съ цѣлью прекращенія занятій. Делегаты являлись въ банки, техническія конторы, правленія промышленныхъ обществъ, суды, школы, даже въ Сенатъ (Стрѣльскій „Партіи и революція", с. 50).

Въ Москвѣ 14-го прекратились занятія въ III и II уголовныхъ отдѣленіяхъ окружнаго суда. Забастовала московская губернская земская управа. Собраніе банковскихъ служащихъ постановило прекратить занятія во всѣхъ банкахъ.

Учредительный съѣздъ конституціонно-демократической партіи принялъ постановленіе, въ которомъ заявляетъ свою полную солидарность

съ забастовочнымъ движенiемъ и его лозунгами— введенiемъ свободъ, созывомъ Учредительнаго Собранiя на основанiи четырехчленной формулы и полной политической амнистiей.

15-го въ Петербургѣ въ вольно-экономическомъ обществѣ состоялось общее собранiе чиновниковъ государственнаго банка и министерства финансовъ. Собранiе постановило присоединиться къ всеобщей политической забастовкѣ.

Группа адвокатовъ прекращаетъ занятiя въ окружномъ судѣ.

Петербургскiй столичный мировой съѣздъ въ составѣ 54 мировыхъ судей объявляетъ забастовку на три дня. Частное совѣщанiе мировыхъ судей большинствомъ 52 голосовъ противъ 2 постановляетъ довести до свѣдѣнiя министра юстицiи резолюцiю, въ которой заявляетъ о необходимости слѣдующихъ мѣръ:

1) отмѣны всѣхъ исключительныхъ положенiй какъ военнаго, такъ и усиленной охраны.

2) объявленiя законовъ о неприкосновенности личности, о свободѣ печати и слова.

3) отмѣны смертной казни.

4) созыва свободно избранныхъ всеобщимъ голосованiемъ представителей страны.

5) объявленiя амнистiи по политическимъ дѣламъ.

16-го въ „Русскомъ Словѣ“ появляется оригинальное заявленiе большинства священниковъ. Московскiй митрополитъ предписалъ имъ читать черносотенное поученiе. Въ своемъ письмѣ въ „Русское Слово“ они „открыто заявляютъ о своей полной несолидарности съ тѣмъ возмутительнымъ и по содержанiю и по тону рѣчи поученiемъ, которое ихъ заставили читать“.

17-го въ Петербургѣ въ числѣ прочихъ многочисленныхъ учрежденiй забастовалъ и государственный банкъ.

Въ то время, какъ служащiе обсуждали въ помѣщенiи банка текущiя событiя, къ нимъ явился министръ финансовъ, Коковцевъ, и сказалъ имъ рѣчь, которую закончилъ вопросомъ, что скажутъ они своимъ дѣтямъ, когда тѣ спросятъ, были ли вы во время тяжелой смуты на сторонѣ порядка. На это одинъ изъ

служащихъ воскликнулъ: „Товарищи! Разойдемся немедленно. Иначе, что мы отвѣтимъ нашимъ дѣтямъ, когда они насъ спросятъ: „А были ли вы въ смутное время на сторонѣ свободы?“ При громѣ аплодисментовъ служащіе въ сильномъ волненіи разошлись.

Въ заключеніе этого перечня фактовъ остается сообщить, что московскій стачечный комитетъ, руководившій забастовкой въ Москвѣ состоялъ главнымъ образомъ изъ представителей интеллигентскихъ союзовъ.

Всѣхъ этихъ фактовъ, я думаю, совершенно достаточно, чтобы установить, что побѣду надъ самодержавіемъ 17-го октября одержалъ не одинъ рабочій пролетаріатъ, что въ октябрьской революціи также дружно и активно участвовала масса интеллигенціи.

Если не активную, то пассивную поддержку забастовкѣ оказывала и масса крупной буржуазіи. „Въ октябрьскую стачку, говоритъ Хрусталевъ, капиталисты не только не препятствовали рабочимъ митингамъ на заводахъ и фабрикахъ, они выдали большинству рабочихъ заработную плату въ половинномъ размѣрѣ за стачечные дни, а въ нѣкоторыхъ предпріятіяхъ заработокъ былъ выданъ полностью. За стачку никто не былъ разсчитанъ“ (ів. с. 127).

12-го Петербургская дума почти единогласно приняла слѣдующую резолюцію: „СПБ. городская дума считаетъ своей обязанностью въ настоящій тяжелый моментъ, переживаемый столицей вмѣстѣ со всей страной, указать на необходимость принятія со стороны правительства безотлагательно мѣръ къ удовлетворенію назрѣвшихъ экономическихъ и политическихъ требованій населенія“.

14-го октября избранная отъ московскихъ фабрикантовъ комиссія во исполненіе постановленія собранія фабрикантовъ представила генералъ-губернатору свои заключенія о переживаемыхъ событіяхъ. Въ докладѣ комиссіи между прочимъ говорится, что введеніе военнаго положенія въ Москвѣ нежелательно, что необходимо предоставить рабочимъ возможность свободно обсуждать свои нужды въ помѣщеніяхъ фабрикъ и такимъ путемъ найти пути къ соглашенію съ фабрикантами, что лучшей мѣрою

для успокоенія умовъ является дарованіе русскому народу основныхъ свободъ и реорганизаціи положенія о государственной думѣ на конституціонныхъ началахъ.

14-го октября Московская городская дума постановила организовать на слѣдующій день собраніе „вмѣстѣ съ представителями всѣхъ существующихъ въ Москвѣ организацій, партій и учрежденій, вмѣстѣ съ московской губернской земской управой и губернскими гласными, съ представителями другихъ общественныхъ группъ, которыя живутъ однимъ духомъ спасенія отечества и должны сказать, что нужно дѣлать въ цѣляхъ предотвращенія бѣдствія".

На слѣдующій день состоялось это засѣданіе, при чемъ на него вмѣстѣ съ представителями другихъ организацій были приглашены представители соціальдемократической партіи, московскаго комитета партіи соціалистовъ-революціонеровъ, соціальдемократическаго союза московскихъ типографскихъ рабочихъ.

Совѣщаніе это не привело ни къ какимъ положительнымъ результатамъ и это понятно, конечно. Трудно было думѣ объединиться, напр., съ представителями крайнихъ партій на какихъ нибудь общихъ дѣйствіяхъ, когда тѣ предлагали думѣ не болѣе и не менѣе, какъ „сложить свои полномочія и предоставить имъ свою власть и средства для организаціи милиціи, національной гвардіи". Съ другой стороны, представители московской буржуазіи,наполнявшей думу и не склонны были, конечно, къ какимъ-нибудь рѣшительнымъ дѣйствіямъ.

Но для насъ въ даннымъ случаѣ важно только подчеркнуть, что политическая забастовка, организованная и проведенная пролетаріатомъ и интеллигенціей, пользовалась несомнѣннымъ сочувствіемъ и со стороны широкихъ слоевъ буржуазіи. Только что приведенные факты совершенно ясно говорятъ объ этомъ. Правительство оказалось въ октябрѣ совершенно изолированнымъ, по крайней мѣрѣ въ городахъ.

Противъ него были всѣ, въ томъ числѣ его собственные чиновники, кромѣ, конечно, верховъ бюрократіи. Крупная буржуазія не шла, конечно, такъ далеко въ своихъ требованіяхъ, какъ пролетаріатъ и буржуазная демократія. Вмѣсто Учредительнаго Собранія она довольствовалась установленіемъ свободъ и конституціоннаго строя. Но оно было противъ правительства и въ

завязавшейся борьбѣ между правительствомъ и демократіей протягивала руку демократіи, а не правительству.

При такихъ условіяхъ правительство не могло чувствовать никакой почвы подъ ногами и ему оставалось только уступить.

Мы выяснили составъ октябрьской забастовки, мы выяснили ту роль, которую играли въ ней интеллигенція и буржуазія, мы установили съ совершенной несомнѣнностью, что рабочій пролетаріатъ не одинъ, не своими только силами нанесъ серьезный, быть можетъ, смертельный ударъ старому самодержавному строю; намъ остается теперь остановиться болѣе подробно на роли самого пролетаріата въ октябрьской забастовкѣ.

За время, протекшее послѣ 9-го января, пролетаріатъ значительно выросъ и его выступленіе въ октябрѣ было гораздо болѣе сознательнымъ, чѣмъ тогда. Въ октябрѣ лозунгъ Учредительнаго Собранія объединяетъ массы уже не только пролетаріата Петербурга и окраинъ, но въ значительной степени и пролетаріата другихъ городовъ. Подъ лозунгомъ Учредительнаго Собранія бросали работу въ Петербургѣ, Москвѣ и другихъ городахъ, этотъ лозунгъ властно раздавался на всѣхъ митингахъ и встрѣчалъ единодушное сочувствіе. Еще 10-го октября въ Харьковѣ, когда забастовка только что начиналась, требованіе всѣхъ свободъ и немедленнаго созыва Учредительнаго Собранія на основѣ четырехчленной формулы было принято на огромномъ митингѣ, на которомъ присутствовало свыше 15 тысячъ человѣкъ.

Если рабочій классъ затѣмъ выступилъ не одинъ, то, съ другой стороны, онъ и самъ выступилъ въ октябрѣ гораздо дружнѣе, гораздо солидарнѣе, чѣмъ когда бы то ни было.

Въ Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ, Екатеринославѣ и другихъ городахъ, останавливалось движеніе конокъ и трамваевъ, закрывались магазины, гасли электричество и газъ.

Въ этомъ отношеніи, также какъ и по своему составу, октябрьская забастовка рѣзко отличалась отъ движенія возникшаго послѣ 9 января. Въ отличіе отъ этого неопредѣленнаго стачечнаго броженія, хотя и разлившагося по всей Россіи и продолжавшагося болѣе 2 мѣсяцевъ, но лишеннаго всякаго единства и планомѣрности, октябрьская забастовка была сплоченнымъ и сконцентрированнымъ ударомъ самодержавію.

Забастовка шла далѣе съ громаднымъ воодушевленіемъ и подъемомъ, чему очень сильно содѣйствовали громадные митинги, происходившіе какъ передъ октябрьской забастовкой, такъ и во время ея.

14 октября Треповъ въ Петербургѣ издалъ свое знаменитое постановленіе: при подавленіи безпорядковъ „холостыхъ залповъ не давать и патроновъ не жалѣть", онъ же издалъ распоряженіе, запрещающее митинги. Тѣмъ не менѣе, не смотря на это запрещеніе, въ Петербургѣ въ 2 часа дня состоялся митингъ въ технологическомъ институтѣ. Отъ 6 ч. вечера начались митинги въ университетѣ, къ 6 ч. всѣ улицы, прилегающіе къ университету были полны толпами, направлявшимися къ университету. Всего около 40000 человѣкъ.

Чрезвычайно важной особенностью октябрьской забастовки является окончательное завоеваніе революціей Москвы, въ которой январское движеніе протекало еще чрезвычайно слабо, натолкнувшись на чрезвычайно низкій уровень сознательности среди рабочихъ.

Въ октябрѣ Москва шла впереди другихъ городовъ. Еще въ сентябрѣ, какъ мы видѣли, начались въ ней забастовки и волненія, которыя несомнѣнно дали толчокъ возникновенію октябрьской забастовки. Что касается желѣзнодорожной арміи труда, то она именно въ Москвѣ дала сигналъ къ началу всеобщей забастовки. Затѣмъ забастовка среди остальныхъ рабочихъ Москвы, хотя и не возникла одновременно съ желѣзнодорожной, но числа съ 13-го начала охватывать всю Москву и въ концѣ концовъ приняла въ Москвѣ всеобщій характеръ.

Изъ другихъ городовъ очень рѣзко выдѣлились Харьковъ и Екатеринославъ. По сознательности и воодушевленію, которыя они проявили во время движенія, они поднялись до того уровня, до котораго до сихъ поръ достигали только окраины. Колоссальные митинги, баррикады, стычки съ войсками, разграбленіе оружейнаго магазина въ Харьковѣ и превращеніе университета въ крѣпость, величественныя похороны убитыхъ въ Екатеринославѣ, въ которыхъ участвовалъ чуть не весь городъ, все это поставило Харьковъ и Екатеринославъ въ первые ряды октябрьскаго движенія.

Пролетаріатъ и соціальдемократія занимали въ этихъ горо-

дахъ въ октябрьскую забастовку то центральное положеніе, какого они не занимали нигдѣ.

Въ этомъ отношеніи Харьковъ и Екатеринославъ очень сильно отличались отъ такихъ крупныхъ центровъ на югѣ, какъ Кіевъ и Одесса, въ которыхъ пролетаріатъ въ октябрьскую забастовку игралъ очень скромную роль, отступая на задній планъ передъ интеллигенціей.

Октябрьская забастовка въ Петербургѣ вызвала къ жизни массовую пролетарскую организацію, которой суждено было потомъ играть такую выдающуюся роль—совѣтъ рабочихъ депутатовъ.

Онъ родился въ процессѣ самого возникновенія забастовки.

13 окт. произошло первое засѣданіе Совѣта, составившееся вначалѣ только изъ представителей заводовъ невскаго района. Совѣтъ въ своемъ первомъ засѣданіи призвалъ всѣхъ петербургскихъ рабочихъ къ забастовкѣ подъ лозунгомъ Учредительнаго Собранія. Воззваніе это начинаетъ гулять по фабрикамъ и заводамъ, промышленныя заведенія примыкаютъ одно за другимъ къ забастовкѣ и, примыкая, выбираютъ депутатовъ въ Совѣтъ.

17 октября Совѣтъ констатировалъ, что забастовка стала всеобщей и постановилъ продолжать ее, мотивируя это тѣмъ, что настоящая всеобщая забастовка можетъ нанести рѣшительный ударъ падающему самодержавію, прекращеніе же забастовки въ Петербургѣ можетъ затормазить ростъ всероссійскаго движенія.

Но того же 17-го числа правительство подъ напоромъ всеобщаго движенія дрогнуло и опубликовало извѣстный манифестъ, въ которомъ заявлялось о рѣшимости „даровать населенію незыблемыя основы гражданской свободы, на началахъ дѣйствительной неприкосновенности личности, свободы совѣсти, слова, собраній и союзовъ“, привлечь къ выборамъ въ Государственную Думу тѣ классы населенія, которые были лишены до сихъ поръ избирательныхъ правъ, и установить конституціонныя права Думы.

18-го прекратилась въ Москвѣ всеобщая забастовка по постановленію московскаго стачечнаго комитета, 21-го прекратилась она въ Петербургѣ по постановленію Совѣта депутатовъ. На желѣзныхъ дорогахъ движеніе начало возстанавливаться въ Москвѣ съ 18-го, а на другихъ дорогахъ съ 22-го октября.

Величественная забастовка, самая грандіозная, какую только видѣлъ міръ, прекратилась, заставивши капитулировать врага.

4.

Отъ 17-го октября до декабрьскаго возстанія.

Октябрьская забастовка не привела и не могла привести къ полному крушенію старой власти, но она принесла съ собой существенныя уступки освободительному движенію.

Долженъ ли былъ пролетаріатъ использовать эти уступки для дальнѣйшаго развитія революціи? Независимо отъ свободъ, которыя пролетаріатъ конечно могъ и долженъ былъ использовать для дальнѣйшей борьбы, вопросъ стоялъ такимъ образомъ: что должно быть ближайшимъ этапомъ революціи—учредительное собраніе, созванное революціоннымъ путемъ, или дума, созванная старой властью?

То, что старая власть обязалась созвать парламентъ, не значило, что у насъ уже есть конституція, но парламентъ, разъ онъ былъ бы созванъ, разъ онъ вышелъ бы изъ нѣдръ населенія, не могъ не стать органомъ борьбы съ силами стараго общества. Буржуазія и значительная часть интеллигенціи могли питать „безсмысленныя мечтанія“, что вмѣстѣ съ созывомъ думы закончится революція, но соціальдемократія не могла такъ смотрѣть на думу и ей не было основаній опасаться думы. Она должна была посмотрѣть на думу съ совершенно иной стороны, со стороны организаціи и вовлеченія въ болѣе сознательную политическую жизнь крестьянства. Ничто лучше не могло способствовать выполненію этой задачи, какъ выборная кампанія среди крестьянъ и затѣмъ борьба думы съ правительствомъ. Эта борьба была неизбѣжна. Дума не могла стать ареной соглашенія между крестьянствомъ и представительницей интересовъ дворянства, бюрократіей, въ виду полной непримиримости ихъ интересовъ. Неизбѣжно должны были столк-

нуться съ бюрократіей и тѣ слои населенія, которые подъ давленіемъ крестьянскаго движенія пришли къ сознанію необходимости серьезныхъ уступокъ этому движенію, а къ числу такихъ слоевъ принадлежали—и масса интеллигенціи, и болѣе образованная часть буржуазіи и дворянства. Все это говорило за то, что дума, созываемая старой властью, не могла не стать органомъ борьбы съ этой властью, а, слѣд., и этапомъ революціи. Какіе же шансы были въ этотъ моментъ за то, что непосредственнымъ этапомъ революціи станетъ учредительное собраніе, созванное революціоннымъ путемъ? Никакихъ.

Крестьянство волновалось; подъ вліяніемъ пролетарскаго движенія волненія его принимали болѣе широкій и интенсивный характеръ, но оно продолжало оставаться стихійной революціонной силой; стремясь уничтожить помѣщиковъ, оно тѣмъ самымъ посягало на бюрократію и даже на монархію, но связь между помѣщичьимъ господствомъ и остальными силами стараго общества для него оставалась неясной.

Какъ стихійная революціонная сила, лишенная политической сознательности, крестьянство въ этотъ моментъ не могло быть надежнымъ союзникомъ въ возстаніи; будучи же монархическимъ по своимъ чувствамъ и убѣжденіямъ, оно при серьезныхъ попыткахъ свергнуть монархію могло легко стать контръ-революціонной силой, поднявшись на почвѣ тѣхъ или другихъ лживыхъ обѣщаній противъ революціоннаго города.

Революціонное броженіе города и деревни не могло не отражаться на войскѣ, но благодаря крайней затрудненности среди войска прямой пропаганды и агитаціи воздѣйствіе революціи на войско носило еще болѣе неопредѣленный характеръ, чѣмъ воздѣйствіе ея на крестьянство. Отдѣльные солдатскіе бунты, возникавшіе то тамъ, то здѣсь, обыкновенно на почвѣ чисто солдатскихъ требованій, оставляли очень слабый слѣдъ въ войскѣ и тѣ же солдаты, которые вчера волновались, сегодня выступали въ качествѣ звѣрскихъ усмирителей. Болѣе серьезное революціонное настроеніе создавалось среди тѣхъ слоевъ войска, въ которыхъ были сильно представлены городскіе элементы, какъ-то среди саперовъ, моряковъ. Но главная масса войска, пѣхота, состоящая изъ крестьянъ, оставалась послушнымъ орудіемъ въ рукахъ правительства.

18-го числа правительство, желая противопоставить революціонному народу правительственный „народъ“, организовало въ 85 городахъ и мѣстечкахъ выступленія черносотенцевъ. Въ большинствѣ случаевъ черносотенцы представляли собой ничтожныя банды, но эти банды дѣйствовали вездѣ при содѣйствіи полиціи и войска. И въ цѣломъ рядѣ мѣстъ (въ Одессѣ, Кіевѣ, Екатеринославѣ, Кременчугѣ) не только казаки, но и пѣхота обнаруживали полное сочувствіе погромщикамъ и сами принимали активное участіе въ погромѣ. Войско такимъ образомъ въ своей массѣ было не только не революціонной, а прямо черносотенной силой, въ которой правительство безъ особаго затрудненія могло разжигать звѣрскіе инстинкты и направлять ихъ противъ своихъ враговъ.

Даже въ городѣ черносотенные элементы далеко не были такъ незначительны и слабы, какъ могло показаться съ перваго взгляда.

Масса мелкаго мѣщанства и кое-гдѣ отсталые слои пролетаріата могли, въ случаѣ надобности, явиться опорой для правительства. Какъ ни дружно шла забастовка въ Петербургѣ, но большинство лавокъ и магазиновъ не приняло въ ней участіе, и, несмотря на постановленіе совѣта рабочихъ депутатовъ и усилія части приказчиковъ, не удалось добиться ихъ закрытія.

Въ Москвѣ 15-го охотнорядцы въ отвѣтъ на предложеніе забастовщиковъ закрыть магазины „бросились на нихъ съ палками, ножами, досками и били кого и чѣмъ попало“. 17-го октября въ Москвѣ въ Марьиной рощѣ противъ толпы забастовщиковъ въ 600 человѣкъ выступили „рабочіе мѣстныхъ фабрикъ и заводовъ, пустивъ въ дѣйствіе топоры, ломы и другія орудія и начавъ ихъ бить, чѣмъ попало. За непримкнувшихъ къ забастовкѣ рабочихъ вступились также обыватели Марьиной рощи. Побоище было прекращено прибывшими казаками и полиціей“. Черносотенные элементы въ городахъ не представляли собой въ октябрѣ той организованной силы, какой явилось тогда большинство пролетаріата и интеллигенціи, и поэтому не могли внести въ октябрьскую забастовку существеннаго диссонанса, но составляли они и въ октябрѣ и составляютъ сейчасъ довольно значительный процентъ городского населенія.

Помимо этихъ прямо черносотенныхъ элементовъ и масса буржуазіи, поддержавшая пролетаріатъ въ октябрьскую забастовку,

и значительная часть той интелигенціи, которая дѣятельно участвовала въ забастовкѣ, не обнаруживали никакого желанія послѣ манифеста 17 октября добиваться съ оружіемъ въ рукахъ сверженія старой власти и установленія революціоннаго правительства.

Оставался только рабочій пролетаріатъ; его только можно было надѣяться увлечь на путь возстанія, но самъ по себѣ онъ былъ совершенно безсиленъ нанести смертельный ударъ старой власти.

Вотъ каковы были тѣ объективныя условія, которыя властно диктовали пролетаріату, подъ угрозой остаться изолированнымъ, не стремиться сейчасъ же послѣ манифеста на почву возстанія, на которой его могло ожидать только пораженіе, а опереться на то, что завоевано, на Думу, съ тѣмъ, чтобы ее сдѣлать основой для дальнѣйшей революціонной борьбы.

Въ октябрѣ правительство почувствовало себя вынужденнымъ уступить благодаря единодушію городского движенія; та борьба, которая могла разгорѣться на почвѣ Думы, могла поставить всю страну въ неразрѣшимый конфликтъ со старой властью и привести къ ея полному паденію. Но такой реалистической постановкѣ вопроса мѣшала масса условій. Прежде всего все, что было обѣщано манифестомъ, казалось чѣмъ-то эфемернымъ: сегодня оно обѣщано, завтра оно могло быть взято назадъ. Въ дѣятельности правительства не было никакой послѣдовательности: первые же дни свободы сопровождались погромами, явно инспирированными изъ Петербурга. Правительство допускало неограниченную свободу и въ то же время совершало акты самаго грубаго произвола вродѣ ареста представителей крестьянскаго союза, или объявленія всей Польши на военномъ положеніи.

Но, на самомъ дѣлѣ, на что это указывало? Только на то, что революція еще не кончилась, что она продолжается. Вполнѣ устойчивый конституціонный порядокъ означалъ бы, что революція достигла всего, чего она могла достигнуть, что она ликвидирована. Но среди революціи были элементы, которые и послѣ манифеста не отказались отъ мысли о полномъ сверженіи старой власти, а среди бюрократіи и дворянства были элементы, неспособные примириться и съ тѣми уступками, которыя были сдѣланы, Шаткость и непослѣдовательность въ дѣйствіяхъ правительства

были при такихъ условіяхъ неизбѣжны, но онѣ ни въ какомъ случаѣ не превращали завоеваній 17 октября въ миражъ. Не было никакихъ основаній думать, что правительство посмѣетъ отказаться отъ созыва Думы, лишить ее законодательныхъ правъ, не привлечь къ выборамъ въ нее пролетаріатъ и интеллигенцію, а напротивъ были всѣ основанія ожидать, что на почвѣ организаціи общественныхъ силъ можно принудить правительство пойти дальше по пути уступокъ, введя четырехчленную формулу при выборахъ въ Думу.

И поэтому совершенно неправильно умалялась только что одержанная побѣда въ „Извѣстіяхъ совѣта рабочихъ депутатовъ", когда вскорѣ послѣ манифеста они писали: „дана конституція, но оставлено самодержавіе. Все дано и не дано ничего".

Но помимо ложной оцѣнки достигнутыхъ результатовъ, мысль пролетаріата и соціальдемократіи толкали въ совершенно другую сторону—и революціонное возбужденіе, явившееся послѣдствіемъ только что пережитой забастовки, и широко разлившееся подъ явнымъ ея вліяніемъ движеніе среди крестьянъ, охватившее 26 губерній, и рядъ волненій среди войска (въ Севастополѣ, Кронштадтѣ, Кіевѣ, Екатеринодарѣ, Новороссійскѣ, Харьковѣ). На почвѣ революціоннаго возбужденія всѣ извѣстія о волненіяхъ кромѣ того страшно раздувались и, напр., мирная демонстрація саперовъ въ Кіевѣ, окончившаяся ихъ разгромомъ, въ Петербургѣ принимала характеръ настоящаго возстанія, Кіевъ оказывался „въ рукахъ возставшаго народа" (см., напр., „Начало", № 8). Дума затѣмъ, которая могла бы явиться всенародной организаціей и сгруппировать вокругъ себя широкую массу населенія, оставалась гдѣ-то въ туманной дали, а вмѣсто нея непосредственно изъ октябрьской забастовки вышла чисто рабочая массовая организація—петербургскій Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ. Не было Думы, въ которой различные классы могли бы вести свою политику, не было и общерабочаго представительства, въ которомъ всероссійскій пролетаріатъ могъ бы выразить свою волю; на авансцену выступилъ петербургскій пролетаріатъ, наиболѣе передовой, наиболѣе развитой, по крайней мѣрѣ среди русскаго пролетаріата, и создалъ свое массовое правительство, свой рабочій парламентъ. Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ, имѣя за собой октябрьскую забастовку и вокругъ себя возбужденный и готовый къ революціонной

борьбѣ пролетаріатъ, становился передъ лицомъ растерявшагося правительства изъ органа борьбы до извѣстной степени органомъ власти. Правительству приходилось его терпѣть, считаться съ нимъ и съ его постановленіями, вступающими сплошь и рядомъ въ самое рѣзкое противорѣчіе съ видами и распоряженіями полиціи. Витте, напримѣръ, предлагаетъ журналистамъ считаться до выхода законовъ о печати съ цензурой, Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ постановляетъ, что рабочіе будутъ работать въ типографіяхъ только тѣхъ газетъ, которыя будутъ выходить безъ всякой цензуры, и постановленіе Совѣта строго соблюдается. Еще до манифеста былъ опубликованъ законъ о собраніяхъ, по которому на всѣхъ публичныхъ собраніяхъ должна присутствовать полиція; Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ постановляетъ не допускать на собранія полиціи и самъ собирается открыто при громадномъ стеченіи народа безъ полиціи. Полиція борется за свое право присутствовать на собраніяхъ, врывается на собранія, распускаетъ ихъ, но передъ дверями Совѣта и она останавливается, не рѣшаясь посягнуть на рабочій парламентъ. Исключительное положеніе, которое занялъ Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ, отсутствіе рядомъ съ нимъ другихъ достаточно вліятельныхъ общественныхъ организацій влекли пролетаріатъ Петербурга, а за нимъ и другихъ городовъ, создававшихъ тоже свои Совѣты Депутатовъ, къ явной переоцѣнкѣ въ этотъ моментъ силъ пролетаріата и революціи. Содѣйствіе въ этомъ направленіи оказывалъ и Крестьянскій Союзъ, вскорѣ послѣ 17 октября организовавшій свой съѣздъ Его вліяніе на крестьянство было достаточно ничтожно и, конечно, ни въ какое сравненіе не шло съ вліяніемъ петербургскаго Совѣта на петербургскихъ рабочихъ, но, выступая отъ лица крестьянства, онъ шелъ навстрѣчу тому настроенію, которое создавалось у пролетаріата. Не отъ лица, конечно, массы невѣжественнаго и политически неразвитого крестьянства, а отъ лица небольшихъ сознательныхъ кучекъ его, попавшихъ подъ вліяніе эс-эровъ, крестьянскій союзъ постановилъ „считать врагами народа всѣхъ участниковъ на выборахъ въ Государственную Думу и выбирать только въ Учредительное Собраніе, открывъ для этого широкую агитацію". Это классическое постановленіе выражало настроеніе не только крестьянскаго союза, но и массы пролетаріата, шедшей за соціальдемократіей.

Дума для соціальдемократіи и петербургскаго совѣта рабочихъ депутатовъ не существовала. Прошлая булыгинская Дума была сметена забастовкою, новая обѣщанная Дума должна быть сметена возстаніемъ. Послѣ декабрьскаго пораженія передъ соціальдемократической партіей всталъ вопросъ, бойкотировать или не бойкотировать Думу; въ дни свободы, въ октябрѣ, ноябрѣ, даже вопроса о Думѣ не существовало. Смѣлой фантазіей вождей пролетаріата она была обречена на смерть раньше, чѣмъ она родилась.

Одновременно съ крестьянскимъ съѣздомъ засѣдалъ въ Москвѣ же съѣздъ земскихъ и городскихъ дѣятелей. Большинствомъ 156 голосовъ противъ 12 при 2 воздержавшихся съѣздъ принялъ резолюцію, заканчивающуюся слѣдующими словами: „единственнымъ способомъ обезпечить авторитетъ народнаго представительства и опирающейся на него власти и вмѣстѣ съ тѣмъ одною изъ дѣйствительныхъ мѣръ къ водворенію порядка въ странѣ, съѣздъ считаетъ немедленное изданіе акта о примѣненіи къ созыву народныхъ представителей всеобщей, прямой, равной и тайной подачи голосовъ и формальную передачу первому собранію народныхъ представителей учредительныхъ функцій для выработки съ утвержденія государя конституціи Россійской имперіи и закона объ автономномъ устройствѣ Польши, для переустройства на демократическихъ началахъ земскаго и городского самоуправленія и для проведенія иныхъ мѣръ, необходимыхъ при установленіи новаго правопорядка. Кромѣ того на первое собраніе должно быть возложено установленіе основныхъ началъ земельной реформы и принятіе необходимыхъ мѣръ въ области рабочаго законодательства". Съѣздъ выбралъ затѣмъ депутацію—для передачи этой резолюціи Витте. Это было нелѣпымъ и унизительнымъ поступкомъ, но на самой резолюціи вѣяло несомнѣнно дыханіе революціи. И соціальдемократія, казалось бы, не имѣла никакихъ основаній отнестись къ этой резолюціи враждебно. Она боролась за полновластное Учредительное Собраніе, земскій съѣздъ предлагалъ Думу съ учредительными функціями, но какое это имѣло значеніе? Пусть Дума соберется, пусть она будетъ выбрана всеобщимъ, прямымъ, равнымъ и тайнымъ голосованіемъ, пусть вокругъ нея съорганизуется народъ, а тамъ Дума будетъ тѣмъ, что будетъ соотвѣтствовать революціонному настроенію и революціонной силѣ народа. Соціальдемократія имѣла всѣ основанія

поддержать требованіе четырехчленной формулы при выборахъ въ Думу, ей незачѣмъ было для этого отказываться отъ своего стараго лозунга, ей оставалось только поставить себѣ задачу: добившись такой Думы, превратить ее въ полновластное Учредительное Собраніе. Но вмѣсто того, чтобы идти этимъ разумнымъ реалистическимъ путемъ, соціальдемократія стремилась вырыть пропасть между пролетаріатомъ и земцами и думцами, объявивши послѣднихъ за ихъ радикальное постановленіе врагами и предателями народа. Такъ въ № 3 газеты „Начало“ въ статьѣ „Господа буржуа и Сынъ Отечества“, тов. Звѣздинъ писалъ: „Мы тоже готовы привѣтствовать съѣздъ, но по діаметрально-противоположнымъ основаніямъ: гг. буржуа окончательно сбросили маску „друзей народа“, они прямо и открыто предаютъ дѣло свободы, и за это спасибо! Гг. земцы и думцы противъ Учредительнаго собранія, мы за него; они за монархію, мы за демократическую республику, они противъ революціи во имя своихъ собственныхъ интересовъ, мы во имя интересовъ народа за революцію. Между друзьями и врагами свободы пропасть! Спасибо тѣмъ, кто углубилъ и расширилъ ее...“

Въ № 8 той же газеты „Начало“ земскій съѣздъ былъ заклейменъ не менѣе рѣшительно: за признаніе необходимости утвержденія конституціи государемъ онъ былъ отнесенъ къ контръреволюціи („Голоса печати“).

Итакъ, смѣлой рукой былъ начертанъ одинъ прямой путь революціи—къ непосредственной революціонной схваткѣ со старой властью, къ сверженію ея путемъ возстанія. Никакихъ промежуточныхъ этаповъ! Представительное собраніе можетъ быть допущено только то, какое будетъ созвано самимъ революціоннымъ народомъ послѣ сверженія старой власти; всякій, кто идетъ или желаетъ идти въ Думу, созываемую правительствомъ, становится въ контръ-революціонные ряды, въ ряды измѣнниковъ народу, предателей революціи. Та свобода, которая была завоевана въ октябрѣ, должна быть использована въ цѣляхъ широкой пропаганды идеи возстанія. И эта пропаганда, можно сказать, повисла тогда въ воздухѣ. „Совѣтъ, говоритъ т. Звѣздинъ („Исторія совѣта рабочихъ депутатовъ“), подготовлялъ вооруженное возстаніе всей своей агитаціей и всей своей организаціей. Во всѣхъ руководящихъ статьяхъ „Извѣстій совѣта рабочихъ депутатовъ“, почти во всѣхъ его ре-

золюціяхъ и воззваніяхъ, въ рѣчахъ его ораторовъ на засѣданіяхъ Совѣта, въ районныхъ собраніяхъ депутатовъ на фабрично-заводскихъ и иныхъ митингахъ красною нитью проходитъ мысль о неизбѣжности вооруженной борьбы съ самодержавіемъ".

Можно было бы поставить вообще вопросъ, имѣетъ ли какое-нибудь значеніе пропаганда возстанія. Возстаніе до сихъ поръ вездѣ и всегда, гдѣ оно возникало, возникало въ качествѣ стихійнаго народнаго взрыва на почвѣ крайне обострившихся противорѣчій. Возстаніе для народа всегда и вездѣ является крайнимъ средствомъ, онъ не готовится къ нему заранѣе и хватается за него только въ порывѣ крайняго возбужденія или отчаянія. Но пропаганда возстанія въ дни свободы носила скорѣй характеръ призыва къ возстанію, чѣмъ подготовки его въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ. Уступки правительства отвергались даже въ качествѣ временнаго перемирія. Дума правительственная трактовалась какъ нелѣпое измышленіе, которое переросъ уже народъ, люди, желавшіе использовать эту думу, объявлялись предателями. Общественная сила, ставшая въ такое положеніе къ правительству, должна была готовиться къ немедленной схваткѣ съ нимъ, такъ какъ ясно было, что правительство не станетъ дожидаться того момента, когда возстаніе будетъ подготовлено, а постарается вызвать рѣшительное сраженіе съ своимъ врагомъ раньше.

Выиграть это сраженіе пролетаріатъ самъ, собственными силами, не могъ и т. Звѣздинъ указываетъ, что Совѣтъ сознавалъ это и думалъ о союзникахъ, входя въ сношенія съ Крестьянскимъ Союзомъ, заводя связи съ солдатами и матросами (с. 176).

Но вѣдь одной наивностью, понятной только при крайнемъ революціонномъ возбужденіи, можно объяснить надежду, напр., обезпечить крестьянство въ качествѣ союзника возстанія посредствомъ связи съ Крестьянскимъ Союзомъ. Также эфемерны были, конечно, надежды и на армію; по крайней мѣрѣ тѣхъ совершенно ничтожныхъ связей, которыя были у петербургскаго Совѣта и соціальдемократіи съ солдатами, было слишкомъ недостаточно для того, чтобы судить о настроеніи арміи. Новые союзники были сомнительны, а со старыми, съ которыми пролетаріатъ только что одержалъ октябрьскую побѣду, онъ круто порывалъ.

Чтобы окончательно въ этотъ опасный и рискованный моментъ вырыть пропасть между пролетаріатомъ и массой буржуазіи и буржуазной демократіи, соціальдемократіей была выдвинута въ наиболѣе вліятельномъ органѣ „Начало“ идея непрерывной революціи и непосредственнаго перехода буржуазной революціи въ соціалистическую.

„Вполнѣ возможно, замѣчаетъ авторъ статьи, „Крестьянскій вопросъ и революція“, въ № 7, что, при извѣстной длительности гражданской войны, наша революція, начавшаяся какъ революція демократическая, закончится, какъ революція соціалистическая“, и въ подтвержденіе этого ссылается на „элементъ случайности“, которому „подвержено развитіе классовой борьбы“.

Еще рѣшительнѣе выступилъ Троцкій въ № 10:

„Авангардное положеніе рабочаго класса въ революціонной борьбѣ; связь, которая устанавливается непосредственно между нимъ и революціонной деревней; обаяніе, которымъ онъ подчиняетъ себѣ армію,—все это неизбѣжно толкаетъ его къ власти. Полная побѣда революціи означаетъ побѣду пролетаріата. Эта послѣдняя въ свою очередь означаетъ дальнѣйшую непрерывность революціи. Пролетаріатъ осуществляетъ основныя задачи демократіи,—и логика его непосредственной борьбы за упроченіе политическаго господства ставитъ передъ нимъ въ извѣстный моментъ чисто-соціалистическія проблемы. Между минимальной и максимальной программой устанавливается революціонная непрерывность. Это не одинъ „ударъ“, это не день и не мѣсяцъ, это цѣлая историческая эпоха. Было бы нелѣпостью заранѣе учитывать ея продолжительность“.

Въ томъ же номерѣ „Начало“ Парвусъ выдвигаетъ диктатуру пролетаріата, какъ задачу момента.

„Мы вошли въ новую стадію развитія революціи. Борьба ведется теперь уже не за тѣ или другія законодательныя нормы государственнаго устройства, а непосредственно за правительственную власть. Черезъ посредство учредительнаго собранія или безъ него (Sic!) на очереди стоитъ вопросъ революціоннаго правительства“. Ставя затѣмъ вопросъ о той политической силѣ, которая выдвинетъ и будетъ поддерживать это правительство, Парвусъ отвѣчаетъ: „эта сила—революціонный пролетаріатъ“.

Этой крайней переоцѣнкѣ силъ пролетаріата соотвѣтствовала

не менѣе крайняя недооцѣнка силъ противника. Въ № 13 отъ 29 ноября, наканунѣ, можно сказать, декабрьскаго пораженія пролетаріата, передовая статья пишетъ: „пролетаріатъ смѣло можетъ сказать: я не боюсь реакціи, я не боюсь военной диктатуры... Правительство не можетъ, не смѣетъ привести въ исполненіе тѣхъ кровожадныхъ плановъ, которыми упивается похотливая фантазія придворной шайки. А если посмѣетъ... ну, тогда оно увидитъ, что не революція, а реакція захлебнется въ пролитой крови".

Такова была идеологія, выдвигаемая наиболѣе вліятельнымъ органомъ соціальдемократіи, руководившей пролетаріатомъ.

Теперь посмотримъ, какъ дѣйствовалъ въ это время пролетаріатъ, какъ дѣйствовала его массовая организація—Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ.

Оффиціально будучи безпартійной организаціей, Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ фактически имѣлъ ярко соціальдемократическій характеръ.

Онъ былъ реализаціей соціальдемократическаго вліянія и соціальдемократической работы среди петербургскаго пролетаріата. Огромное большинство депутатовъ открыто примыкало къ соціальдемократической партіи. — Среди соціальдемократической пропаганды видное мѣсто занималъ всегда 8-часовой рабочій день. Такъ называемый III съѣздъ соціальдемократической партіи, съорганизовавшій большевистскую фракцію, высказался за введеніе 8-часового рабочаго дня захватнымъ путемъ. Эта идея пользовалась большой популярностью и среди меньшевиковъ. Это—была несчастная идея, которая ничего кромѣ вреда революціи принести не могла. Одно изъ двухъ: или борьба заканчивается полной побѣдой революціи, создается демократическій органъ власти и тогда 8-часовой рабочій день можетъ быть проведенъ государственнымъ путемъ, или борьба еще не кончена и тогда осложнять ее такой крупной схваткой съ капиталистами, какой не могло не стать насильственное введеніе 8-часового рабочаго дня, значило только ослаблять силы революціи, значило уменьшать шансы на побѣду.

То исключительное положеніе, въ которомъ очутился Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ послѣ 17 октября, налагало на него и на руководившую имъ соціальдемократію особенно сильную отвѣт-

ственность и должно было побудить ихъ съ особенной осторожностью отнестись къ такой мѣрѣ, какъ введеніе захватнымъ путемъ 8-часового рабочаго дня. Можно было заранѣе предвидѣть, что насильственное установленіе 8-часового дня встрѣтитъ отчаянное сопротивленіе со стороны капиталистовъ, что борьба съ ними на этой почвѣ броситъ ихъ въ объятія реакціи, что она усилитъ позицію правительства, что пролетаріатъ рискуетъ растратить въ этой борьбѣ массу силъ, имѣя очень слабые шансы одержать въ ней побѣду. Хрусталевъ въ своемъ интересномъ очеркѣ отмѣчаетъ, что низы пролетаріата чувствовали сильное тяготѣніе къ захвату 8-часового рабочаго дня. Это было болѣе, чѣмъ естественно послѣ всей той агитаціи, которая велась за 8-часовой рабочій день, но вожди пролетарской массы, ея сознательные элементы существуютъ не для того, чтобы слѣпо слѣдовать за настроеніемъ массы.

„Революціонный путь завоевалъ свободу стачекъ, собраній, свободу слова. Почему этимъ путемъ не завоевать восьмичасовой день?" Такъ формулируетъ Хрусталевъ настроеніе, широко распространенное тогда среди рабочихъ. Необходимо было самымъ энергичнымъ образомъ возстать противъ такого настроенія, необходимо было провести рѣзкую разницу между борьбой за свободы и борьбой за 8-часовой день, необходимо было указать пролетаріату, разъяснить его широкой массѣ, что въ борьбѣ за свободу онъ имѣлъ на своей сторонѣ всѣ производительные классы населенія, въ томъ числѣ и своего врага буржуазію, а борьбу за 8-часовой рабочій день ему придется вести одному, безъ особыхъ надеждъ одержать побѣду и съ большими основаніями способствовать образованію союза между своими врагами—правительствомъ и капиталистами.

Но, къ сожалѣнію, это безумное настроеніе, которое роковымъ образомъ подѣйствовало на дальнѣйшую борьбу пролетаріата, не встрѣчало противниковъ. Революціонное возбужденіе совершенно затемняло въ этомъ моментъ сознаніе вождей пролетаріата, дѣлало ихъ совершенно неспособными руководиться въ своихъ дѣйствіяхъ правильнымъ анализомъ соотношенія общественныхъ силъ.

29 октября ночью Совѣтъ декретировалъ введеніе восьмичасового рабочаго дня. Декретъ рѣшено привести въ исполненіе съ 31 октября.

Засѣданіе Совѣта, въ которомъ онъ вступилъ на этотъ роковой путь, Хрусталевъ описываетъ слѣдующимъ образомъ:

„На очередномъ засѣданіи Совѣта 29 октября депутаты невскаго района (Обуховскаго, Александровскаго и Семянниковскаго заводовъ) сообщаютъ о введеніи въ ихъ заводахъ восьмичасового рабочаго дня революціоннымъ путемъ. Сообщеніе встрѣчается шумными аплодисментами... Безъ преній, безъ обсужденія этого вопроса въ Исполнительномъ Комитетѣ, Совѣтъ принимаетъ резолюцію о восьмичасовомъ рабочемъ днѣ par acclamation. Только делегатъ Орудійнаго завода заявляетъ, что введеніе восьмичасового рабочаго дня не можетъ быть дѣломъ рукъ одного петербургскаго пролетаріата. Но подъ вліяніемъ общаго настроенія онъ спѣшитъ заявить, что разъ Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ постановилъ, то и на ихъ заводѣ будетъ проведенъ восьмичасовой рабочій день... Кто-то изъ депутатовъ въ заднихъ рядахъ кричитъ: „не кончили съ абсолютизмомъ, а начинаете съ капиталистами борьбу". Замѣчаніе тонетъ въ атмосферѣ общаго подъема. На него никто не обращаетъ вниманія" (с. 103).

Декретъ Совѣта дѣятельно проводится въ жизнь. Перваго ноября движеніе захватываетъ почти всѣ заводы и многія крупныя фабрики. Пролетаріатъ дѣятельно работаетъ въ пользу того, чтобы толкнуть капиталистовъ въ объятія правительства, но онъ не забываетъ и послѣдняго и такъ же дѣятельно начинаетъ сейчасъ же толкать и правительство въ объятія капиталистовъ. Онъ какъ бы ставитъ себѣ спеціальной задачей возможно тѣснѣе соединить своихъ враговъ между собою, онъ не желаетъ бороться съ ними въ одиночку, порознь, онъ вызываетъ ихъ на бой одновременно. 1-го ноября онъ заставилъ скрежетать зубами весь капиталистическій міръ Петербурга, а 2-го ноября уже бастуютъ петербургскіе заводы и фабрики, вступая въ борьбу съ правительствомъ.

Въ Кронштадтѣ возникло движеніе среди матросовъ, которое началось, какъ возстаніе, а кончилось погромомъ. Былъ назначенъ военно-полевой судъ.

Во всей Россіи прекратилась забастовка, въ Польшѣ она продолжалась, сопровождаясь широкими народными манифестаціями. Движеніе въ Польшѣ выдвигало требованіе автономіи. Отвѣтомъ

на это движеніе явилось со стороны правительства введеніе военнаго положенія.

1-го ноября подавляющимъ большинствомъ депутатовъ Совѣта при нѣсколькихъ воздержавшихся принимается резолюція, которой „Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ призываетъ революціонный пролетаріатъ Петербурга посредствомъ общей политической забастовки, уже доказавшей свою грозную силу, и посредствомъ общихъ митинговъ протеста проявить свою братскую солидарность съ революціонными солдатами Кронштадта и революціонными пролетаріями Польши. Завтра 2-го ноября, въ 12 часовъ дня, рабочіе Петербурга прекращаютъ работу съ лозунгами:

1. Долой полевые суды! 2. Долой смертную казнь! 3. Долой военное положеніе въ Польшѣ и во всей Россіи!“

Такъ же какъ и при рѣшеніи вопроса о 8-мичасовомъ днѣ и тутъ прозвучалъ одинокій голосъ протеста, не оказавшій никакого вліянія на настроеніе собранія. „Только депутатъ металлическаго завода Растеряева высказывается противъ забастовки. Его аргументація: „мы не окончили еще борьбы за восьмичасовой рабочій день; новая забастовка разобьетъ наши силы, она не желательна. Наша резолюція—отмѣна смертной казни, военнаго положенія, военнаго суда. Нашъ протестъ долженъ быть въ формѣ митинговъ, демонстрацій“ (Ист. Сов. Деп. с. III).

Совѣтъ съ своимъ постановленіемъ обращался только къ „революціонному пролетаріату Петербурга“, который онъ непосредственно объединялъ, но лозунги, выдвинутые стачкой, касались не только петербургскаго пролетаріата, они имѣли общее революціонное значеніе. Но къ стачкѣ примкнули только петербургскіе рабочіе.

Интеллигентскія профессіи, такъ дружно поддержавшія забастовку въ октябрѣ, теперь не бастовали, почта и телеграфъ продолжали работать. Петербургскій пролетаріатъ демонстрировалъ ноябрьской забастовкой свою изолированность въ Петербургѣ; еще рѣзче онъ демонстрировалъ свою изолированность въ Россіи, свою изолированность даже среди всероссійскаго пролетаріата.

Забастовка имѣла не мѣстный, петербургскій характеръ, но она осталась мѣстной. Россія отказалась ее поддержать. Въ самомъ Петербургѣ она начала вскорѣ падать. 4 ноября испол-

нительный комитетъ внесъ въ Совѣтъ предложенiе о прекращенiи стачки. „Депутаты, поддерживавшiе резолюцiю исполнительнаго комитета мотивировали неотложность назначенiя срока тѣмъ, что на нѣкоторыхъ заводахъ и фабрикахъ настроенiе пало, что предшествующiя забастовки окончательно истощили рабочихъ и только опредѣленное указанiе, когда прекратится стачка, можетъ поддержать день-два стачечную волну, идущую на убыль“ (с. 120). Несмотря на эти доводы, Совѣтъ большинствомъ 400 голосовъ противъ 4-хъ постановилъ: политическую стачку продолжать. Но этимъ постановленiемъ Совѣтъ только показалъ, что онъ начинаетъ отрываться отъ рабочей массы, что, увлекаясь шумихой революцiонныхъ рѣчей, онъ теряетъ способность руководить массой. На слѣдующiй день, 5-го ноября тенденцiя къ прекращенiю стачки въ широкой рабочей массѣ опредѣлилась настолько ясно, что Совѣтъ вынужденъ былъ измѣнить свое старое рѣшенiе и вотировать прекращенiе стачки. Стачка такимъ образомъ потерпѣла полнѣйшiй провалъ. Изъ демонстрацiи силы она превратилась въ демонстрацiю безсилiя. Правительству оставалось только съ ликованiемъ смотрѣть, какъ разбиваются силы оппозицiи и пользоваться въ своихъ интересахъ дальнѣйшимъ развитiемъ событiй. Потерпѣвши пораженiе въ схваткѣ съ правительствомъ, петербургскiй пролетарiатъ отошелъ къ своимъ старымъ только что покинутымъ позицiямъ, къ позицiямъ борьбы за 8-часовой рабочiй день, но правительство преслѣдовало его по пятамъ и буржуазiя подняла голову послѣ только что пережитаго имъ пораженiя. Соединенныя силы враговъ нанесли ему новое, еще болѣе серьезное пораженiе.

Борьба за 8-часовой рабочiй день была не оставлена, а только прiостановлена въ виду стачки. Декретъ Совѣта оставался въ силѣ. Послѣ прекращенiя стачки капиталисты заняли угрожающее положенiе. Владѣльцы 72 металлическихъ предпрiятiй, владѣльцы текстильныхъ фабрикъ и стеклянныхъ заводовъ угрожали рабочимъ поголовнымъ локаутомъ и закрытiемъ фабрикъ и заводовъ въ случаѣ введенiя 8-часового рабочаго дня. Правительство пошло на встрѣчу капиталистамъ и закрыло рядъ казенныхъ заводовъ. За казенными заводами былъ объявленъ расчетъ въ цѣломъ рядѣ частныхъ предпрiятiй. Въ то же время рѣзко измѣнилось политическое настроенiе капиталистовъ; на-

сильственное введеніе 8-часового рабочаго дня бросило ихъ въ объятія реакціи. Во время октябрьской забастовки, какъ мнѣ уже приходилось указывать, капиталисты выдавали рабочимъ заработную плату и не препятствовали митингамъ. „За стачку никто не былъ разсчитанъ. На Путиловскомъ и др. заводахъ фабричная администрація выплачивала депутатамъ Совѣта заработокъ полностью въ тѣ дни, когда они были заняты на засѣданіяхъ Совѣта. Администрація Обуховскаго завода предупредительно предоставляла депутатамъ Совѣта заводскій пароходъ для поѣздокъ въ городъ“. Теперь положеніе круто измѣнилось. Капиталисты обратились за содѣйствіемъ къ правительству. „На заводы были командированы войска. Митинги запрещены. На фабрикѣ Максвеля у депутата Совѣта были отобраны ключи отъ фабричнаго помѣщенія, въ которомъ устраивались митинги. На картонажной фабрикѣ „Прогрессъ“ на требованіе рабочихъ отвести помѣщеніе подъ митингъ, хозяинъ отвѣтилъ: „митинговъ не будетъ. Вы задаетесь очень высокими политическими цѣлями. Насильно вводите восьмичасовой рабочій день“ (Исторія Сов. Раб. Деп., с. 127-129).

Борьба за немедленное введеніе 8-часового рабочаго дня принимала явно безнадежный характеръ. До 100 тысячъ рабочихъ въ результатѣ этой борьбы оказались выброшенными на улицу. Послѣ долгихъ колебаній Совѣтъ рабочихъ депутатовъ вынужденъ былъ признать „необходимымъ временно пріостановить немедленное и повсемѣстное захватное введеніе 8-часового рабочаго дня“. Вслѣдъ за тѣмъ Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ постановилъ, чтобы „всѣ закрытые заводы были немедленно открыты и всѣ разсчитанные товарищи приняты обратно на свои мѣста“ и для поддержанія этого требованія постановилъ „обратиться къ солидарности всего россійскаго пролетаріата и, въ случаѣ отказа въ выполненіи требованія, призвать его къ всеобщей политической забастовкѣ и другимъ видамъ рѣшительной борьбы“.

Положеніе Совѣта рабочихъ депутатовъ принимало явно трагическій характеръ. Изъ организаціи боевой, совершающей наступленіе на враговъ, онъ превращался въ организацію оборонительную. Дѣятельность его привела не къ подъему петербургскаго пролетаріата, не къ новымъ побѣдамъ и завоеваніямъ, а къ пораженію, къ рѣзкому и сильному ухудшенію его положенія.

Теперь ужъ приходилось не только отказываться отъ такихъ смѣлыхъ попытокъ, какъ введеніе захватнымъ путемъ 8-часового рабочаго дня, приходилось всѣми силами бороться за возвращеніе пролетаріата къ тому положенію, въ которомъ онъ находился непосредственно послѣ ликвидаціи октябрьской забастовки. Вмѣстѣ съ завоеваннымъ на мгновеніе 8-часовымъ днемъ пролетаріатъ терялъ и тѣ частичныя завоеванія, которыя ему удалось получить въ отдѣльныхъ предпріятіяхъ. Капиталъ смѣло наступалъ и, чтобы привести рабочихъ къ покорности, не спѣшилъ открывать заводы, несмотря на декреты и угрозы Совѣта. Совѣту приходилось превращаться до значительной степени въ организацію помощи рабочимъ, пострадавшимъ отъ той дѣятельности, которую они совершали подъ его руководствомъ. Изъ 30 тыс. своихъ денегъ 10 т. пришлось израсходовать на столовыя для безработныхъ.

Совѣты, образовавшіеся въ рядѣ другихъ городовъ—въ Москвѣ Кіевѣ, Ростовѣ, Одессѣ, Екатеринославѣ—не слѣдовали въ своей дѣятельности примѣру своего старшаго собрата, не зарывались такъ, какъ онъ, въ своей борьбѣ съ капиталистами и правительствомъ, и, ограничивая свою дѣятельность объединеніемъ пролетаріата, содѣйствіемъ образованію профессіональныхъ союзовъ, поддержкой рабочихъ отдѣльныхъ предпріятій въ ихъ экономической борьбѣ, они тѣмъ самымъ подготовляли сплоченное организованное выступленіе пролетаріата на случай рѣшительной борьбы. Къ сожалѣнію нигдѣ совѣты депутатовъ не пользовались такимъ огромнымъ, колоссальнымъ вліяніемъ на пролетаріатъ, какъ петербургскій Совѣтъ, и нигдѣ, даже въ Москвѣ, въ случаѣ рѣшительной схватки съ правительствомъ не имѣла такого громаднаго значенія сплоченность пролетаріата и его готовность къ борьбѣ, какъ въ Петербургѣ. Между тѣмъ петербургскій пролетаріатъ и его Совѣтъ дѣлали все отъ нихъ зависящее, чтобы растратить свои силы прежде, чѣмъ моментъ рѣшительной борьбы съ правительствомъ наступилъ.

Пораженіе петербургскаго пролетаріата не могло не ослабить самымъ сильнымъ образомъ шансы на побѣду возникшей вскорѣ почтово-телеграфной забастовки. 22-го октября въ Москвѣ было заложено образованіе почтово-телеграфнаго союза. Правительство отвергло право почтово-телеграфныхъ служащихъ, какъ лицъ,

состоящихъ на государственной службѣ, объединяться въ союзы и признало непримѣнимымъ къ нимъ манифестъ 17 октября въ части, касающейся свободы союзовъ. Начальникъ почтъ и телеграфовъ Савостьяновъ разослалъ въ этомъ смыслѣ циркуляръ, угрожая увольненіемъ чиновникамъ, объявившимъ себя членами союза. Союзу пришлось бороться за свое существованіе. Свою борьбу онъ началъ съ самаго крайняго средства, съ объявленія всероссійской почтово-телеграфной забастовки. Эта забастовка была рѣшена 15-го ноября въ Москвѣ съѣздомъ делегатовъ почтово-телеграфныхъ организацій. Поводомъ къ забастовкѣ явилось увольненіе 5 чиновъ почтово-телеграфнаго вѣдомства за ихъ принадлежность къ союзу.

Рядомъ съ желѣзнодорожной забастовкой забастовка почты и телеграфа прямо непосредственно поражаетъ правительство, разстраивая административный механизмъ, уничтожая связь между правительственнымъ центромъ и периферіей.

Правительство вынуждено было уступить передъ всеобщей забастовкой въ октябрѣ, оно имѣло всѣ основанія бороться съ возможностью повторенія всеобщей забастовки въ будущемъ. Испытавши на себѣ силу и вліяніе желѣзнодорожнаго союза, оно не могло не понимать, что и сильный почтово-телеграфный союзъ является очень важнымъ условіемъ всеобщей забастовки. Отсюда его вражда къ возникающему почтово-телеграфному союзу, отсюда его желаніе во что бы то ни стало воспрепятствовать его существованію. Только что одержанная побѣда надъ петербургскимъ пролетаріатомъ и начавшееся на почвѣ дѣятельности петербургскаго Совѣта сильное разслоеніе въ рядахъ оппозиціи давали правительству смѣлость и рѣшимость вступить въ борьбу съ почтово-телеграфнымъ союзомъ. Съ другой стороны разъ дѣло шло явно о борьбѣ съ силами реакціи, почтово-телеграфная забастовка, дѣйствующая въ высшей степени разрушительно на всю экономическую жизнь страны, не могла и не должна была разсматриваться, какъ обыкновенная частичная забастовка. Только какъ часть всеобщей, всенародной забастовки она во время революціи имѣла смыслъ и значеніе. Тогда, когда не только право почтово-телеграфныхъ служащихъ объединяться въ союзы, когда все дѣло свободы въ опасности, когда людей всѣхъ профессій охватываетъ одинъ порывъ—отчаяннаго сопротивленія правительству, тогда только

на своемъ мѣстѣ почтово-телеграфная забастовка, какъ одно изъ страшныхъ орудій, поражающихъ правительство. Но русская революція послѣ октябрьской побѣды какъ будто потеряла способность дѣйствовать сплоченно и единодушно. Петербургскій Совѣтъ Депутатовъ, не считаясь совершенно съ настроеніемъ другихъ классовъ населенія и съ настроеніемъ самого пролетаріата остальной Россіи, объявляетъ забастовку, въ которой петербургскій пролетаріатъ остается одинокимъ. И какъ будто въ насмѣшку надъ этой забастовкой польскій пролетаріатъ, поддержка котораго была однимъ изъ мотивовъ петербургской забастовки, начинаетъ прекращать забастовку какъ разъ въ тотъ моментъ, когда петербургскій пролетаріатъ бросаетъ работу. Почтово-телеграфные служащіе даже Петербурга, не говоря уже о другихъ городахъ, не рѣшаются поддержать ноябрьскую забастовку, такъ какъ у нихъ только что началось формированіе союза и не потеряна еще надежда на признаніе союза со стороны правительства. А когда петербургскій пролетаріатъ падаетъ обезсиленный подъ соединенными ударами правительства и буржуазіи, тогда почтово-телеграфный союзъ вступаетъ въ борьбу съ правительствомъ. Правительство идетъ отъ побѣды къ побѣдѣ, поражая своихъ противниковъ по частямъ и пріобрѣтая во время борьбы союзниковъ изъ рядовъ своихъ прежнихъ враговъ.

Всѣмъ, чѣмъ могъ въ этотъ моментъ, СПБ. Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ оказывалъ поддержку почтово-телеграфной забастовкѣ. „Исполнительный Комитетъ посылалъ на митинги почтово-телеграфныхъ служащихъ и рабочихъ своихъ ораторовъ, пріискивалъ помѣщенія, составлялъ и печаталъ воззванія почтово-телеграфнаго союза, оказывалъ забастовщикамъ матеріальную помощь, организовывалъ патрули изъ рабочихъ для снятія съ работъ штрейкбрехеровъ“ (Исторія Сов. Раб. Деп., с. 140). „Успѣху телеграфной забастовки могъ повредить желѣзнодорожный телеграфъ. Исполнительный Комитетъ Спб. С. Р. Д. обратился поэтому къ желѣзнодорожнымъ телеграфистамъ съ воззваніемъ, въ которомъ предлагалъ имъ передавать только служебныя телеграммы и никакихъ иныхъ, особенно же правительственныхъ. Одно время частныя телеграммы по ж.-д. телеграфу отправлялись только съ разрѣшенія С. Р. Д.“ („Безъ заглавія“ № 2 С. Прокоповичъ. Декабрьское возстаніе, с. 57).

Правительство занимало въ этотъ моментъ выжидательное положеніе. Оно взвѣшивало свои силы и еще не рѣшалось вступить въ бой съ революціей по всей линіи. Оно предпочло даже прямо уступить революціи въ инцидентѣ съ Кушкой.

„Когда въ Кушкѣ ретивымъ не въ мѣру комендантомъ были преданы военному суду инженеръ Соколовъ и другіе желѣзнодорожные служащіе и когда—судъ вынесъ смертный приговоръ всѣмъ обвиняемымъ за ихъ агитаціонную дѣятельность, всѣ желѣзнодорожныя организаціи предъявили правительству ультиматумъ: если къ 8 часамъ вечера 23 ноября не будетъ отмѣненъ смертный приговоръ, всѣ желѣзныя дороги объявятъ забастовку. Въ пять минутъ девятаго министръ путей сообщенія Немѣшаевъ экстренной телеграммой увѣдомилъ желѣзнодорожныхъ служащихъ, что исполненіе приговора пріостановлено". „Такимъ распоряженіемъ, говоритъ Хрусталевъ, правительство еще разъ демонстрировало свое безсиліе" („Ист. сов. деп." с. 41).

Хрусталеву на это можно замѣтить, что для правительства было бы совершенно нелѣпо начинать борьбу на почвѣ явно безумныхъ дѣйствій какого-то захолустнаго коменданта. Уступка 23 ноября не помѣшала правительству бросить 26 ноября вызовъ Совѣту рабочихъ депутатовъ арестомъ его предсѣдателя Хрусталева.

Совѣтъ отвѣчаетъ на вызовъ вызовомъ:

„27 Совѣтъ принимаетъ резолюцію: 26 ноября царскимъ правительствомъ взятъ въ плѣнъ предсѣдатель Совѣта рабочихъ депутатовъ товарищъ Хрусталевъ-Носарь. Совѣтъ рабочихъ депутатовъ выбираетъ временный президіумъ и продолжаетъ готовиться къ вооруженному возстанію". Но Совѣтъ не ограничился только этой угрозой, онъ сдѣлалъ еще шагъ, непосредственно наносящій уронъ правительству. Еще 23 ноября Исполнительный Комитетъ выпустилъ воззваніе, приглашавшее рабочихъ брать вклады изъ государственныхъ сберегательныхъ кассъ и требовать уплаты заработка золотомъ. Совѣтъ теперь рѣшаетъ въ томъ же смыслѣ выпустить манифестъ къ народу.

2-го декабря, въ рядѣ прогрессивныхъ газетъ по постановленію Совѣта депутатовъ былъ напечатанъ манифестъ за подписью самого Совѣта, Крестьянскаго Союза и соціалистическихъ партій, въ которомъ предлагалось „отказываться отъ взноса выкупныхъ

и всѣхъ другихъ казенныхъ платежей, требовать при всѣхъ сдѣлкахъ, при выдачѣ заработной платы и жалованья—уплаты золотомъ, а при суммахъ меньше пяти рублей—полновѣсной звонкой монетой. Брать вклады изъ сберегательныхъ кассъ и государственнаго банка, требуя уплаты всей суммы золотомъ", и затѣмъ заявлялось о рѣшеніи „не допускать уплаты долговъ по всѣмъ тѣмъ займамъ, которые царское правительство заключило, когда явно и открыто вело войну со всѣмъ народомъ".

Манифестъ этотъ, упавши на почву недовѣрія населенія къ правительству и боязни его за свои сбереженія, отданныя въ распоряженіе правительства, оказалъ свое дѣйствіе: вклады въ государственныя сберегательныя кассы начали сокращаться и вложенные усиленно требоваться обратно. Превышеніе выдачъ надъ поступленіями въ Петербургѣ за декабрь 1905 г. оказалось равнымъ—4065 т. р., а по провинціальнымъ кассамъ—85.929 т. Правительство оцѣнило силу этого удара, отвѣтивши на него въ свою очередь ударомъ.

Всѣ газеты, напечатавшія манифестъ, были конфискованы и подвергнуты предварительному закрытію Судебной Палатой. Того же 2-го декабря были опубликованы временныя правила о стачкахъ и союзахъ, направленныя противъ забастовокъ желѣзныхъ дорогъ, почты, телеграфа и вообще предпріятій, „прекращеніе или пріостановленіе дѣятельности коихъ угрожаетъ безопасности государства, или создаетъ возможность общественнаго бѣдствія". За подобнаго рода забастовки правила грозили тюрьмой до 1 года и 4 мѣсяцевъ, а за участіе въ сообществѣ, подготавливающемъ такія забастовки, тюрьмой отъ 1 г. 4 м. до 4-хъ лѣтъ. Правительство явно становилось въ боевую позицію и вызывало революцію на бой.

Оно пошло и дальше и 3-го декабря вооруженная сила правительства вломилась на очередное засѣданіе Совѣта, на которомъ долженъ былъ обсуждаться вопросъ о всеобщей забастовкѣ, и арестовала Исполнительный Комитетъ и собравшуюся часть Совѣта. Уже передъ арестомъ на собраніи Исполнительнаго Комитета ясно намѣчалось рѣшеніе въ пользу всеобщей забастовки. Послѣ ареста Совѣта рабочихъ депутатовъ вновь возстановленный Исполнительный Комитетъ уже 4-го декабря высказался въ пользу всеобщей забастовки.

Окончательное рѣшеніе должно было состояться на расширенномъ собраніи Исполнительнаго Комитета, которое, благодаря экстреннымъ обстоятельствамъ, должно было замѣнить Совѣтъ. На основаніи опредѣлившагося уже 4—5 декабря настроенія въ Петербургѣ, члены бывшей въ это время тамъ конференціи соціальдемократической фракціи меньшинства разъѣжались по Россіи съ убѣжденіемъ въ неизбѣжности всеобщей забастовки. Назначеніе забастовки предполагалось съ 7 декабря. Это складывающееся рѣшеніе стало извѣстно въ Москвѣ, и его принимали во вниманіе и Московскій Совѣтъ рабочихъ депутатовъ и собравшаяся въ Москвѣ конференція депутатовъ 29 желѣзныхъ дорогъ, когда рѣшали вопросъ о всеобщей забастовкѣ. Хотя при томъ повышенномъ настроеніи, которое царило тогда въ Москвѣ, возможно, что Москва начала бы забастовку, и не имѣя опредѣленныхъ свѣдѣній изъ Петербурга.

Начавшееся въ октябрѣ движеніе продолжалось очень интенсивно въ Москвѣ въ теченіе дней свободы. Частые митинги и открытая агитація сильно преобразили московскихъ рабочихъ, оказавши замѣтное вліяніе на самые отсталые его слои. Подобно Петербургу тамъ организовался въ ноябрѣ Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ, который въ качествѣ чисто рабочей организаціи смѣнилъ полуинтеллигентскій стачечный комитетъ, руководившій въ Москвѣ октябрьской забастовкой. Къ моменту объявленія забастовки Совѣтъ состоялъ изъ 204 депутатовъ отъ 100 тысячъ рабочихъ. Настроеніе рабочихъ было сильно повышено также благодаря происходившимъ въ Ростовскомъ и другихъ полкахъ безпорядкамъ, которые, впрочемъ, къ моменту объявленія забастовки прекратились.

Декабрьская забастовка начиналась совершенно иначе, чѣмъ октябрьская. Октябрьская началась въ качествѣ демонстраціи и капитуляція правительства была ея непредвидѣннымъ результатомъ. Декабрьская забастовка объявлялась въ качествѣ рѣшительной схватки съ правительствомъ, какъ забастовка, которая должна стремиться къ переходу въ вооруженное возстаніе. Въ Москвѣ даже прямо было принято рѣшеніе—объявить въ Москвѣ съ 12 ч. дня 7-го декабря всеобщую политическую стачку и *стремиться перевести ее въ вооруженное возстаніе*. Фактически такимъ образомъ объявлялась не забастовка, а

вооруженное возстаніе. Эту забастовку-возстаніе объявили четыре организаціи: Петербургскій и Московскій Совѣты рабочихъ депутатовъ, конференція представителей желѣзныхъ дорогъ и почтово-телеграфный съѣздъ.

Ошибочно ли поступили эти организаціи, рѣшаясь на забастовку? На этотъ вопросъ нельзя отвѣтить ни да, ни нѣтъ, такъ какъ самое забастовку нельзя брать внѣ связи со всѣмъ предыдущимъ движеніемъ пролетаріата. Это движеніе предопредѣлило декабрьскую забастовку и вопросъ поэтому необходимо перенести дальше: правильна ли была та позиція, которую занялъ сознательный пролетаріатъ и его главная и передовая организація, Петербургскій Совѣтъ Депутатовъ, послѣ 17 октября.

Мы уже отвѣтили на этотъ вопросъ въ началѣ настоящей главы: позиція была глубоко неправильна. Можетъ быть она была неизбѣжна, можетъ быть при полномъ противорѣчій поведеніи правительства и революціонномъ настроеніи пролетаріата всякая другая позиція въ этотъ моментъ была немыслима. Но это нисколько не мѣняетъ объективнаго вывода: пролетаріатъ могъ придти къ побѣдѣ, только сдѣлавши Думу опорнымъ пунктомъ для своей дальнѣйшей борьбы. Только посредствомъ Думы, черезъ Думу онъ могъ достигнуть той идейной и организованной связи съ крестьянствомъ и арміей, при которой могло быть подготовлено полное низверженіе старой власти и проложенъ путь къ полному народовластію.

То, что Дума была только обѣщана, нисколько не исключало необходимости сдѣлать ее опорнымъ пунктомъ. Пролетаріатъ долженъ былъ требовать скорѣйшаго созыва Думы, онъ долженъ былъ настаивать на расширеніи избирательныхъ правъ вплоть до полнаго осуществленія четырехчленной формулы при выборахъ въ Думу. Въ этихъ своихъ требованіяхъ онъ нашелъ бы тогда общую почву съ другими слоями населенія для концентрированія давленія на правительство и, держа правительство въ прежнемъ изолированномъ состояніи, могъ бы принудить пойти на эти уступки. Но если бы ему и не удалось добиться расширенія избирательнаго права до четырехчленной формулы, то его организованная дѣятельность сдѣлала бы во всякомъ случаѣ необходимымъ созывъ Думы на основаніи того избирательнаго закона, который былъ опубликованъ 11 декабря, а этотъ избира-

тельный законъ открывалъ широкую возможность для организаціи общественныхъ силъ. Но вмѣсто того, чтобы сдѣлать Думу опорнымъ пунктомъ для своей дальнѣйшей борьбы, пролетаріатъ занялъ позицію, при которой неизбѣжно было его пораженіе: онъ явно и открыто заявлялъ желаніе воспользоваться той свободой, которую онъ отвоевалъ у правительства, для того, чтобы возможно скорѣе подготовить вооруженное возстаніе и низвергнуть правительство. Эта нота въ дни свободы звучала чуть не въ каждой строчкѣ выходившей тогда соціальдемократической печати, она рѣзко раздавалась на всѣхъ рабочихъ собраніяхъ.

Для бюрократіи и монархіи становилось яснымъ, что если онѣ не желаютъ добровольно идти къ погибели, а желаютъ закончить революцію, сохранивши свое существованіе, то имъ необходимо предварительно раздавить пролетаріатъ, какъ силу, съ которой у нихъ не можетъ быть никакого мира.

Всѣми своими дѣйствіями петербургскій пролетаріатъ и его Совѣтъ настойчиво будили это сознаніе у правительства. Во имя вооруженнаго возстанія, для того, чтобы подготовить этому возстанію поддержку солдатъ, петербургскій пролетаріатъ, не успѣвши оправиться отъ ряда пережитыхъ забастовокъ, бросился въ новую, чтобы защитить возставшихъ матросовъ отъ расправы правительства. Борьбу съ правительствомъ за армію онъ ставитъ открыто своимъ лозунгомъ и подъ угрозой вырвать главную опору изъ-подъ ногъ правительства толкаетъ его къ отчаянной борьбѣ съ собой.

Изнемогая въ борьбѣ съ соединенными силами правительства и капиталистовъ, отвѣтившими локаутомъ на его попытки насильственно ввести 8-часовой рабочій день, петербургскій пролетаріатъ въ лицѣ своей организованной силы, Совѣта, продолжаетъ всѣмъ, чѣмъ можетъ, вредить правительству. Какъ будто спеціально для того, чтобы обострить положеніе и ускорить взрывъ, почтово-телеграфный союзъ въ это время объявляетъ забастовку, разстраивающую административный механизмъ правительства.

Совѣтъ депутатовъ не могъ, конечно, не поддерживать эту забастовку всѣми имѣющимися у него средствами, разъ она возникла, но совершенно легкомысленнымъ поступкомъ, стоящимъ въ полномъ противорѣчіи съ ослабленными силами петербугскаго

пролетаріата въ этотъ моментъ, слѣдуетъ признать призывъ исполнительнаго комитета къ бойкоту государственныхъ сберегательныхъ кассъ.

Когда затѣмъ правительство отвѣчаетъ на это арестомъ Хрусталева, Совѣтъ Депутатовъ единогласно принимаетъ вызывающую резолюцію, въ которой заявляетъ о своихъ приготовленіяхъ къ вооруженному возстанію. Рядомъ съ этимъ вмѣстѣ съ Крестьянскимъ Союзомъ и центральными комитетами соціалистическихъ партій онъ опубликовываетъ манифестъ, призывающій къ податному и финансовому бойкоту правительства и подъ его давленіемъ этотъ манифестъ печатается во всѣхъ прогрессивныхъ газетахъ.

Вся эта дѣятельность Совѣта Депутатовъ, являясь несомнѣннымъ вызовомъ по адресу правительства и происходя на фонѣ непрекращающагося броженія среди крестьянства и арміи, заставляла правительство торопиться и выдвигала передъ нимъ задачу— вызвать неизбѣжную схватку съ пролетаріатомъ раньше, чѣмъ революціонный пожаръ овладѣетъ его главной опорой—арміей. И въ послѣдній моментъ правительство своими репрессивными мѣрами явно уже имѣетъ цѣлью не предотвратить, а провоцировать возстаніе, съ тѣмъ, чтобы, раздавивши его, оборвать угрожающій ему революціонный процессъ.

Съ другой стороны, пролетаріату въ этотъ моментъ уже было трудно избѣжать тѣхъ провокаціонныхъ сѣтей, которыя ему разставляло правительство. Не отвѣчать на репрессивныя мѣры правительства, на арестъ Совѣта Депутатовъ?

Но въ виду того вызывающаго положенія, которое Совѣтъ занялъ по отношенію къ правительству, въ виду того крайне преувеличеннаго представленія о силахъ пролетаріата и безсиліи правительства, которое онъ вызывалъ своей дѣятельностью, не значило ли бы это демонстрировать передъ правительствомъ полное безсиліе революціи и проложить этимъ дорогу безграничному разгулу реакціи? Въ случаѣ отсутствія отвѣта на мѣры правительства перспектива будущаго рисовалась въ достаточно мрачномъ свѣтѣ, а миражъ революціонной силы пролетаріата, создавшійся въ дни свободы, звалъ къ борьбѣ, манилъ надеждой побѣды.

Весь предыдущій революціонный процессъ толкалъ такимъ образомъ революціонный пролетаріатъ къ тому, чтобы принять вызовъ правительства. Въ то же время забастовка, только какъ забастовка, теряла въ этотъ моментъ всякое реальное значеніе. Правительство въ этой борьбѣ не могло уступить, такъ какъ уступить врагу, явно и открыто подготовлявшему его гибель, значило бы подписать себѣ самому смертный приговоръ. Правительство само поэтому было заинтересовано въ томъ, чтобы забастовка перешла въ возстаніе, чтобы возможно безпощаднѣе расправиться съ своимъ врагомъ. И безсмысленныя и жестокія дѣйствія Дубасова въ Москвѣ въ самомъ началѣ забастовки явно обнаруживали эти провокаціонныя стремленія правительства.

Такимъ образомъ тотъ бой, который правительство навязывало пролетаріату, былъ дѣйствительно рѣшительнымъ боемъ. Или побѣдоносное вооруженное возстаніе, или пораженіе,—вотъ та дилемма, которая встала передъ пролетаріатомъ.

Вступивши въ бой, пролетаріатъ ставилъ очень многое на карту, но уклонившись отъ боя, онъ явно развязывалъ руки реакціи. Пролетаріатъ принялъ бой. При какихъ условіяхъ?

Пролетаріатъ въ своемъ наступленіи на врага ушелъ впередъ отъ значительной части той интеллигенціи, которая вмѣстѣ съ нимъ боролась въ октябрѣ, а массу буржуазіи, поддержавшую октябрьскую забастовку своимъ сочувствіемъ, онъ бросилъ своей дѣятельностью въ объятія реакціи. Самъ пролетаріатъ далеко не вездѣ созрѣлъ для рѣшительной схватки съ правительствомъ, а его самый передовой отрядъ — рабочія массы Петербурга—былъ страшно ослабленъ предыдущей отчаянной борьбой съ соединенными силами правительства и буржуазіи. Броженіе среди крестьянства и арміи рисовало, правда, заманчивыя перспективы, но путемъ страшнаго пораженія сознательному пролетаріату пришлось убѣдиться, что политически воспитать и мобилизовать для революціи невѣжественную и некультурную массу крестьянства и арміи нельзя въ теченіе мѣсяца свободы.

---

5. Декабрьское движенiе.

Центромъ и признаннымъ главой всего революцiоннаго движенiя въ дни свободы былъ Петербургъ съ его Совѣтомъ Рабочихъ Депутатовъ. Такое же центральное мѣсто во время декабрьскаго движенiя заняла Москва. Въ теченiе 7—8 дней телеграфъ разносилъ по Россiи поражающiя извѣстiя—о баррикадахъ, усѣявшихъ всю Москву, объ армiяхъ дружинниковъ, сражающихся съ войсками, объ армiяхъ рабочихъ, движущихся изъ окрестныхъ мѣстностей на помощь Москвѣ. Извѣстiя эти оказались потомъ крайне преувеличенными. Но впечатлѣнiе эти преувеличенныя извѣстiя на всю Россiю производили огромное, и, если бы дѣйствительно была въ это время почва для всенароднаго возстанiя, то иллюзiя побѣдоносно возставшаго въ Москвѣ народа могла бы вызвать всеобщiй пожаръ въ Россiи. Но къ сожалѣнiю этой почвы не было, Россiя въ общемъ не обнаруживала стремленiя возставать, и поэтому, если бы даже преувеличенныя свѣдѣнiя о Москвѣ соотвѣтствовали дѣйствительности, Москву неизбѣжно ожидало бы пораженiе. Мы въ этомъ легко убѣдимся, если прежде, чѣмъ перейти къ описанiю событiй въ Москвѣ, бросимъ взглядъ на то, что происходило въ остальной Россiи.

У порога декабрьскаго движенiя стояла почтово-телеграфная забастовка. Но именно тогда, когда въ связи съ всеобщей забастовкой она могла нанести *maximum* вреда правительству, она начала падать.

И паденiе этой забастовки не въ силахъ было задержать постановленiе почтово-телеграфнаго съѣзда, рѣшившаго присоединиться къ всеобщей забастовкѣ. 8 декабря почтово-телеграфный союзъ обратился съ запросомъ въ Московскiй Совѣтъ рабочихъ депутатовъ, прекратить ли почтово-телеграфное сношенiе Москвы съ Петербургомъ. Совѣтъ отвѣтилъ утвердительно. Но союзъ былъ уже безсиленъ провести это рѣшенiе. Сношенiя съ Петербургомъ продолжались (Москва въ декабрѣ с. 33, 34).

Не былъ оторванъ Петербургъ отъ остальной Россіи и въ желѣзнодорожномъ отношеніи.

Желѣзнодорожная забастовка на этотъ разъ не была, какъ въ октябрѣ—всеобщей и, что всего важнѣе, петербургскій узелъ, бастовавшій въ октябрѣ и ноябрѣ, теперь работалъ. Въ Москвѣ забастовали всѣ дороги, кромѣ Николаевской, которая какъ разъ соединяла Москву съ Петербургомъ.

Въ книгѣ „Москва въ декабрѣ" отсутствіе забастовки въ петербургскомъ узлѣ приписывается промедленію въ объявленіи забастовки: согласно постановленію Московской конференціи представители петербургскаго узла должны были объявить забастовку съ 7 декабря, а уступая предложенію Совѣта рабочихъ депутатовъ, они объявили ее съ 8-го; правительство воспользовалось этимъ промедленіемъ, арестовало массу членовъ желѣзнодорожнаго союза и заняло войсками линію. Возможно, что это промедленіе и оказало нѣкоторое вліяніе, но я думаю, что гораздо большее значеніе имѣло тутъ отсутствіе забастовочнаго настроенія во всемъ Петербургѣ и отсутствіе вѣры въ эту забастовку среди руководителей желѣзнодорожнаго союза. На желѣзнодорожной конференціи (29 жел. дорог.) въ Москвѣ не было одушевленія среди ея членовъ. „Настроеніе у всѣхъ было угрюмое, мрачное: всѣ сознавали, что они подчиняются горькой необходимости и идутъ на неизбѣжную гибель" („Москва въ декабрѣ", с. 11). Но въ Москвѣ на желѣзнодорожную массу и ея руководителей не могло не вліять одушевленіе, замѣчавшееся среди московскаго пролетаріата. Въ Петербургѣ это условіе отсутствовало. Мы видѣли, какъ дружно въ октябрѣ поднялись петербургскіе рабочіе, а вмѣстѣ съ ними и другіе слои населенія—служащіе въ банкахъ и управленіяхъ, адвокаты, чиновники, судьи. Теперь масса буржуазной демократіи относилась несочувственно къ движенію пролетаріата. Что же касается самого пролетаріата въ Петербургѣ, то онъ, очевидно, былъ совершенно обезсиленъ всей предыдущей борьбой, продолжительными январскими и февральскими забастовками, октябрьской и ноябрьской забастовкой и, наконецъ, локаутомъ, выбросившимъ на мостовую десятки тысячъ рабочихъ.

Тогда какъ въ послѣдній день ноябрьской забастовки, когда часть рабочихъ уже стала на работу, число бастовавшихъ въ

Петербургѣ простиралось до 104.597 чел., въ декабрѣ это число было равно—въ первый день забастовки, 8-го—83.558 ч., во второй, 9-го—92.058, а затѣмъ начало непрерывно и довольно быстро падать, 10-го бастовало—89.342 чел., 12-го—60.748, 13-го—48.375, 14-го—44.385, 15-го—36.710, 16-го—32.830, 17-го—19.330, 19-го—3.280. („Декабрьское возстаніе" ст. С. Прокоповича въ журналѣ „Безъ заглавія" № 3, с. 99).

По истинѣ жалкій финалъ той шумной, наступательной дѣятельности которую велъ Петербургскій Совѣтъ рабочихъ депутатовъ! А между тѣмъ помимо того расхолаживающаго вліянія, которое должны были имѣть эти свѣдѣнія на попытки возстанія въ другихъ городахъ, слабость движенія въ Петербургѣ имѣла огромное значеніе для бюрократіи въ ея борьбѣ съ возстаніемъ. Бюрократія не видѣла вокругъ себя широкаго народнаго движенія, въ рядахъ ея не могла наступить дезорганизація, въ то же время отъ этой дезорганизаціи были избавлены и войска, въ громадномъ количествѣ сосредоточенныя въ Петербургѣ. По желѣзнымъ дорогамъ, работавшимъ вокругъ Петербурга, эти войска могли направляться въ мѣста возстанія, какъ они и направлялись—въ Прибалтійскій край, Москву.

Не такъ дружно, какъ въ октябрѣ, шла забастовка и въ остальной Россіи. Мы уже указывали, что желѣзнодорожная забастовка, хотя и началась дружнѣе, чѣмъ въ октябрѣ, но далеко не была столь всеобщей, какъ тогда. Къ этому нужно добавить, что дружному началу забастовки далеко не соотвѣтствовало дружное продолженіе ея. Уже 12-го, въ самый разгаръ московскаго возстанія, желѣзнодорожная забастовка начала падать. „Этого числа было возстановлено движеніе на Московско-Ярославско-Архангельской, Харьково-Николаевской, Курско-Харьково-Севастопольской ж. д. и линіи Витебскъ—Орша. 14 декабря возобновилось движеніе на линіи Колкуны—Родзивилишки, 15 дек. на линіи Кострома—Рыбинскъ, Псковъ—Рига, Двинскъ—Полоцкъ и Варшаво-Вѣнской ж. д... Рядъ желѣзныхъ дорогъ такимъ образомъ далеко упредилъ оффиціальное прекращеніе забастовки, которая была объявлена Центральнымъ Бюро желѣзнодорожнаго союза съ 19 дек.". (С. Прокоповичъ, ib., с. 98).

Подобно Петербургу слабое участіе въ декабрьскомъ движеніи приняла и Польша. Она „бастовала мало, истощенная своею

мѣстной забастовкой въ концѣ октября по поводу объявленія Царства Польскаго на военномъ полежоніи" (ib., с. 98).

Слабѣе, чѣмъ въ октябрѣ, было движеніе и въ Кіевѣ *). Послѣ выступленія саперовъ Кіевъ попалъ въ тиски военнаго положенія. Декабрьская забастовка не могла начаться тѣми шумными, многолюдными митингами, которыми началось и сопровождалось октябрьское движеніе. Кромѣ того и настроеніе среди массы интеллигенціи, которая въ октябрѣ играла въ Кіевѣ руководящую роль, было теперь далеко не такое приподнятое, какъ тогда. Дружно забастовали въ Кіевѣ всѣ болѣе крупные заводы, къ нимъ затѣмъ присоединились и желѣзнодорожныя мастерскія, но среди мелкобуржуазнаго кіевскаго населенія этотъ забастовавшій пролетаріатъ составилъ только ничтожную долю и очень мало своей забастовкой измѣнилъ физіономію города. Магазины торговали, трамваи двигались, ремесленники работали, на желѣзныхъ дорогахъ цѣликомъ не прекращалось движеніе, а управленцы (желѣзнодорожные), которые въ октябрѣ стояли во главѣ движенія, теперь не примкнули къ забастовкѣ. Почва для возстанія абсолютно отсутствовала. Во время забастовки мѣстный комитетъ С.-Д. Р. П. попытался устроить общую массовую биржу на Владимірской ул. для того, чтобы бастующіе рабочіе могли поддерживать между собой сношенія, уславливаться насчетъ дальнѣйшихъ дѣйствій и организовывать отряды для съемки торговыхъ и ремесленныхъ заведеній. Но въ условленный часъ биржѣ оказались только ничтожныя кучки организованныхъ рабочихъ. Дружно забастовавшая рабочая масса не явилась на биржу, ясно обнаруживши стремленіе участвовать только пассивно въ начавшемся движеніи.

Въ Одессѣ, благодаря большой съорганизованности, которой достигъ пролетаріатъ въ дни свободы (образовался и очень успѣшно функціонировалъ Совѣтъ Депутатовъ, начали развиваться профессіональные союзы), забастовка началась и продолжалась нѣсколько дней очень дружно, бастовали не только заводы и желѣзнодорожныя мастерскія, но закрыта была масса магазиновъ и прекратилось движеніе конокъ. Но наполненная

*) Картина движенія на югѣ, тамъ, гдѣ нѣтъ ссылокъ на опредѣленные источники, составлена отчасти по личнымъ наблюденіямъ, отчасти по показаніямъ участниковъ движенія.

массой войскъ, которыя еще не такъ давно принимали активное участіе въ еврейскомъ погромѣ, Одесса конечно и не помышляла о возстаніи.

Помышлялъ о возстаніи, очевидно, Харьковъ. Тамъ была нѣкоторая почва для мечтаній. Въ ноябрѣ было сильное движеніе среди войскъ, цѣлые полки демонстрировали вмѣстѣ съ рабочими по улицамъ, но эти бунтовавшіе только что солдаты не пришли на помощь сотнѣ, другой дружинниковъ, засѣвшихъ на заводѣ Гельферихъ-Саде. Вмѣсто нихъ пришли другіе солдаты, обложившіе дружинниковъ. И рабочіе паровозостроительнаго завода, двинувшіеся массой къ заводу Гельферихъ-Саде, были разстрѣляны этими солдатами. Дружинникамъ пришлось сдаться. Войска затѣмъ еще разстрѣляли толпу народу на улицахъ. Безнадежность возстанія стала совершенно несомнѣнной и движеніе пошло на убыль.

Дружно забастовка происходила въ Екатеринославѣ: не только заводы, но весь городъ бастовалъ дней 7, 8. Настроенія среди рабочей массы въ пользу возстанія не было. Совѣтъ рабочихъ депутатовъ постановилъ начать съ мирной забастовки, считаясь съ возможностью перехода ея въ возстаніе, но эта возможность ставилась въ зависимость отъ агрессивныхъ дѣйствій администраціи. Администрація несклонна была къ агрессивнымъ дѣйствіямъ въ виду того броженія, которое наблюдалось въ войскахъ благодаря задержанію сверхъ срока запасныхъ. Она предпочла перейти на психологическую почву. Непрерывно распространялись слухи о еврейскомъ погромѣ. Въ населеніи было живо воспоминаніе о чудовищно-звѣрскомъ погромѣ въ 20-хъ числахъ октября и страшный кошмаръ погрома висѣлъ надъ городомъ во все время забастовки, парализуя всякія активныя дѣйствія. Въ центрѣ города еврейская рабочая масса боялась даже устраивать митинги, но она усиленно посѣщала непрерывные митинги, происходившіе на окраинахъ, въ заводскихъ центрахъ. Тамъ господствовала полная свобода отъ начальства и царило своего рода революціонное самоуправленіе.

Такъ шли дѣла дней 8—съ 9-го по 17-ое. 17-го администрація перешла въ наступленіе, получивши вѣроятно благопріятныя свѣдѣнія изъ Москвы и другихъ мѣстъ. Было объявлено военное положеніе, начали силой открываться лавки. Съ 17-го числа забастовка пошла на убыль. Вскорѣ затѣмъ въ добавленіе къ

двумъ полкамъ и одному батальону, бывшимъ въ Екатеринославѣ, прибылъ Симферопольскій полкъ, только что усмирившій севастопольское возстаніе. Администрація почувствовала еще большую свободу въ дѣйствіяхъ и начала усердно съ помощью симферопольцевъ возстанавливать порядокъ не только въ Екатеринославѣ, но и въ прилегающемъ къ нему Донецкомъ районѣ.

Въ Донецкомъ районѣ было самое сильное движеніе на югѣ, если не считать Кавказа. „Революціонерами былъ занятъ рядъ станцій, Попасная, Дебальцево, Ясиноватая, Гришина, Авдѣевка, Горловка, Константиновка и Краматорская" (Міръ Божій" Январь 1906 г., с. I. Ларскаго, с. 38, II отд.) По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ однимъ изъ участниковъ Екатеринославскаго движенія картина движенія была такова. Забастовка происходила очень дружно и всецѣло захватила и увлекла и ту рабочую массу (чернорабочихъ, шахтеровъ), которая въ октябрѣ еще была настроена довольно черносотенно. Крестьянство, живущее близъ шахтъ и металлургическихъ заводовъ, относилось къ забастовкѣ очень сочувственно. Но отличіе движенія въ Донецкомъ районѣ отъ движенія въ другихъ мѣстахъ юга выразилось не въ массовомъ характерѣ возстанія, котораго не было, а въ большемъ количествѣ и лучшемъ вооруженіи дружинниковъ. Большой стимулъ къ образованію дружинъ и къ вооруженію дали бывшіе прежде еврейскіе погромы. Во время декабрьскаго движенія дружинники обезоруживали эшелоны войскъ, возвращавшихся изъ Манчжуріи. Благодаря этому, а также обезоруживанію полиціи и жандармовъ создалась въ Донецкомъ районѣ болѣе многочисленная и лучше вооруженная сила, чѣмъ гдѣ бы то ни было на югѣ, кромѣ Кавказа. И такъ какъ въ то же время войскъ въ этомъ районѣ было ничтожное количество, то обширный районъ оказался въ рукахъ революціонеровъ. Но серьезнаго сопротивленія войскамъ дружинники конечно оказать не могли, и при помощи симферопольцевъ Донецкій районъ былъ легко завоеванъ. Послѣ одной, двухъ болѣе или менѣе серьезныхъ стычекъ съ дружинниками (главное столкновеніе было въ Горловкѣ, куда изъ окрестныхъ мѣстностей стянулось до 1000 дружинниковъ) станціи, одна за другой, начали сдаваться безъ всякаго сопротивленія.

Переходимъ теперь къ такъ сильно прошумѣвшему по Россіи — ростовскому возстанію.

Въ интересной статьѣ „Декабрьскіе дни въ Ростовѣ“ („Отклики Соврем.“ № 3) авторъ описываетъ широкую организаціонную работу, которая шла въ Ростовѣ передъ декабрьской забастовкой: организовался Совѣтъ рабочихъ депутатовъ, объединившій почти все населеніе Ростова и Нахичевани, стали складываться и укрѣпляться профессіональные союзы, перестроилась на широкихъ демократическихъ началахъ соціальдемократическая организація. Всеобщая забастовка, какъ рѣшительный бой съ переходомъ ея въ возстаніе, рисовалась ростовскимъ товарищамъ только въ болѣе или менѣе туманной дали. Они не стояли съ Петербургомъ въ такомъ тѣсномъ взаимодѣйствіи, какъ Москва, и не могли поэтому такъ же, какъ Москва, проникнуться наступательными тенденціями Петербургскаго Совѣта рабочихъ депутатовъ. Телеграмма 7-го декабря извѣщавшая, что Петербургскій и Московскій Совѣты Депутатовъ и Совѣщаніе 29 желѣзныхъ дорогъ объявили всеобщую забастовку, упала поэтому на ростовскихъ товарищей, какъ снѣгъ на голову. Чрезвычайно интересно то настроеніе, которое вызвала эта телеграмма у нихъ, такъ какъ это настроеніе по вѣрному заключенію товарища В. С. было сходно съ тѣмъ, которое она вызвала и во многихъ другихъ городахъ юга. „Достаточно будетъ сказать, говоритъ онъ, что въ первый моментъ явилось подозрѣніе, не провокація ли это? До того неожиданнымъ фактомъ явилось такое раннее объявленіе забастовки. Въ самомъ дѣлѣ, когда агитація выставляла лозунгъ всеобщей политической забастовки, то послѣдняя понималась, какъ рѣшительное и послѣднее сраженіе. Точно также она воспринималась и рабочими. Отсюда логически вытекало, что для такого рѣшительнаго шага необходимо укрѣпить мѣстныя пролетарскія организаціи, а главное установить и упрочить объединеніе организацій по всей Россіи... СПБ. Совѣтъ раб. деп. предпринялъ кой какіе шаги въ отношеніи объединенія провинціи, но это были только первые шаги. Почтово-телеграфная забастовка, отрѣзавъ совершенно провинцію отъ столицъ, помѣшала начавшемуся объединенію. Съ другой стороны оторванность столицъ отъ провинціи дала имъ, вѣроятно, невѣрное освѣщеніе положенія дѣлъ въ послѣдней и способствовала ошибочному шагу“. Отклики Современности № 3, с. 66—67)

Но въ виду того, что забастовка была объявлена, Исполнительный Комитетъ Совѣта депутатовъ и Донской Комитетъ партіи сочли себя обязаннымъ поддержать петербургскихъ и московскихъ товарищей. Они внесли это предложеніе въ Совѣтъ депутатовъ и вечеромъ 8-го декабря Совѣтъ Р. Д. единогласно рѣшилъ объявить всеобщую политическую забастовку. Забастовка пошла очень дружно. „10-го декабря Ростовъ фактически прекратилъ свою обычную жизнь. Фабрики, заводы, желѣзныя дороги, типографіи, трамвай, магазины, банки, конторы, театры, аптеки—словомъ все—прекратило свою дѣятельность“.

Такъ же, какъ въ Москвѣ, забастовка сопровождалась огромными митингами. Переходить къ вооруженному возстанію никто въ началѣ забастовки не думалъ. Но объ этомъ переходѣ очевидно думала администрація. Совершенно неожиданно она начала изъ пушекъ обстрѣливать главное мѣсто митинговъ—столовую Владикавказскихъ ж. д., находившуюся на Темерникѣ, а въ центрѣ города пьяные казаки начали растрѣливать мирное, безоружное населеніе. На слѣдующій день полбатареи и сотня казаковъ отправились въ аттаку Темерника. Для защиты Темерника были мобилизованы боевыя дружины, въ распоряженіи которыхъ было только 20—25 ружей. Остальные дружинники были вооружены револьверами, были и ручныя бомбы. Аттака казаковъ была отражена, чему способствовало какъ то, что Темерникъ былъ расположенъ на горѣ, такъ и бомба, брошенная въ казаковъ и вызвавшая среди нихъ панику. Послѣ этого казаки предпочали обстрѣливать въ теченіе нѣсколькихъ дней Темерникъ изъ батарей; Авторъ статьи объясняетъ это трусостью казаковъ послѣ брошенной бомбы и „фантастическими слухами, ходившими по городу, что весь Темерникъ минированъ, что кругомъ его фугасы, волчьи ямы и пр.“. Обстрѣливанье и осада Темерника продолжались 8 дней. Послѣ того какъ всѣ ружейные патроны были израсходованы, дружинники покинули Темерникъ и „возстаніе“ такимъ образомъ окончилось. Въ этомъ „возстаніи“ принимало участіе только 300—400 дружинниковъ, а болѣе активно 25—35 вооруженныхъ винтовками. Масса ростовскихъ и нахичеванскихъ рабочихъ была совершенно внѣ борьбы, рабочіе же владикавказскихъ мастерскихъ, живущіе на Темерникѣ, участвовали въ немъ пассивно. Борьба дружинниковъ имѣла чисто оборонительный характеръ и въ рукахъ ихъ находилась незначительная часть

Ростова, его предмѣстье съ населеніемъ въ 10 т. человѣкъ. Главный городъ все время находился въ рукахъ администраціи и дружинники были, конечно, далеки отъ безумія—съ своими 25 винтовками переходить въ наступленіе противъ шести сотень хорошо вооруженныхъ казаковъ.

Если существовала гдѣ-нибудь въ Россіи почва для настоящаго народнаго возстанія, то этимъ мѣстомъ было Закавказье. Въ центрѣ его, Тифлисѣ—наблюдалось броженіе въ войскахъ, саперы (до 2 т. человѣкъ) была революціонно настроены, революціонныя организаціи располагали до $6^1/_2$ тысячами хорошо вооруженныхъ дружинниковъ и вокругъ въ деревняхъ было населеніе, проникнутое еще средневѣковыми традиціями и въ значительной своей массѣ вооруженное. Эта несомнѣнно благодарная почва для возстанія заставила намѣстника Воронцова-Дашкова быть крайне осторожнымъ. Но такой же осторожностью была проникнута и соціальдемократическая организація. Она не спѣшила съ возстаніемъ, она боялась поднимать его, потому что сознавала, что участь возстанія очень мало зависитъ отъ Кавказа, что она можетъ опредѣлиться только въ Россіи. А свѣдѣнія изъ Россіи щли смутныя, неопредѣленныя, не дававшія основаній для рѣшительныхъ дѣйствій.

Стачка въ Тифлисѣ и другихъ городахъ Закавказья, начавшись съ 12-го декабря, приняла во всякомъ случаѣ всеобщій характеръ. Закавказскія ж. дороги (Баку—Тифлисъ—Батумъ) со всѣми своими станціями перешли въ руки соціальдемократической организаціи и дорогой управлялъ соціальдемократической стачечный комитетъ, засѣдавшій въ Тифлисѣ. Администрація сначала совершенно примирялась съ этимъ. Проходитъ нѣсколько дней. Настроеніе начинаетъ падать. Администрація преприниметъ болѣе рѣшительныя дѣйствія. Она объявляетъ военное положеніе и занимаетъ участокъ Закавказской ж. дороги Баку—Тифлисъ. При занятіи дороги не было оказано никакого сопротивленія, кромѣ порчи нѣсколькихъ паровозовъ. Другая половина Закавказской ж. д. Тифлисъ—Батумъ остается пока въ рукахъ стачечнаго комитета, который продолжаетъ существовать въ качествѣ оффиціальнаго учрежденія. Когда къ генералу Маламѣ, водворившемуся на участкѣ Баку—Тифлисъ обратилась тифлисская городская дума съ просьбой доставить муку изъ Поти, то онъ отвѣтилъ,

что участокъ Тифлисъ—Батумъ находится не въ его вѣдѣніи, а въ вѣдѣніи стачечнаго комитета, къ которому и предложилъ обратиться.

Черезъ нѣкоторое время былъ занятъ и участокъ Тифлисъ—Батумъ, но его уже занималъ не мирный генералъ Малама, а воинственный генералъ Алихановъ, предпринявшій карательную экспедицію. Станціи сдавались также какъ и на участкѣ Баку—Тифлисъ безъ сопротивленія, но храбрый генералъ Алихановъ вносилъ смерть повсюду, гдѣ онъ появлялся, разстрѣливалъ желѣзнодорожныхъ служащихъ и рабочихъ, жегъ окрестныя селенія.

Затѣмъ начался разгромъ въ самомъ Тифлисѣ. Начался онъ съ повальнаго обыска въ Нахаловкѣ (рабочемъ кварталѣ) въ цѣляхъ отобранія оружія. При обыскѣ было убито 10 человѣкъ. Стачечный комитетъ отвѣтилъ на это террористическими актами, въ отвѣтъ на которые войска отвѣчали безпощаднымъ разгромомъ города и мирныхъ жителей. Такъ же варварски расправлялась администрація и въ другихъ мѣстахъ. Несуществовавшее возстаніе было подавлено самымъ жестокимъ способомъ.

Благодаря попустительству Воронцова-Дашкова, боявшагося вначалѣ предпринимать рѣшительныя дѣйствія, въ рукахъ революціонеровъ оказалась и Владикавказская ж. д. (Баку — Ростовъ). Послѣ разгрома Ростова дорога была занята войсками безъ всякаго сопротивленія. Переходили въ руки революціонеровъ и цѣлые города (Новороссійскъ, Пятигорскъ, города черноморскаго побережья) и управлялись въ теченіе недѣль революціонерами, но когда появлялись войска, города сдавались имъ безъ всякаго сопротивленія, что конечно не мѣшало войскамъ расправляться и съ революціонерами и съ мирными жителями самымъ безпощаднымъ образомъ.

Подобно Кавказу не было вооруженнаго народнаго возстанія и въ Латышкомъ краѣ, несмотря на цѣлыя легенды, которыя распространялись о немъ въ газетахъ, благодаря усиліямъ правительства и нѣмецкихъ бароновъ.

Въ отвѣтъ на движеніе сельскохозяйственныхъ рабочихъ въ сентябрѣ—октябрѣ, бароны отвѣтили самымъ жестокимъ терроромъ, наполнивши свои замки казаками и драгунами и совершая во главѣ ихъ разбойничьи набѣги на окрестности. Грабежи этихъ

разбойничьихъ шаекъ соединили крестьянъ съ батраками противъ бароновъ.

„На убійство крестьянъ послѣдніе отвѣчали убійствомъ бароновъ, на истязаніе—поджогами“ (корреспондентъ изъ Латышскаго края, Отклики Современности № 1 с. 93).

Сильное движеніе, охватившее Латышскій край (Лифляндскую и Курляндскую губ.), привело къ тому, что бароны массами покидали свои замки, а „волостныя общества одно за другимъ перестали нести повинности и платить арендные и выкупные платежи“ (ib., с. 94).

Послѣ 17 октября состоялись два съѣзда — учительскій и крестьянскій. Учительскій конгрессъ выработалъ новую школьную программу и постановилъ немедленно ввести ее въ школы. Крестьянскій конгрессъ (1000 делегатовъ отъ всѣхъ волостей) постановилъ до реорганизаціи всего политическаго строя, которая должна была послѣдовать въ Россіи, образовать вмѣсто старыхъ волостныхъ правленій временныя комиссіи „для удовлетворенія самыхъ неотложныхъ нуждъ мѣстнаго населенія“ (ib с. 94). Никакихъ экспропріацій и конфискацій по отношенію къ баронамъ это революціонное самоуправленіе не имѣло въ виду и только „въ виду угрозы нѣкоторыхъ помѣщиковъ оставить имѣніе на произволъ судьбы и тѣмъ лишить батраковъ работы, крестьянскій съѣздъ постановилъ, что такія имѣнія, до возвращенія ихъ владѣльцевъ, переходятъ въ управленія мѣстнаго общества, которое въ такомъ случаѣ пополняетъ инвентарь, но забираетъ и доходы“. Баронамъ были предъявлены требованія— отказаться отъ привилегій, участвовать въ податяхъ и повинностяхъ наравнѣ съ другими, оставить полицейскую службу и нѣк. др. Конгрессъ постановилъ, что „до удовлетворенія этихъ требованій всѣ платежи крестьянъ помѣщикамъ поступаютъ въ распоряженіе мѣстнаго общества“ (ib., с. 95).

Въ серединѣ ноября по введеніи военнаго положенія небольшіе отряды войскъ (казаковъ и драгунъ) подъ давленіемъ единодушнаго движенія всего населенія принуждены были удалиться изъ края. Въ сентябрѣ правительство направило туда цѣлыя арміи, и вотъ, какъ иронически замѣчаетъ авторъ цитируемой корреспонденціи, въ газетахъ начали появляться сообщенія русскихъ генераловъ о кровопролитныхъ столкновеніяхъ солдатъ съ рево-

люціонерами, въ которыхъ убитые оказывались исключительно на сторонѣ послѣднихъ, о взятіи укрѣпленныхъ революціонерами городовъ и селъ, опять безъ потерь со стороны солдатъ, но съ превращеніемъ иной разъ цѣлаго города въ пепелъ, точь въ точь какъ нѣкогда сообщалось о „блестящихъ побѣдахъ русской арміи въ китайской кампаніи" (ib., с. 91).

Въ дѣйствительности „вмѣсто грозныхъ революціонеровъ, къ великому удивленію храбрыхъ генераловъ, ихъ встрѣтили повсюду мирные крестьяне, не оказывающіе сопротивленія даже при поджогѣ ихъ усадебъ. Солдатамъ некого было разстрѣливать и приходилось ограничиваться арестами". Но это не удовлетворяло бароновъ, бароны требовали разстрѣла и вотъ „откуда-то вдругъ у всѣхъ начальниковъ отрядовъ появились списки „революціонеровъ", а въ нѣмецкихъ газетахъ начали появляться ежедневные отчеты объ ихъ разстрѣлѣ. Въ сущности разстрѣливались главнымъ образомъ, члены временныхъ комиссій и народные учителя, введшіе въ своихъ школахъ новую программу". Корреспондентъ говоритъ что ему „извѣстенъ всего одинъ случай, гдѣ дѣйствительно вѣроломнымъ образомъ были захвачены активные революціонеры и разстрѣляны—это было въ Виндавѣ" („Отклики совр." № 2 с. 155). Рядомъ съ разстрѣломъ другимъ карательнымъ средствомъ былъ поджогъ крестьянскихъ усадебъ.

Въ результатѣ нашествія этой дикой орды въ январѣ, которымъ помѣчена корреспонденція, не было „почти ни одной волости въ краѣ, гдѣ не виднѣлись бы развалины сожженныхъ усадебъ, не было почти ни одного кладбища, гдѣ не поднимались бы свѣжія могилы убитыхъ" (ib., с. 157).

Въ гораздо большей степени можно говорить о вооруженномъ возстаніи на другой окраинѣ—въ Сибири, но только потому, что тамъ въ возстаніи принимали участіе войска.

Сибирскія возстанія стали возможны, благодаря тому состоянію, въ которое пришла армія послѣ войны. „Всѣ три громадныя манчжурскія арміи, сосредоточенныя къ юговостоку и западу отъ Харбина и въ самомъ Харбинѣ, представляли собой въ военномъ отношеніи лагерь полнаго растлѣнія... Начальствующіе потеряли всякую власть надъ нижними чинами: послѣдніе не исполняли ихъ приказаній, при встрѣчѣ не отдавали чести и совершенно открыто ругали ихъ самой площадной руганью"

(Машинъ, въ Манчжурскихъ арміяхъ, „Отклики Современности“, № 2, с. 117, 118),

„Цѣлый рядъ пораженій и мукденское отступленіе привели къ полной дезорганизаціи арміи... Въ сѣрую солдатскую массу проникаетъ критическое отношеніе ко всей манчжурской авантюрѣ, возникаетъ до извѣстной степени ясное и отчетливое пониманіе всей безсмыслицы и ненужности войны“ („Революція и контръ-революція въ Сибири“, статья Д. Зайцева въ „Невскомъ Сборникѣ, с. 197).

При такомъ состояніи арміи рабочее и желѣзнодорожное движеніе, разлившееся въ Сибири по линіи желѣзной дороги, не могло не оказывать на армію самаго сильнаго революціонизирующаго вліянія. „Броженіе въ арміи достигло крайнихъ предѣловъ, и то здѣсь то тамъ начали кристаллизоваться солдатскія организаціи, отчасти болѣе или менѣе самостоятельно, но главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ привносимой извнѣ революціонной пропаганды“ (Машинъ, ib., с. 119).

„Движеніе въ войскахъ съ передовыхъ позицій манчжурской арміи распространялось въ глубокій тылъ, вовлекая въ движеніе запасные сибирскіе батальоны, расположенные въ городахъ Зап. Сибири. Въ Читѣ и Иркутскѣ, которые служили опорными пунктами военныхъ дѣйствій, движеніе среди войскъ было наиболѣе интенсивнымъ, наиболѣе сознательнымъ“ (Зайцевъ, ib., с. 202).

Особенно было сильно движеніе въ Читѣ. Подъ вліяніемъ революціонной пропаганды образовался въ Читѣ „Совѣтъ Солдатскихъ и Казачьихъ депутатовъ Читинскаго гарнизона“. Движеніе солдатъ распространилось и на офицеровъ, которые образовали „Союзъ военно-служащихъ Читинскаго гарнизона“. Обѣ эти военныя организаціи дѣйствовали солидарно и поддерживали между собой постоянныя организованныя сношенія.

Городъ оказался во власти революціонно настроенныхъ рабочихъ и солдатъ. То же самое случилось и въ цѣломъ рядѣ другихъ городовъ Забайкалья. Дальнѣйшее движеніе привело къ тому, что „вся власть—административная и отчасти военная—въ Забайкальѣ фактически перешла въ руки народа. Со 2-го декабря начались совмѣстныя дѣйствія городской милиціи и полиціи, причемъ послѣдняя заняла подчиненное положеніе. Желѣзнодорож-

ные стачечные комитеты управляли дорогой и совмѣстно съ делегатами солдатскихъ комитетовъ и союза военнослужащихъ завѣдывали эвакуаціей войскъ. Военныя власти вступили съ ними въ оффиціальныя сношенія, предоставили имъ свои права и обязанности и стушевались" (Д. Зайцевъ, ib., с. 222).

Въ руки организованныхъ солдатъ и рабочихъ перешли и такіе крупные города восточной Сибири, какъ Иркутскъ и Красноярскъ.

Но вся эта, вчера только революціонизировавшаяся, солдатская масса была крайне ненадежна. Ненадежность ея не могли не чувствовать и революціонеры, и этимъ въ значительной степени объясняется, по справедливому мнѣнію Глумова („Къ декабрьскимъ днямъ", „Отклики Совр.", № 2, с. 152), неувѣренность, которая была замѣтна въ ихъ дѣйствіяхъ. „Вотъ почему, говоритъ онъ, мы видимъ въ сущности полузахватъ городовъ, не видимъ серьезной попытки распространить возстаніе за предѣлы Сибири" (ib).

Машинъ даетъ слѣдующую характеристику захваченной революціей солдатской массѣ: „Если не говоритъ объ единицахъ, не было среди нихъ такихъ элементовъ, которые захотѣли бы поднять активное знамя возстанія. Самое большее, на что способны были солдаты, это—вооруженное сопротивленіе, но ни въ коемъ случаѣ не вооруженное нападеніе. Но и этихъ самыхъ революціонныхъ элементовъ все же было меньшинство. Значительное большинство представляло собой пассивную массу, которая, независимо отъ своихъ симпатій и антипатій, немедленно примыкала къ сторонѣ, проявившей или могущей проявить большую силу. Стоило лишь появиться на сцену орудіямъ и пулеметамъ, какъ эта самая значительная часть солдатской массы способна была лишь на то, чтобы попрятаться и выжидать дальнѣйшихъ событій. Какъ ни старалась революціонная агитація, ей все же пока не удалось вбить въ голову солдата ту, какъ казалось ей простую мысль, что зло солдатской жизни зависитъ отъ основного зла всей русской жизни" (ib., с. 126 и 127).

При такихъ условіяхъ подавленіе всѣхъ сибирскихъ возстаній было сравнительно легкой вещью.

Когда въ Иркутскѣ наступилъ рѣшительный моментъ, подвергавшіеся революціонному воздѣйствію солдаты, „отказываясь

стрѣлять въ толпу, не присоединились къ народу. Въ Иркутскъ пришли части дивизіи ген. Левестрома—Красноярскій и Енисейскій полки, которые впервые прибѣгли къ дѣйствію огнестрѣльнаго оружія... Пулеметы, стрѣльба пачками и казаки разсѣяли сопротивленіе боевыхъ дружинъ рабочихъ и части солдатъ" (ib., с. 228).

Сходное явленіе произошло и въ Красноярскѣ. Когда войска того же Левестрома прибыли туда для усмиренія,—„въ войскахъ гарнизона произошелъ расколъ: часть войскъ отпала отъ возставшихъ и, не присоединяясь къ правительственнымъ войскамъ, отказалась однако дѣйствовать противъ нихъ. Двѣ роты желѣзнодорожнаго батальона и около тысячи рабочихъ-дружинниковъ заперлись и забаррикадировались въ сборно-паровозномъ цехѣ жел.-дор. мастерскихъ" (ib., с. 229). Въ концѣ концовъ имъ конечно пришлось сдаться.—То же повторилось и въ Читѣ и другихъ городахъ Забайкалья.

Сибирское движеніе чрезвычайно интересно для характеристики тѣхъ перспективъ, которыя могли существовать для декабрьскаго возстанія. Условія для возстанія въ Сибири были болѣе благопріятны, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Въ цѣломъ рядѣ мѣстъ солдаты перешли на сторону народа. Но Сибирское движеніе показало, что даже переходъ значительной части войска не гарантируетъ еще успѣха возстанія, что даже для того войска, которое испытало на себѣ всѣ ужасы и всю нелѣпость манчжурской кампаніи, болѣе или менѣе кратковременнаго революціоннаго воздѣйствія недостаточно для того, чтобы сдѣлать его сколько-нибудь надежнымъ оплотомъ революціи. При появленіи серьезныхъ правительственныхъ силъ, эти только что революціонизировавшіеся солдаты измѣняли дѣлу революціи и, если не переходили на сторону правительства, то во всякомъ случаѣ легко отказывались отъ всякаго активнаго сопротивленія и сдавались.

Переходя теперь къ главному центру всего декабрьскаго движенія въ Москвѣ, мы можемъ сказать, принимая во вниманіе картину всего движенія въ Россіи, что если бы даже тѣ четыре пѣхотныхъ полка, которые волновались непосредственно передъ декабрьской забастовкой, перешли на сторону народа, то и тогда очень мало былъ бы гарантированъ успѣхъ возстанія. Никакихъ

серьезныхъ попытокъ возстанія нигдѣ въ Россіи, какъ мы видѣли, не было, въ Петербургѣ движеніе было совершенно слабо, желѣзныя дороги вокругъ Петербурга работали. Изъ той массы войскъ, которыя сосредоточены въ Петербургѣ, значительная часть могла быть немедленно отправлена въ Москву. Для подавленія возстанія немедленно могла быть направлена и та армія, которая усмиряла латышей, такъ какъ никакого возстанія въ Латышскомъ краѣ, камъ мы видѣли, не было. И наша невѣжественная и некультурная армія, та армія, которая рядомъ съ отдѣльными революціонными вспышками, давала примѣры неслыханнаго звѣрства во время еврейскихъ погромовъ и карательныхъ экспедицій, врядъ ли въ своей массѣ измѣнила бы правительству. Для этого нужны были бы во всякомъ случаѣ исключительныя условія—единодушіе городского движенія, возстаніе крестьянства. Ни того, ни другого не было въ декабрѣ. И если бы вся Москва оказалась въ рукахъ возставшихъ солдатъ и рабочихъ, черезъ нѣкоторое время она взята была бы приступомъ и такъ же, какъ въ сибирскихъ городахъ, возставшіе солдаты измѣнили бы революціи и не оказали бы сопротивленія правительственнымъ войскамъ.

Но даже временный успѣхъ возстанія въ Москвѣ былъ невозможенъ, разъ войска не перешли на сторону народа. Это въ началѣ московскаго движенія понимали и руководящіе его элементы. Останавливаясь надъ перспективами возстанія, „Извѣстія Совѣта Рабочихъ Депутатовъ“ рѣшающее значеніе придавали поведенію войскъ. И первые дни забастовки въ Москвѣ дѣлались попытки вовлечь солдатъ въ движеніе. Нѣсколько разъ толпы народа направлялись къ казармамъ, но попытки эти не имѣли успѣха (Москва въ декабрѣ, с. 154 и 155). Можно было надѣяться, что дальнѣйшее движеніе, приведя массу народа въ соприкосновеніе съ войсками поколеблетъ ихъ. Но дальнѣйшій ходъ московскаго возстанія былъ таковъ, что не ослаблялъ, а усиливалъ рознь между населеніемъ и войсками.

Началась декабрьская забастовка въ Москвѣ чрезвычайно дружно. На второй день забастовки 8-го числа „стали почти всѣ промышленныя и торговыя заведенія“ (ib., с. 33), 9-го „фабрики и заводы стали совсѣмъ, прекратили работу и мелкія промышленныя заведенія; забастовали послѣднія 14 предпріятій въ Лефор-

товѣ“ (с. 40). Повсюду происходили огромные митинги. Агрессивныя дѣйствія администраціи выразились 8-го числа въ осадѣ Акваріума, гдѣ происходилъ огромный митингъ, 9-го въ разгромѣ дома Фидлера, гдѣ войскамъ было приказано арестовать находившихся въ немъ дружинниковъ.

9-го же произошла первая постройка баррикадъ. Толчкомъ къ постройкѣ баррикадъ послужилъ разстрѣлъ толпы на Страстной площади драгунами.

10-го съ утра было нѣсколько небольшихъ стычекъ дружинниковъ съ драгунами и на углу Садовой и Тверской была возстановлена разрушенная наканунѣ баррикада. Массы народа повсюду толпились на улицахъ.

Въ часъ дня Дубасовъ для усмиренія Москвы совершаетъ нѣчто совершенно дикое и ни съ чѣмъ несообразное. На Страстную площадь привозятся 4 орудія, которыя начинаютъ стрѣлять по всѣмъ направленіямъ, убивая массу совершенно ни въ чемъ неповиннаго народа. „Вскорѣ и очевидно подъ вліяніемъ первыхъ пушечныхъ выстрѣловъ началась лихорадочная постройка баррикадъ“ (с. 16).

11-го положеніе въ Москвѣ рисуется въ слѣдующемъ видѣ. «Забаррикадированы районы Бронной, Грузинъ, Долгоруковской, Срѣтенки и Покровки, Цвѣтной бульваръ, Екатерининскій паркъ“. Центръ свободенъ отъ баррикадъ. Тѣ, которыя строились раньше, разрушены. Солдаты неистовствуютъ. „Съ ранняго утра 11-го декабря пальба — и орудійная и ружейная — раздавалась по всему городу“. Попрежнему разстрѣливаютъ направо и налѣво, считая очевидно непріятелемъ все московское населеніе. 11-го начинаетъ опредѣляться характеръ движенія. Начинаются партизанскія дѣйствія. Баррикады строило все населеніе. Защищаютъ ихъ и совершаютъ изъ-за баррикадъ обстрѣлы отрядовъ войскъ нѣсколько сотъ дружинниковъ. Начинается „активная борьба“, но массы въ ней не участвуютъ. Вначалѣ массы проявляли извѣстную активность. Онѣ принимали участіе въ митингахъ, коегдѣ устроивались демонстраціи, и совершались шествія къ казармамъ. Теперь съ началомъ „активной борьбы“ невооруженнымъ массамъ нечего дѣлать, за нихъ поведутъ борьбу нѣсколько сотъ дружинниковъ. И Исполнительная Комиссія Московскаго Комитета Р. С. Д. Р. П. 12-го прямо предлагаетъ „массамъ сидѣть

по домамъ, митинговъ, демонстрацій не устраивать во избѣжаніе массоваго разстрѣла“ (ib., с. 143).

Вначалѣ, какъ мы видѣли, и руководящіе элементы московскаго движенія понимали, что успѣхъ возстанія можетъ быть обезпеченъ только при переходѣ войска на сторону народа. Съ другой стороны этотъ переходъ могъ бы явиться только результатомъ непосредственнаго соприкосновенія войска съ массами народа. Но характеръ начавшейся борьбы исключаетъ это соприкосновеніе. Войска, даже тѣ полки, которые волновались передъ декабрьской забастовкой, съ самаго начала не обнаруживали желанія перейти на сторону народа. Уже 10-го числа волновавшіеся раньше ростовцы встрѣтили у своихъ казармъ толпу рабочихъ ружейнымъ огнемъ (с. 199). Но вначалѣ были отдѣльные случаи, когда войска отказывались стрѣлять въ толпу (ib., с. 43, 66, 205).

По мѣрѣ развитія дальнѣйшей борьбы настроеніе солдатъ рѣзко измѣняется въ сторону все большаго и большаго озлобленія противъ начавшагося движенія. Сильно дѣйствуетъ черносотенная агитація, которая непрерывно ведется въ казармахъ, находя себѣ благодарную почву въ темнотѣ и невѣжествѣ солдатской массы. Распространяются самыя невѣроятныя свѣдѣнія о задачахъ и цѣляхъ движенія и находятъ себѣ вѣру (с. 199). Въ то же время войско теперь нигдѣ не соприкасается, какъ въ первые дни, съ толпой народа и оттуда не раздается слово убѣжденія. Населеніе выступаетъ передъ солдатами въ видѣ подстерегающихъ ихъ повсюду изъ-за угла дружинниковъ. Черносотенная агитація и борьба дружинниковъ доводитъ ихъ до полнаго озвѣренія. Предполагая по своему невѣжеству и оторванности отъ населенія во всякомъ жителѣ революціонера, солдаты всякаго штатскаго начинаютъ принимать за врага. Этимъ въ значительной степени объясняется ихъ звѣрское отношеніе къ населенію“ (с. 202). „Одинъ офицеръ Ростовскаго полка говоритъ, что, проходя съ патрулями по Сухаревой-Садовой, онъ едва удерживалъ солдатъ отъ стрѣльбы. И безъ того обозленные, солдаты выходили изъ себя, когда въ нихъ сыпались пули дружинниковъ. Они готовы были стрѣлять прямо по толпѣ. Только присутствіе въ ней женщинъ и дѣтей помогло офицеру, по его словамъ, сдержать солдатъ, которые просто молили: „Ваше благородіе, дозвольте стрѣлять!“

(с. 202). Войска проникались ненавистью къ населенію, разстрѣливая его направо и налѣво. Населеніе проникалось тѣмъ же чувствомъ по отношенію къ войскамъ и сочувствіемъ по отношенію къ дружинникамъ. Но отъ этого возстаніе впередъ не двигалось. Значительные районы города, покрытые баррикадами, и постоянныя перестрѣлки дружинниковъ съ войсками создавали иллюзію борьбы. А то обстоятельство, что баррикадами городъ былъ усѣянъ въ теченіе нѣсколькихъ дней, создало во многихъ легкомысленныхъ товарищахъ убѣжденіе, что возможна борьба народа съ войскомъ. На самомъ дѣлѣ каково было положеніе дѣлъ? Войскъ, которыми Дубасовъ располагалъ вначалѣ, было совсѣмъ немного. Въ виду того, что нѣкоторые полки считались ненадежными въ силу происходившихъ тамъ волненій, въ первые дни для активныхъ операцій Дубасовъ могъ выдвинуть только 1600—1800 солдатъ всѣхъ родовъ оружія (с. 196). Что сдѣлалъ съ этими войсками Дубасовъ? Онъ локализировалъ баррикады, онъ освободилъ отъ нихъ центръ и отвелъ ихъ къ окраинамъ.

Это все, что онъ могъ сдѣлать первое время. Уничтожить баррикады повсюду съ такимъ малымъ количествомъ войскъ онъ не могъ, такъ какъ мало было уничтожить баррикады, нужно было занять соотвѣтственныя мѣста войсками, на что у него не было силъ. Но, локализировавши баррикады, онъ сдѣлалъ дальнѣйшую борьбу совершенно безнадежной. Дружинники могли сколько угодно сидѣть за баррикадами и перестрѣливаться оттуда съ войсками, но никакого развитія возстанія, никакого движенія къ побѣдѣ отъ этого не получалось, а, напротивъ, подготовлялось вѣрное и несомнѣнное пораженіе.

„Къ 15-му декабря въ соотношеніи силъ противниковъ произошла глубокая перемѣна. Дружинники изнемогали и ряды ихъ все болѣе рѣдѣли. Войска же увеличивались въ числѣ, какъ за счетъ прибывшихъ подкрѣпленій изъ другихъ городовъ, такъ и благодаря тому, что все большія и большія части московскаго гарнизона принимали участіе въ активныхъ операціяхъ. Обыватель уставалъ, настроеніе рабочихъ массъ сильно шло на убыль, вѣра въ побѣду изсякла“ (с. 97). Одновременно два фактора, положительный и отрицательный, обезпечивающіе побѣду Дубасову, шли другъ другу навстрѣчу. Съ одной стороны войска увеличивались и теперь можно было не только

уничтожить баррикады, но и занимать соотвѣтственныя мѣста патрулями. Съ другой стороны и населеніе и дружинники устали отъ баррикадной борьбы и начали проникаться сознаніемъ полной ея безцѣльности. Уже въ ночь на 14-ое декабря „Группа" (центръ „меньшевиковъ") „константировала ослабленіе настроенія и, исходя изъ того, что переходъ войскъ на сторону народа возможенъ только при подъемѣ массъ, и что безъ перехода войскъ побѣда немыслима—постановила, что забастовку слѣдуетъ прекратить" (с. 143).

Представители „меньшинства" впрочемъ не выдвигали этого рѣшенія на засѣданіи Совѣта Депутатовъ, бывшемъ 15-го декабря, поддавшись общему боевому настроенію Совѣта. Но, несмотря на это боевое настроеніе Совѣта, на этомъ же засѣданіи докладчикамъ приходилось констатировать, что настроеніе массы падаетъ и что на нѣкоторыхъ фабрикахъ уже стали на работу. Въ донесеніяхъ районныхъ организаторовъ (соц.-дем. орг.) за это время констатируется тоже исчезновеніе энтузіазма, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (на Замоскворѣчьѣ) повальное бѣгство рабочихъ въ деревню. Ничего другого и не могло получиться при томъ характерѣ борьбы, который опредѣлился съ 11-го числа. Массы, осужденныя на полное бездѣйствіе, вынужденныя пассивно созерцать, какъ дружинники ведутъ безцѣльную партизанскую борьбу съ войсками, загораться огнемъ энтузіазма не могли, а должны были терять и то воодушевленіе, которое у нихъ было вначалѣ.

Движеніе шло къ своему неизбѣжному концу. Баррикады начали разбираться самимъ населеніемъ и 15-го декабря Исполнительный Комитетъ и Московскій Комитетъ постановили окончить забастовку 19-го декабря. Постановленіе это состоялось послѣ того, какъ рядъ фабрикъ уже сталъ на работу.

Широкое движеніе рядомъ съ Москвой охватило въ декабрьскіе дни также и прилегающій къ Москвѣ промышленный районъ. Забастовка охватила рядъ заводскихъ центровъ, въ рядѣ мѣстъ образовались Совѣты Депутатовъ, образовывались также боевыя дружины, завязывались сношенія съ солдатами. Желѣзнодорожныя станціи находились въ рукахъ дружинниковъ, на обязанности которыхъ лежала охрана пути и станцій отъ порчи и разграбленій. Движеніе поѣздовъ, когда оно происходило, напр. для перевозки войскъ, находилось всецѣло въ рукахъ желѣзнодорожнаго союза.

Правительство отвѣтило на декабрьское движеніе въ Москвѣ и окрестностяхъ такъ же, какъ и въ другихъ мѣстахъ, самой звѣрской, безчеловѣчной расправой. На Семеновскій полкъ, прибывшій изъ Петербурга, возложена была спеціальная задача—терроризировать населеніе. Семеновцы брали Прѣсню, въ которой движеніе было сильнѣе всего и держалось дольше, чѣмъ въ остальной Москвѣ. Расправившись съ Прѣсней, разрушивши нѣсколько домовъ пушками и разстрѣлявши массу ни въ чемъ неповинныхъ людей, они отправились по линіямъ желѣзныхъ дорогъ и повсюду разстрѣливали массу народа какъ по спискамъ, изготовленнымъ въ Охранномъ отдѣленіи, такъ и безъ всякихъ списковъ, сплошь и рядомъ по совершенно случайнымъ поводамъ.

Мы разсмотрѣли всѣ наиболѣе крупные факты декабрьскаго движенія и, подводя ему итоги, мы должны отмѣтить, что если въ рядѣ городовъ движеніе въ декабрѣ оказалось значительно сильнѣе, чѣмъ въ октябрѣ, какъ напр. въ Москвѣ, Одессѣ, Ростовѣ, Донецкомъ районѣ, то за то другія мѣста, именно тѣ, въ которыхъ движеніе было наиболѣе сильно въ октябрѣ, Петербургъ, Польша, Харьковъ, Екатеринославъ, теперь приняли или очень слабое, или во всякомъ случаѣ болѣе слабое участіе въ движеніи, чѣмъ въ октябрѣ. Желѣзнодорожная забастовка была слабѣе и менѣе дружна, чѣмъ въ октябрѣ, хотя и начиналась дружнѣе. Масса интеллигенціи принимала теперь гораздо меньше участія въ движеніи, а крупная буржуазія относилась къ нему прямо враждебно. Въ общемъ декабрьская забастовка, несмотря на баррикады, столкновеніе съ войсками, захватъ отдѣльныхъ городовъ и станцій, была слабѣе октябрьской. Перейти же въ народное возстаніе, въ чемъ и заключался весь смыслъ этой забастовки, ей не удалось. Возстанія широкихъ народныхъ массъ нигдѣ не было, хотя въ Москвѣ и другихъ мѣстахъ масса населенія явно сочувствовала дружинникамъ въ ихъ борьбѣ съ войсками и оказывала имъ поддержку. Нигдѣ, кромѣ Сибири, не наблюдалось и перехода войскъ на сторону народа, безъ котораго побѣдоносное возстаніе немыслимо. Но если не было настоящаго народнаго возстанія, то были всѣ ужасы его; кровь лилась ручьемъ, безоружное населеніе разстрѣливалось, предавались разгрому и уничтоженію дома и имущество. Все это не могло не оставить самый глубокій слѣдъ въ населеніи. Движеніе декабрьское вдвойнѣ потерпѣло пораженіе: оно не удалось, какъ возстаніе, но въ то же время было такъ же безпощадно раздавлено, какъ возстаніе. Это двойное пораженіе должно было гнетущимъ образомъ подѣйствовать на охваченное движеніемъ населеніе и создать въ немъ въ высшей степени неблагопріятную психологическую почву для всякихъ призывовъ въ будущемъ къ возстанію.

При этомъ особенно звѣрская расправа правительства съ желѣзнодорожными служащими и рабочими, которые разстрѣливались направо и налѣво ѣздившими по желѣзнымъ дорогамъ карательными экспедиціями, сдѣлала для будущаго почти невозможной желѣзнодорожную забастовку безъ одновременнаго возникновенія возстанія.

Декабрьское пораженіе, такимъ образомъ затруднивши въ будущемъ возникновеніе возстанія, крайне затруднило для революціи возможность пользоваться и своимъ старымъ орудіемъ—всеобщей забастовкой.

Получился заколдованный кругъ: возстаніе легче всего и скорѣе всего можетъ возникнуть при сильномъ развитіи всеобщей забастовки, но съ другой стороны забастовка для того, чтобы получить сильное развитіе, нуждается послѣ декабрьскаго пораженія въ одновременномъ возникновеніи возстанія.

Революція въ концѣ концовъ разорветъ вѣроятно этотъ заколдованный кругъ, но на всемъ дальнѣйшемъ ходѣ и развитіи революціи будетъ чувствоваться тотъ глубокій психологическій слѣдъ, который въ широкой массѣ населенія оставило послѣ себя декабрьское пораженіе.

6.

Послѣ декабрьскаго пораженія.

Послѣ декабрьскаго пораженія наступилъ 1906 годъ, ужасный годъ карательныхъ экспедицій, военно-полевыхъ судовъ, непрерывныхъ казней, самаго необузданнаго произвола. Въ эту тяжелую атмосферу насилія и произвола ворвался лучъ свѣта: народное представительство встало противъ бюрократіи и, казалось, начало собирать вокругъ себя народъ для рѣшительнаго натиска на силы стараго общества.

Но народное представительство исчезло, неуспѣвши сплотить вокругъ себя населеніе: Дума была разогнана послѣ 72 дней своего существованія, и въ Россіи снова настала тишина кладбища, нарушаемая только отъ времени до времени звуками правительственныхъ разстрѣловъ и выступленіями отдѣльныхъ террористическихъ одиночекъ. Среди этой могильной тишины происходитъ непрерывное, хотя и незамѣтное, движеніе среди пролетаріата, ростутъ профессіональные союзы, пользуясь той небольшой свободой, которая завоевана революціоннымъ 1905 годомъ, широкая масса сплачивается въ эти союзы вездѣ, гдѣ допускаетъ это произволъ администраціи, и активные, сознательные элементы пролетаріата находятъ тутъ приложеніе своимъ силамъ, своей энергіи. Если революція наша не кончилась, если теперешнее революціонное затишье смѣнится революціоннымъ подъемомъ, эта невидимая, незамѣтная работа сплоченія пролетаріата въ широкія профессіональныя организаціи окажетъ на ходъ и развитіе революціи сильнѣйшее вліяніе, но пока историку революціи съ ней нечего дѣлать. Въ 1906 году пролетаріатъ не игралъ активной революціонной роли и въ непосредственной, очевидно, связи съ этимъ и самъ 1906 годъ не было настоящимъ революціоннымъ годомъ. Этотъ несомнѣнный упадокъ революціи въ 1906

году явился естественнымъ слѣдствіемъ той позиціи, на которую сознательный пролетаріатъ сталъ въ дни свободы и отъ которой вполнѣ онъ не отрѣшился и до сихъ поръ.

Передовому отряду пролетаріата, соціальдемократической партіи трудно было оцѣнить все значеніе и смыслъ декабрьскаго пораженія. Трудно, потому что соціальдемократія привыкла до сихъ поръ исходить не изъ реальнаго анализа дѣйствительности, а изъ революціонныхъ иллюзій. Она никогда не владѣла до сихъ поръ не только революціей, но и тѣмъ слоемъ, среди котораго имѣла наибольшее вліяніе—пролетаріатомъ. Революціонный процессъ среди пролетаріата, хотя и находился подъ идейнымъ вліяніемъ соціальдемократіи, но развивался стихійно, совершенно независимо отъ воли, отъ тѣхъ или другихъ плановъ соціальдемократіи. Соціальдемократія привыкла къ чудесамъ, потому что чудесами ее постоянно награждала жизнь. Маленькій ручеекъ ея работы струится среди пролетаріата, и совершенно непропорціонально съ ея работой выростаютъ событія, съ теченіемъ времени все болѣе грандіозныя—харьковская маевка, ростовская стачка, всеобщая іюльская забастовка на югѣ. Въ самый критическій моментъ, когда зашевелились верхи общества, пролетаріатъ остается безмолвнымъ, поражая удивленіемъ соціальдемократію, а затѣмъ вспыхиваетъ событіе 9-го января, съ одной стороны странное по своимъ рабскимъ пережиткамъ, которыхъ соціальдемократія совсѣмъ не ожидала отъ передового петербургскаго пролетаріата, но съ другой стороны открывающее самыя грандіозныя перспективы по своему массовому характеру, по одушевленію охватившему самую широкую массу. Затѣмъ движеніе растетъ, ширится, соціальдемократія пріобрѣтаетъ въ немъ все большее участіе, но октябрьская забастовка вспыхиваетъ совершенно неожиданно, принимаютъ въ ней громадное участіе элементы имѣющіе очень мало общаго съ соціальдемократіей и даетъ она совершенно непредвидѣнный результатъ — побѣду 17 октября. Октябрьская забастовка отдаетъ наконецъ пролетаріатъ въ руки соціальдемократіи, соціальдемократія становится какъ будто дѣйствительно идейнымъ вождемъ и руководителемъ пролетаріата.

Но развѣ мыслимо было ожидать, что она, привыкшая ко всякимъ неожиданностямъ, воспитанная чудесами стихійнаго революціоннаго процесса, что она способна будетъ хладнокровно

взвѣшивать свои силы и расчитанно вести пролетаріатъ къ его цѣли? Дитя стихійнаго процесса, вынесшаго ее наверхъ и призвавшаго къ дѣйствію, она дѣйствовала по его образу и подобію. Сознаніе могущества охватило ее, она не могла, неспособна была найти границы своимъ силамъ и дѣйствовала такъ, какъ будто этихъ границъ не существовало. Она предоставила жизни своей грубой, жестокой рукой намѣтить эти границы. Жизнь начала намѣчать ихъ, но она же дарила новыми сюрпризами, новыми неожиданностями, и очертанія границъ становились блѣдными, неясными.

Петербургъ, тотъ рабочій Петербургъ, который такъ одушевленно поддерживалъ свой совѣтъ депутатовъ, измѣнилъ ему, не поддержалъ его, когда грубая рука полиціи остановила его дѣятельность. Это ли не тяжелый урокъ, это ли не самый рѣзкій ударъ той самонадѣянности, съ которою говорила и дѣйствовала отъ лица пролетаріата соціальдемократія, завладѣвшая Совѣтомъ. Но рядомъ съ этимъ поразительно дружныя стачки въ Москвѣ и нѣкоторыхъ другихъ городахъ, постройка баррикадъ массой московскаго населенія, борьба дружинниковъ съ войсками. А тамъ летятъ вѣсти изъ другихъ мѣстъ, Ростова, Донецкаго бассейна, Сибири. Жизнь упорно оставляетъ соціальдемократію въ мірѣ чудесъ. Соціальдемократія не владѣла до сихъ поръ ни однимъ революціоннымъ выступленіемъ, и жизнь ее постоянно дарила сюрпризами. Она не въ состояніи была поэтому учесть декабрьскій опытъ, осмыслить декабрьское пораженіе. Она въ значительной своей части даже не соглашалась признать его пораженіемъ.

Въ сборникѣ „Текущій моментъ" вышедшемъ въ началѣ 1906 года, Рожковъ признаетъ его только „формальнымъ" пораженіемъ и при томъ такимъ, которое „удваиваетъ силы революціи" („Тек. моментъ, с. 6).

Увы, теперь послѣ года самаго наглаго издѣвательства надъ народомъ старой власти приходится констатировать, что декабрьское пораженіе не удвоило силы революціи, и нанесло сильнѣйшій ударъ. Декабрьское пораженіе закончило собой революціонный періодъ, задачи революціи остаются неразрѣшенными, бюрократія цѣпкими руками держится за власть, и неизвѣстно, когда начнется снова могучій процессъ народнаго движенія и начнется

ли онъ въ ближайшемъ будущемъ. И оглядываясь назадъ, нельзя не найти, что и ожидать отъ широкой массы пролетаріата непрерывной революціонной стойкости и отчаяннаго сопротивленія натиску бюрократіи мы не имѣли никакихъ основаній. Вѣдь это масса, какъ мы видѣли, только вчера еще начала превращаться въ болѣе или менѣе сознательную революціонную силу. Январское движеніе 1905 года застало ее еще чрезвычайно малосознательной, на чрезвычайно низкомъ уровнѣ политическаго развитія. Не могла она поэтому особенно высоко стоять и въ концѣ 1905 года. И то, что петербургскій пролетаріатъ не поддержалъ свой совѣтъ въ критическій моментъ, или что среди значительной части московскаго пролетаріата наблюдалось бѣгство въ деревню во время декабрьскаго возстанія, служитъ этому яркимъ подтвержденіемъ. И нѣтъ ничего удивительнаго, что неудачи декабрьскаго возстанія и жестокія правительственныя репрессіи подѣйствовали на эту массу самымъ подавляющимъ образомъ.

Привычка къ чудесамъ, помѣшавшая соціальдемократіи разглядѣть этотъ результатъ декабрьскаго пораженія, помѣшала ей оцѣнить и другія его стороны.

Октябрьская побѣда поставила, какъ мы уже говорили, передъ пролетаріатомъ вопросъ: что должно быть ближайшимъ этапомъ революціи—учредительное собраніе, созванное революціоннымъ путемъ, или дума созванная старой властью. Сознательный пролетаріатъ отвѣтилъ на этотъ вопросъ—„учредительное собраніе, созванное революціоннымъ путемъ" и началъ развивать дѣятельность, неизбѣжнымъ результатомъ которой явилось декабрьское пораженіе. Декабрьское пораженіе показало несостоятельность позиціи, занятой сознательнымъ пролетаріатомъ. Въ декабрѣ не было дружнаго натиска массы населенія на силы стараго режима; даже передовой городской пролетаріатъ не удалось весь мобилизовать для этой цѣли, даже онъ дѣйствовалъ недружно; сочувствіе, которымъ дарило борьбу дружинниковъ масса московскаго населеніе обязано было скорѣй дикимъ, безсмысленнымъ дѣйствіямъ асова, чѣмъ опредѣленному революціонному настроенію; масса городского населенія въ остальной Россіи относилось индиферентно, а значительная ея часть прямо враждебно къ движенію пролетаріата, крестьянство въ своей массѣ осталось чуждо этому движенію, а армія въ своемъ большинствѣ оказывалась

вѣрнымъ оплотомъ старой власти и самымъ звѣрскимъ образомъ расправлялась съ революціонерами. Революція, своимъ движеніемъ расшатавшая старый режимъ, оказалась еще поразительно слабой передъ задачей полнаго ниспроверженія этого режима, она оказалась безсильной вырвать власть у бюрократіи.

Декабрьское движеніе показало, что только незначительная часть населенія не желаетъ итти ни въ какія сдѣлки, ни въ какіе компромиссы со старой властью. Сознательному пролетаріату оставалось такимъ образомъ занять по отношенію къ остальной массѣ населенія ту же позицію, которую соціальдемократія заняла передъ 9-мъ января по отношенію къ массѣ петербургскаго пролетаріата.

Петербургская соціальдемократія въ январѣ 1905 г. вступила на ту почву, на которой стоялъ тогда пролетаріатъ, и стремилась двинуть пролетаріатъ возможно дальше, довести его до возможно болѣе рѣзкаго столкновенія со старой властью. Точно также соціальдемократія и руководимый ею пролетаріатъ во всей Россіи должны были стать на почву уступокъ правительства, на почву созываемой имъ Думы, съ тѣмъ, чтобы двигать массу населенія возможно дальше по пути демократическихъ требованій и подготавливать такимъ образомъ рѣшительный конфликтъ ея со старой властью. Другой почвы въ этотъ моментъ не существовало для дальнѣйшаго развитія революціи, но это не помѣшало соціальдемократіи по этому вопросу держаться совершенно другого мнѣнія.

Чрезвычайно характерно для отношенія соціальдемократіи къ окружающей дѣйствительности въ этотъ моментъ,—ея убѣжденіе, что созываемая Дума окажется черносотенной. Неизбѣжность черносотеннаго состава Думы была однимъ изъ основаній тогда отказа отъ выборовъ. Тотъ тов. Рожковъ, котораго мы разъ уже цитировали, констатируя въ „Текущемъ моментѣ" видимое пораженіе революціи, ставитъ ироническій вопросъ: „Пораженіе полное. Не правда ли? Не пойти ли въ самомъ дѣлѣ въ черносотенную Думу, которую правительство наполнитъ своими клевретами, и не взять ли на себя въ ней роль мирной, легальной, донкихотствующей оппозиціи, всегда безнадежной и возбуждающей жалость въ друзьяхъ и презрѣніе въ врагахъ?" (с. 3) Почему же существовало это убѣжденіе въ черносотенномъ составѣ

Думы? Это убѣжденіе обыкновенно мотивировалось просто той системой произвола, которое воцарилась при Витте—Дурново, тѣмъ давленіемъ на избирателей, тѣмъ насиліемъ на выборахъ которыхъ съ увѣренностью можно было ожидать отъ этихъ новыхъ палачей Россіи. Говорившіе съ увѣренностью о черносотенномъ характерѣ Думы не могли конечно разсчитывать на то, что масса населенія станетъ бойкотировать выборы. Они не питали просто къ ней этого довѣрія, они ставили ее такъ низко, что считали возможнымъ для правительства путемъ насилія и давленія лѣпить изъ нея все, что угодно. Но это не мѣшало имъ въ то же время эту безвольную, послушную массу надѣяться завтра же вовлечь въ рѣшительную схватку со старой властью. Жизнь дарила столькими неожиданностями, что совершенно несоединимыя вещи очень легко соединялись въ головахъ соціальдемократовъ. Сегодня правительство можетъ не только физически задавить широкую массу населенія, но заставить ее путемъ тайнаго голосованія отказаться отъ своихъ требованій и выразить довѣріе своимъ палачамъ, а завтра эта масса можетъ пойти на штурмъ. Третья, средняя возможность, самая, казалось бы, вѣроятная, что масса населенія, будучи вовлечена въ выборы, не можетъ не понести туда свои кричащія нужны, свои страшныя страданія, что одни сознательно, другіе инстинктивно будутъ стремиться превратить Думу въ орудіе для осуществленія своихъ желаній, эта третья возможность казалась, какъ разъ, представителямъ нашей соціальдемократіи наименѣе вѣроятной.

Увлеченные стремленіемъ втянуть возможно скорѣе массу населенія въ вооруженное возстаніе, они создали себѣ новаго, воображаемаго врага—„конституціонныя иллюзіи". Масса крестьянства не имѣла никакого преставленія о конституціи, совершенно смутно представляла себѣ, что такое Дума, и чисто инстинктивно хваталось за нее, стремясь найти выходъ изъ своего отчаяннаго положенія, а наши увлекающіеся товарищи совершенно серьезно говорили о необходимости разсѣивать конституціонныя иллюзіи, будто бы существующія у крестьянства, и во имя этой задачи звали къ бойкоту Думы.

Этотъ практическій выводъ былъ бы нелѣпъ даже въ томъ случаѣ, если бы эти „конституціонныя иллюзіи", дѣйствительно существовали у крестьянства. Работа въ Думѣ, столкновеніе на

почвѣ Думы со старой властью были бы во всякомъ случаѣ лучшимъ средствомъ для разрушеніе этихъ иллюзій. Но на самомъ дѣлѣ крестьянству предстояло еще достигнуть той стадіи, при которой у нея могли появиться конституціонныя иллюзіи; ему нужна была Дума для того, чтобы отъ стихійной борьбы за землю и полусознательныхъ порываній къ волѣ перейти къ организованной политической борьбѣ за землю и волю и проникнуться необходимостью такой борьбы. Дума была самымъ лучшимъ средствамъ для вовлеченія крестьянства и отсталыхъ слоевъ пролетаріата въ сознательную политическую жизнь и слѣд., лучшимъ средствомъ для дальнѣйшаго развитія революціи.

Этотъ выводъ подсказывала жизнь, къ нему толкала декабрьское пораженіе, но соціальдемократія неохотно разставалась съ тѣми революціонными иллюзіями, которыя создались у нея въ дни свободы. Если тогда ей казалось, что такъ легко при крайне низкомъ уровнѣ развитія производительныхъ силъ, при земледѣльческомъ характерѣ Россіи, при преобладаніи въ населеніи отсталаго, неразвитого крестьянства, перейти въ ближайшемъ будущемъ не только къ демократической республикѣ, но и къ соціализму, то могла ли она такъ легко отказаться отъ возможности путемъ немедленнаго натиска низвергнуть господство бюрократіи и монархіи. Такъ или иначе, но декабрьское пораженіе оказалось недостаточнымъ для того, чтобы поколебать ту позицію, на которую стали соціальдемократія и сознательный пролетаріатъ въ дни свободы. Пораженіе въ декабрѣ было признано, какъ мы видѣли, формальнымъ; декабрьское движеніе, подарившее массой неожиданностей, вызывало ожиданіе новыхъ сюрпризовъ и казалось прелюдіей къ новымъ грандіознымъ событіямъ. То населеніе, которое, по мнѣнію большинства соціальдемократіи, стояло такъ низко, что изъ него легко было путемъ насилія и давленія выколотить черносотенную Думу, тѣмъ не менѣе въ самомъ недалекомъ будущемъ должно было пойти на штурмъ старой власти. Дума не стоитъ на большой дорогѣ революціи, заявлялась тогда рѣшительными противниками „конституціонныхъ иллюзій“. Ошибки имѣютъ свою логику. Ошибочная позиція, потерпѣвшая жестокое пораженіе въ декабрѣ, продолжала тѣмъ не менѣе владѣть соціальдемократіей и привела ее къ ошибочной тактикѣ бойкота. Такъ называемое „меньшинство“

въ партіи, относившееся до 17 октября болѣе реалистически къ дѣйствительности и отвергавшее бойкотъ даже по отношенію къ старой булыгинской думѣ въ теченіе дней свободы совершенно забыло свою меньшевистскую позицію и въ своемъ революціонномъ полетѣ значительно опередило даже „большинство".

Въ то время, какъ большевики грезили о диктатурѣ въ ближайшемъ будушемъ пролетаріата и крестьянства, органъ меньшевиковъ „Начало", опираясь на „элементъ случайности въ классовой борьбѣ" (!) смѣло выдвигалъ, какъ мы видѣли, въ качествѣ перспективы современной революціи диктатуру пролетаріата. Декабрьское пораженіе подѣйствовало отрезвляюще на многихъ сознательныхъ меньшевиковъ, заставило заговорить въ нихъ стары меньшевистскія традиціи. Но революціонныя иллюзіи настолько овладѣли партіей, что первые шаги пробуждающагося меньшевизма были чрезвычайно робки. Меньшевики не осмѣлились рѣшительно и до конца отвергнуть бойкотъ, они выдвинули половинчатую и двусмысленную формулу—участвовать въ выборахъ, но не затѣмъ, чтобы выбирать въ Думу, а затѣмъ, чтобы образовывать органы революціоннаго самоуправленія. Формула эта была совершенно безжизненна, и вездѣ, или почти вездѣ, гдѣ рабочая масса принимала участіе въ выборахъ, она конечно шла въ нихъ до конца. Благодаря своей безжизненности, формула эта не могла конкурировать съ проповѣдью послѣдовательнаго бойкота. Тактика полнаго бойкота выборовъ въ Думу и самой Думы стала тактикой огромнаго большинства партіи. Но она не стала ни тактикой огромнаго большинства населенія, ни даже огромнаго большинства пролетаріата. Всѣ слои населенія кромѣ пролетаріата принимали самое дѣятельное участіе въ выборахъ, среди же пролетаріата онъ почти повсюду захватилъ его организованные слои и только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ наиболѣе было сильно вліяніе соціальдемократіи, онъ захватилъ почти всю рабочую массу. Такъ очень успѣшно бойкотъ былъ проведенъ въ рабочей куріи въ Петербургѣ и Петербургской губ. Въ Петербургѣ 49% предпріятій совсѣмъ не выбирали уполномоченныхъ, а изъ рабочихъ остальныхъ 51% предпріятій въ выборахъ принимала участіе едва ли даже одна четвертая часть, (М. Б-овъ и Ф. Данъ. „Рабочіе депутаты въ первой Государственной Думѣ", с. 35). Еще болѣе удачно былъ проведенъ бойкотъ въ пригородахъ Петербурга, тамъ

70% предпріятій не приняло участія въ выборахъ (с. 34). Во всей Петербургской губ. этотъ процентъ равенъ — 54 [1]). Менѣе удачно прошелъ бойкотъ въ Москвѣ и Московской губ. Въ Москвѣ только 23% предпріятій не приняло участія въ выборахъ, а въ Московской губ. только 21%. Беря губерніи въ цѣломъ, слѣдуетъ отмѣтить, что кромѣ Петербургской губерніи какъ разъ наиболѣе промышленныя губерніи оказались слабѣе захваченными бойкотомъ. Въ то время, какъ такія малопромышленныя губерніи, какъ Харьковская, Херсонская и Кіевская даютъ % предпріятій, не участвовавшихъ въ выборахъ — 50, 33 и 30, такія промышленныя губерніи, сплошь наполненныя фабриками, заводами, копями, какъ Московская, Екатеринославская и Владимірская, даютъ ничтожный % предпріятій, не принимавшихъ участія въ выборахъ — 22 Московская, 17 Екатеринославская и только 15 Владимірская [2]).

На основаніи ряда фактовъ цитируемое сочиненіе такъ характеризуетъ отношеніе рабочей массы къ выборамъ:

„Несомнѣнно бойкотъ оказалъ самое сильное вліяніе на исходъ выборовъ. Онъ не только отвлекъ отъ избирательной борьбы самую лучшую, дѣятельную и сознательную часть рабочаго класса, но такъ или иначе направилъ отношеніе къ выборамъ и тѣхъ рабочихъ, которые не сочли нужнымъ бойкотировать Думу. Тамъ, гдѣ бойкотъ захватилъ широкіе слои рабочаго класса, немногочисленныя кучки малосознательнаго, темнаго люда всецѣло попадались въ руки черносотенныхъ верховодовъ; въ угоду мастерамъ, хозяевамъ и прочимъ сильнымъ фабричнаго міра, они

---

[1]) На стр. 32 цитируемой книги очевидно допущены опечатки. Изъ сопоставленія цифръ ясно, что общее число предпріятій въ Петерб. губ. показано ошибочно—320 вмѣсто 420, число предпріятій, не принявшихъ участія въ выборахъ, 127 вмѣсто 227 и % послѣднихъ предпріятій—39 вмѣсто 54.

[2]) Процентъ предпріятій, не участвовавшихъ въ выборахъ, не даетъ конечно точнаго представленія о степени распространенія бойкота, такъ какъ изъ примѣра Петербурга мы видѣли, что и въ тѣхъ предпріятіяхъ, которыя выбирали, въ выборахъ иногда принимало участіе только ничтожное количество рабочихъ; но тамъ гдѣ, бойкотъ получалъ широкое распространеніе, онъ захватывалъ и болѣе значительное количество предпріятій цѣликомъ, и если, напр., въ Москвѣ не принимало участія въ выборахъ только 23%, тогда какъ въ пригородахъ Петербурга этотъ % равенъ 70, то это несомнѣнно показываетъ, что въ Москвѣ бойкотъ былъ распространенъ значительно слабѣе.

отбывали выборную повинность и надѣляли званіемъ уполномоченнаго заклятыхъ враговъ рабочаго класса. Тамъ, гдѣ бойкотъ захватилъ только организованныхъ рабочихъ и мало коснулся рабочей массы, послѣдняя, оставшись безъ своихъ естественныхъ руководителей, избирала изъ своей среды наиболѣе сознательныхъ, толковыхъ товарищей“ (ib., с. 45). Какъ же отнеслись къ выборамъ въ Думу эти довѣренные широкой рабочей массы? „Уполномоченные Московской губ. выдвинули цѣлый рядъ непосредственныхъ нуждъ рабочаго класса, которыя депутатъ ихъ долженъ отстаивать въ Думѣ; уполномоченные промышленныхъ предпріятій г. Москвы, рѣшивъ, что незачѣмъ депутата ограничивать наказами, признали, что онъ долженъ защищать интересы рабочаго класса. Екатеринославскіе рабочіе одобрили соціальдемократическую программу, а наказъ, данный Михайличенку, перечисляетъ все тѣ же профессіонально-политическія нужды рабочихъ. Рабочіе фабрики Тихоміровыхъ въ Саратовѣ присоединяются къ соціальдемократической программѣ, урѣзывая ея политическія требованія; черкасскіе рабочіе, избиравшіе Вырового, указали ему на тѣ нужды, удовлетворенія которыхъ они ждутъ немедленно,—въ особенности государственнаго страхованія на случай старости. И даже владимірскіе уполномоченные, выдержавъ отчаянную атаку черной сотни, все же выбрали тѣхъ, которые, хотя бы и въ слабой степени, отстаивали политическія и экономическія нужды рабочаго класса. То же самое въ большей или меньшей степени повторялось повсюду. Рабочая масса, предоставленная въ силу бойкота собственнымъ силамъ, не встрѣчая руководительства и поддержки со стороны организованнаго пролетаріата, разрѣшила вопросъ о Думѣ такъ, какъ ей это казалось наиболѣе правильнымъ. Она выдвинула въ первую очередь тѣ свои нужды, которыя она испытываетъ ежедневно и ежечасно; она полагала, что эти нужды можетъ удовлетворить Дума, и потому поручила своимъ депутатамъ добиться отъ Думы ихъ удовлетворенія... Какъ крестьянство ждало отъ Думы земли и воли, такъ и сѣрая масса рабочихъ, исходя изъ своихъ профессіональныхъ нуждъ, ждала отъ Думы, что она принесетъ имъ свободу и удовлетвореніе этихъ нуждъ“ (ib. с. 45 и 46).

Тактика бойкота такимъ образомъ оказывала двойное дѣйствіе: въ сознательной части пролетаріата она вызывала враж-

дебное отношеніе къ Думѣ, а остальную, сѣрую массу предоставляла самой себѣ, оставляла ее съ смутными представленіями о значеніи Думы, съ наивными надеждами на нее. Тактикой бойкота соціальдемократія такимъ образомъ заранѣе ослабляла силу Думы въ ея предстоящей борьбѣ съ правительствомъ. Благодаря этой тактикѣ соціальдемократія не могла воспользоваться выборами для того, чтобы подготовить широкую рабочую массу къ дѣятельной активной поддержкѣ Думы, и въ то же время заранѣе лишала Думу этой поддержки со стороны сознательныхъ слоевъ пролетаріата.

А Дума помимо воли соціальдемократіи и вопреки ея предсказаніямъ становилась естественнымъ этапомъ движенія. Сѣрая масса пролетаріата, приказчики, мелкіе служащіе, мелкая городская буржуазія, интеллигенція и наконецъ крестьянство устремились на выборы и вмѣсто, ожидаемаго черносотеннаго дали оппозиціонный составъ Думы. Подъ вліяніемъ этихъ результатовъ выборовъ, ясно показавшихъ полную несостоятельность тактики бойкота, бойкотистское настроеніе въ партіи начало таять, меньшевики стали признавать тактику бойкота ошибочной отъ начала до конца, и объединительный съѣздъ партіи, собравшійся передъ самой Думой, рѣшительно отказался отъ бойкота Думы, призналъ неизбѣжность борьбы Думы съ правительствомъ и необходимость использовать эту борьбу для дальнѣйшаго развитія революціи, высказался за участіе въ выборахъ тамъ, гдѣ эти выборы еще не произошли и наконецъ призналъ необходимымъ образованіе соціальдемократической фракціи въ Думѣ. Резолюція въ этомъ смыслѣ прошла противъ довольно сильнаго „большевистскаго“ меньшинства, высказывавшагося за оправданіе бойкота, противъ образованія соціальдемократической фракціи въ Думѣ и предлагавшаго использовать Думу главнымъ образомъ для разоблаченія непослѣдовательности кадетовъ и для разжиганія борьбы между ними и „элементами крестьянской революціонной демократіи“.

„Меньшевизмъ“, пріобрѣвши большинство въ партіи, дѣлалъ отъ себя все зависящее, чтобы исправить ошибки бойкотистской тактики.

Благодаря усиліямъ меньшевиковъ удалось въ концѣ концовъ образовать соціальдемократическую фракцію въ Думѣ, уста-

новить взаимодѣйствіе между нею и широкой массой пролетаріата и привлечь вниманіе этой массы къ Думѣ и развивающейся въ ней борьбѣ. Но помимо тѣхъ трудно изгладимыхъ слѣдовъ, которые оставила въ сознаніи значительной части пролетаріата все предыдущая ошибочная тактика соціальдемократіи, сильное большевистское теченіе въ партіи дѣлало крайне труднымъ проведеніе въ жизнь резолюціи объединительнаго съѣзда. Два теченія въ партіи рѣзко столкнулись между собой, когда наступилъ моментъ рѣшительной борьбы Думы съ правительствомъ и когда во всей остротѣ всталъ вопросъ о поддержкѣ Думы со стороны населенія.

Выставивши требованія революціи, хотя и въ урѣзанномъ видѣ, Дума встрѣтила рѣшительный отпоръ со стороны бюрократіи. Въ отвѣтъ на это Дума, въ лицѣ всѣхъ своихъ партій, кадетовъ, трудовиковъ, соціальдемократовъ, отвѣтила требованіемъ отвѣтственнаго министерства. Это требованіе естественно, логически вытекло изъ столкновенія Думы съ бюрократіей, оно ставило рѣзко вопросъ о власти, оно сводилось къ требованію перехода власти изъ рукъ бюрократіи въ руки народнаго представительства. Ясно было, какъ день, что именно это требованіе бюрократія не въ состояніи удовлетворить, и что если бы подъ напоромъ народнаго движенія она согласилась на образованіе думскаго министерства, то она постаралась бы завтра же его свергнуть. Съ другой стороны трудно было болѣе ясно, болѣе наглядно поставить передъ широкой массой населенія вплоть до отсталыхъ его слоевъ необходимость послѣдовательнаго парламентскаго режима, какъ отвѣтивши требованіемъ отвѣтственнаго министерства на отказъ бюрократіи дать землю крестьянамъ и свободу всему народу.

Но большевики, господствовавшіе какъ разъ въ наиболѣе крупныхъ центрахъ, въ Петербургѣ и Москвѣ, дѣлали все отъ себя зависящее, чтобы оставлять пролетаріатъ въ томъ же изолированномъ положеніи, въ которомъ онъ очутился со времени дней свободы.

Съ поразительной слѣпотой, съ полнымъ непониманіемъ смысла развивающейся борьбы, они подмѣняли требованіе отвѣтственнаго министерства требованіемъ кадетскаго министерства, въ этомъ требованіи не усматривали ничего, кромѣ соглашатель-

ныхъ тенденцій кадетовъ и рѣшительно боролись противъ поддержки этого требованія. Они всѣми силами стремились къ тому, чтобы помѣшать Думѣ, представляющей интересы различныхъ классовъ и объединяющей въ своей средѣ различныя партіи,— стать общей почвой для борьбы. Въ своихъ статьяхъ въ печати и въ рѣчахъ на собраніяхъ они обращали гораздо больше вниманія на борьбу съ кадетами, чѣмъ на борьбу съ правительствомъ, они чернили Думу какъ „кадетское соглашательное" учрежденіе и не смотря на надвигающійся рѣшительный конфликтъ всей Думы съ правительствомъ, звали къ поддержкѣ не всей Думы, а только лѣвой ея части, состоящей изъ трудовиковъ и соціальдемократовъ; идея диктатуры пролетаріата и крестьянства владѣла ихъ сознаніемъ, подчиняла себѣ ихъ волю. Стремясь къ этой диктатурѣ, они боялись кадетской Думы и не желали ее связывать тѣсной связью съ народомъ.

Они боялись, что кадеты увлекутъ широкіе слои населенія и въ томъ числѣ крестьянство на путь соглашенія со старой властью и что тогда надежды на революціонную диктатуру пролетаріата и крестьянства потеряютъ почву подъ ногами. Борьба съ кадетами изъ-за крестьянства была все время ихъ движущимъ мотивомъ. Имъ пришлось отказаться отъ бойкота Думы, когда въ Думѣ оказались многочисленные представители крестьянъ и рабочихъ и образовалась сильная трудовая группа, защищающая интересы крестьянъ. Но съ тѣмъ большей энергіей они отстаивали необходимость поддерживать только лѣвую часть Думы, только трудовиковъ и соціальдемократовъ, и вели бѣшеную атаку противъ кадетскаго большинства Думы.

Но кадетское большинство на самомъ дѣлѣ не вело Думу къ соглашенію съ правительствомъ. Оно ставило правительству непріемлемое условіе въ видѣ отвѣтственнаго министерства и вступало съ бюрократіей въ непримиримый конфликтъ на почвѣ земельныхъ требованій, на почвѣ стремленія поднять положеніе крестьянъ насчетъ землевладѣльцевъ-дворянъ.

Съ другой стороны крестьянство только втягивалось еще въ политическую жизнь. Довольно сильная трудовая группа въ Думѣ не обнаруживала ни достаточной стойкости, ни достаточной послѣдовательности въ своемъ демократизмѣ, но не смотря на все свое несовершенство она далеко ушла отъ того крестьянства, инте-

ресы котораго она представляла. Она не выросла непосредственно изъ крестьянства, крестьянство не выбирало трудовиковъ, оно выбирало безпартійныхъ, часто даже реакціонеровъ, но эти безпартійные и реакціонеры благодаря агитаціи на высшихъ стадіяхъ выборовъ и въ самой Думѣ превращались въ „трудовиковъ“ и проникались революціоннымъ настроеніемъ. Отъ перерожденія крестьянъ-членовъ Думы до перерожденія всего крестьянства было очевидно еще огромное разстояніе. Дѣятельность Думы систематически воспитывала крестьянство, но за короткое время своего существованія она не могла многаго сдѣлать. И если крестьянство вообще можно было вовлечь въ этотъ моментъ въ активную борьбу, то не было лучшаго средства для этого, какъ единодушное движеніе и единодушный призывъ города къ поддержкѣ Думы въ ея борьбѣ съ правительствомъ. Вѣдь движущимъ мотивомъ этой борьбы былъ земельный вопросъ, вѣдь борьба разгоралась на почвѣ рѣзко враждебнаго отношенія бюрократіи и дворянства къ принудительному отчужденію земли у дворянъ, выдвинутому Думой!

Я не буду разбирать здѣсь, насколько основательна вообще идея диктатуры пролетаріата и крестьянства, но если эта диктатура имѣла какіе-нибудь шансы на осуществленіе, то очевидно эти шансы могли появиться только при разрастаніи антагонизма между крестьянствомъ и старой властью, при вовлеченіи крестьянства въ активную борьбу съ правительствомъ. Поэтому даже съ точки зрѣнія стремленія къ диктатурѣ пролетаріата и крестьянства дѣятельность большевиковъ была нелѣпа. Психологически ихъ дѣятельность опредѣлялась этой идеей, но такъ какъ они имѣли дѣло не съ реальнымъ крестьянствомъ, а съ своей фантазіей, такъ какъ они были проникнуты вѣрой въ революціонную стихію и эта вѣра замѣняла у нихъ реальный анализъ дѣйствительности, то ихъ дѣятельность вмѣсто того, чтобы приближать диктатуру пролетаріата и крестьянства, наносила удары революціи.

Центръ тяжести борьбы они переносили отъ правительства къ Думѣ, разжигали всѣми силами вражду къ „кадетской“ Думѣ со стороны пролетаріата и вырывали пропасть между сознательнымъ пролетаріатомъ и той многочисленной городской демократіей, которая шла за кадетами. И несомнѣнно, что всей своей дѣятельностью они облегчили безнаказанный разгонъ Думы.

Они шли въ этомъ отношеніи рука объ руку со своими врагами-кадетами. Опустивши изъ четырехчленной формулы слова „прямое, равное и тайное" въ отвѣтномъ адресѣ царю, давши въ законопроектѣ о свободѣ собраній просторъ произволу полиціи, отвергнувши образованіе демократически избранныхъ мѣстныхъ комитетовъ для разработки земельнаго вопроса, кадеты систематически лили воду на мельницу большевиковъ, давая имъ богатую пищу для нападеній на „кадетскую" Думу. Но самая рѣшительная критика этихъ отступленій кадетовъ отъ демократизма не могла и не должна была конечно заставлять насъ забывать, что у насъ съ кадетами есть общій врагъ, и что мы должны объединять съ ними усилія въ борьбѣ за тѣ требованія, которыя направлены къ ниспроверженію этого врага.

Дума была разогнана. Нѣсколько солдатскихъ волненій—въ Свеаборгѣ, Кронштадтѣ, Ревелѣ и неудачная забастовка въ Петербургѣ и Москвѣ были отвѣтомъ на этотъ разгонъ. Народъ не поддержалъ Думы и развязалъ руки бюрократіи для самаго необузданнаго произвола, который и тяготѣетъ надъ нами до сихъ поръ.

Что дало правительству смѣлость разогнать такъ скоро Думу и что дало ему возможность совершить это безнаказанно?

Въ моментъ рѣшительнаго столкновенія съ Думой правительство имѣло за собой декабрьскую побѣду надъ революціей и передъ собой рознь и вражду между двумя борющимися съ нимъ силами—Думой вмѣстѣ съ идущими за ней слоями съ одной стороны и активнымъ, сознательнымъ пролетаріатомъ съ другой. А въ моментъ разгона Думы среди сознательнаго пролетаріата господствовала робость и нерѣшительность на почвѣ всѣхъ предыдущихъ ошибокъ и отсутствіе энтузіазма, отсутствіе непосредственнаго чувства возмущенія: вѣдь дѣло шло о той Думѣ, въ созданіи которой онъ не принималъ участія и на которую его пріучали смотрѣть, какъ на предательскую, соглашательскую, „кадетскую" Думу.

Когда непосредственно послѣ разгона Думы собрались въ Петербургѣ представители различныхъ заводовъ, то господствующее мнѣніе ихъ было, что отвѣтить какъ-нибудь на разгонъ Думы нужно. Но одно говорили, что необходимо, чтобы была обезпечена поддержка крестьянства и другихъ слоевъ населенія. Про-

летаріатъ, этотъ авангардъ революціи, теперь послѣ декабрьскаго пораженія нуждался въ иниціативѣ другихъ слоевъ населенія. Но, къ сожалѣнію, другіе слои населенія чрезвычайно мало способны на себя брать иниціативу въ рѣшительный моментъ; крестьянство въ частности для этого черезчуръ мало сознательно и черезчуръ мало организовано, болѣе или менѣе широкія волненія его всегда до сихъ поръ шли слѣдомъ за волненіями пролетаріата, и, не рѣшаясь взять на себя революціонную иниціативу, пролетаріатъ тѣмъ самымъ отнималъ всякую почву у движенія.

Другіе представители петербургскихъ заводовъ указывали на необходимость желѣзнодорожной забастовки, считая всеобщую забастовку возможной только при ея наличности. Но желѣзнодорожники послѣ жестокихъ декабрьскихъ репрессій и въ виду рѣшимости правительства не останавливаться ни передъ чѣмъ для того, чтобы воспрепятствовать желѣзнодорожной забастовкѣ, совершенно резонно указывали, что только при сильномъ народномъ движеніи они могутъ рѣшиться на объявленіе забастовки и увлечь за собой желѣзнодорожную массу. Фабрично-заводскіе рабочіе нуждались въ иниціативѣ желѣзнодорожныхъ, желѣзнодорожныя—въ иниціативѣ фабрично-заводскихъ, а тѣ и другіе—въ иниціативѣ крестьянства, которое никогда до сихъ поръ не брало на себя революціонной иниціативы и неспособно было ее взять. А когда, получивши такіе сильные толчки, какъ свеаборгское и кронштадтское возстанія, революціонные верхи Петербурга наконецъ рѣшились призвать рабочую массу къ забастовкѣ, то лозунгъ „поддержка Думы“ оказался близкимъ и понятнымъ только болѣе отсталымъ слоямъ петербургскихъ рабочихъ, тѣмъ, которые до сихъ поръ принимали слабое участіе въ движеніи. Сознательная часть Петербургскаго пролетаріата въ своемъ большинствѣ обнаруживала очень мало желанія возстать во имя этого лозунга. И воспитавшіе ее своей тактикой бойкота, большевики предпочитали выставлять поддержку Свеаборга и Кронштадта, а не поддержку Думы. Но такъ какъ въ первый же день забастовки получились свѣдѣнія о подавленіи кронштадтскаго возстанія (свеаборгское было подавлено раньше), то забастовка сразу начала терять почву подъ ногами. Болѣе сознательная часть петербургскаго пролетаріата приняла въ ней слабое участіе. Въ Москвѣ такъ же, какъ въ Петербургѣ, забастовка охватила незначительное

число рабочихъ, и прежде чѣмъ провинція могла собраться съ силами для поддержки Петербурга и Москвы, забастовка въ столицахъ прекратилась. Желѣзныя дороги въ забастовкѣ совсѣмъ не приняли участія.

Вся предыдущая тактика, усвоенная сознательнымъ пролетаріатомъ, вмѣстѣ съ ея слѣдствіемъ—декабрьскимъ пораженіемъ, сдѣлали неизбѣжнымъ это новое пораженіе революціи. Эта тактика укрѣпила положеніе правительства къ моменту столкновенія его съ Думой, дала правительству смѣлость прекратить дѣятельность Думы раньше чѣмъ она успѣла сплотить вокругъ себя народныя массы и послѣ разгона сдѣлала невозможнымъ выступленіе пролетаріата и общенародное движеніе для поддержки Думы.

Январь 1907 года.